Бар. Б. Э. Нольде.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

Историческіе очерки.

УЗОО

Изданіе Юридическаго книжнаго склада „ПРАВО“.
Петроградъ, Литейный, 28.
1915.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

Бар. Б. Э. Нольде.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

Историческіе очерки.

Изданіе Юридическаго книжнаго склада „ПРАВО“.
Петроградъ, Литейный, 28.
1915.

2 12
2-й эк.

«Лит. 38»

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

1933
30

Типографія М. Волковича. Садовая 60 (уг. Б. Подъяческой).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Начало великой войны	1
II. Босфоръ и Дарданеллы	65
III. Италія въ тройственномъ союзѣ	99
IV. Императоръ Николай I и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ	137
V. Россія, Пруссія, Польша (1861—1863)	151
VI. Изъ прошлаго франко-русскихъ отношеній	193
VII. Римъ и Наполеонъ III	207
VIII. Корона и внѣшняя политика въ Англіи при королевѣ Викторіи	215
IX. Къ исторіи англо-японскаго союза	241
Примѣчанія	259
Указатель личныхъ именъ	261

Я собралъ въ настоящей книгѣ нѣсколько статей и замѣтокъ, посвященныхъ вопросамъ новѣйшей дипломатической исторіи. За исключеніемъ *пятаго* и отчасти *девятаго*, эти очерки не содержатъ какихъ либо неизвѣстныхъ ранѣе данныхъ и большею частью вызваны чтеніемъ появлявшихся за послѣдніе годы историческихъ документовъ или изслѣдованій. Уже по этому одному авторъ отнюдь не переоцѣниваетъ ихъ значенія. Если онъ рѣшается издать настоящую книгу, то только въ виду проявляемаго теперь многими интереса къ дѣламъ внѣшней политики. Легкомысленное пренебреженіе ими составляетъ старинный грѣхъ русскаго общества, отъ котораго, по счастью, оно начинаетъ исцѣляться. Обязанность всякаго, кто думалъ объ этихъ вопросахъ и ихъ изучалъ, — посильно служить этому исцѣленію.

Апрѣль, 1915 г

I.

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

Какъ началась война?

Можетъ казаться, что нѣтъ надобности ставить вопроса. Повидимому, весь міръ знаетъ, что и какъ произошло за тѣ тринадцать дней, которые отдѣляютъ врученіе австро-венгерскаго ультиматума Сербіи отъ врученія англійскаго ультиматума Германіи, тринадцать, вѣроятно, самыхъ яркихъ дней въ исторіи послѣдняго столѣтія, и я ничего не могу прибавить къ тѣмъ даннымъ, которыя съ начала войны сдѣлались достояніемъ гласности. И тѣмъ не менѣе попытка еще разъ мысленно вернуться къ общеизвѣстному и всѣми обдуманному можетъ, на мой взглядъ, быть оправдана. Мы читали газеты, слушали рѣчи министровъ, изучали оранжевую книгу, можетъ быть, прочли документы, послѣдовательно обнародованныя въ Англіи, Германіи, Бельгіи, Сербіи, Франціи и Австро-Венгріи, но все это проходило черезъ наше сознаніе по мѣрѣ того, какъ издавалось или какъ попадало въ Россію, т. е. проходило въ порядкѣ случайномъ, не такъ, какъ развивались событія, а такъ, какъ мы о нихъ узнавали. Теперь можно собрать всѣ данныя, попытаться каждое изъ нихъ поставить на свое мѣсто и по свѣжимъ слѣдамъ возстановить истинный ходъ исторіи. Я не имѣю претензіи открыть глубокія и отдаленныя причины войны и сомнѣваюсь даже въ возможности свести къ фатальной и необходимой игрѣ такихъ „причинъ“ ея

возникновеніе. Условій, вызвавшихъ борьбу, безконечное множество, малыхъ и большихъ, близкихъ и отдаленныхъ, какъ безконечно сложно то, что мы называемъ однимъ и, съ перваго взгляда, простымъ словомъ „война“. Графъ Берхтольдъ велъ свой историческій разговоръ 15/28 іюля съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ такъ, а не иначе,—и потому, что онъ обладалъ опредѣленными личными свойствами, и потому, что его окружала опредѣленная среда, и потому, что былъ убитъ эрцгерцогъ, и потому, что австро-венгерская политика потерпѣла фіаско во время балканскаго кризиса 1912—1913 годовъ, и потому, что до Берхтольда на Балльплацѣ сидѣлъ графъ Эренталь и объявилъ аннексію Босніи и Герцеговины, а до того совершалась турецкая революція, а ранѣе русско-японская война и еще раньше былъ берлинскій конгресъ и жилъ Андраши, и т. д., и т. д. Вмѣсто обманчиваго „прагматизма“ я ищу лишь точнаго описанія всего важнаго въ томъ, что на самомъ дѣлѣ совершилось. Такое описаніе есть первый ключъ къ исторіи: *какъ* было — лучшее объясненіе, *почему* было. Я предлагаю опытъ такого описанія начала войны, хочу возможно полно разсказать, что совершилось *за* тѣ тринадцать дней, въ теченіе которыхъ мирная вчера Европа вошла въ полосу величайшаго историческаго испытанія.

1.

Вѣна.

15/28 іюня 1914 г. былъ убитъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. 10/23 іюля австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ передалъ сербскому правительству ультиматумъ, содержавшій рядъ всѣмъ памятныхъ требованій и приглашавшій сербовъ дать имъ удовлетво-

реніе въ теченіе 48 часовъ. Уже продолжительность срока, отдѣлявшаго день убійства отъ дня ультиматума, указывала, что бумага австрійцевъ писалась не торопясь, много разъ обдумывалась, вѣроятно, обсуждалась во всѣхъ инстанціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ оказалось, что весь австро-венгерскій дипломатическій аппаратъ былъ заведенъ самымъ аккуратнымъ и тщательнымъ образомъ: всѣмъ посламъ и посланникамъ было сказано, что, гдѣ и какъ говорить, объясняя бумагу; у союзниковъ — въ Берлинѣ и, вѣроятно, въ общихъ чертахъ въ Римѣ—была испрошена поддержка; посланнику въ Бѣлградѣ было сказано, какъ онъ долженъ уѣзжать въ случаѣ отказа принять ультиматумъ. Несомнѣнно столь же внимательно были обсуждены и военныя мѣры воздѣйствія на Сербію. Даже сербамъ было точно указано, что имъ надлежало дѣлать, въ какой газетѣ печатать повинную за „соучастіе“ въ убійствѣ эрцгерцога, даже на какой страницѣ газеты. Дипломатическая техника торжествовала. Спрашивается, торжествовало ли дипломатическое искусство? Были ли согласованы цѣли и средства, были ли зрѣло обдуманы задачи, ясно оцѣнены всѣ возможности?

Прежде всего, какова была задача? Австрійскіе дипломаты давали разныя объясненія, приноровленныя къ разнымъ слушателямъ. Есть, прежде всего, офиціальная версія, которую имъ предписано было излагать въ столицахъ великихъ державъ, передавая текстъ ультиматума. Это—версія, такъ сказать, „оборонительная“: Австро-Венгріи угрожаетъ „преступная агитація“ Сербіи, „интриги“ Сербіи вызвали цареубійство, надо побудить Сербію остановить „разрушительное“ движеніе. „Императорское и королевское правительство убѣждено“, говорилось въ офиціальномъ документѣ, который оставилъ австрійскій посолъ въ Вѣнѣ графъ Менздорфъ серу Эдуарду Грею на слѣдующій день

послѣ передачи ультиматума, „что, предпринимая этотъ шагъ, оно находится въ полномъ согласіи съ чувствами, раздѣляемыми всѣми цивилизованными націями, которыя не могли бы допустить, чтобы цареубійство сдѣлалось оружіемъ, которымъ можно было бы безнаказанно пользоваться въ политической борьбѣ, и чтобы европейскій миръ постоянно нарушался теченіями, исходящими изъ Бѣлграда“ [1]). Это объясненіе задачъ Австріи множество разъ повторялось на разные лады: можно думать, что вѣрили въ его особливую убѣдительность. Его повторяли даже тогда, когда событія его опровергли съ достаточной наглядностью. Германскіе послы, которымъ имперскій канцлеръ предписалъ телеграммой, отправленной въ день австрійскаго ультиматума, поддержать этотъ шагъ Австріи, особенно охотно къ нему возвращались. Въ упрощенной формѣ мы встрѣчаемся съ нимъ въ телеграммѣ императора Вильгельма Государю 15/28 іюля: „Безсовѣстная агитація, которая ведется уже столько лѣтъ въ Сербіи, закончилась отвратительнымъ преступленіемъ, жертвой котораго сдѣлался эрцгерцогъ Францъ - Фердинандъ. Духъ, который заставилъ сербовъ убить своего собственнаго короля и его супругу, еще и сегодня господствуетъ въ этой странѣ. Безъ сомнѣнія, Ты согласишься со мной, что Мы оба, Ты и я, какъ и всѣ суверены, имѣемъ общій интересъ въ томъ, чтобы всѣ тѣ, кто несетъ отвѣтственность за ужасное убійство, потерпѣли заслуженное наказаніе“. Или еще проще въ разговорѣ германскаго военнаго уполномоченнаго въ Петроградѣ съ помощникомъ командующаго главной квартирой княземъ Ю. И. Трубецкимъ, который гер-

---

[1]) Пользуюсь по возможности переводами въ русскомъ изданіи англійской синей книги: Дипломатическая переписка Англіи, предшествовавшая войнѣ. Петроградъ, 1914.

манское правительство почему-то пожелало занести на страницы своей бѣлой книги: „Въ Германіи послѣ сараевскаго убійства больше не понимаютъ словъ Россіи: мы не можемъ оставить безъ помощи нашихъ братьевъ въ Сербіи“.

Я сказалъ, что офиціальная австрійско-германская „оборонительная“ версія была опровергнута весьма скоро: въ этомъ заслуга Пашича. Во множествѣ дипломатическихъ документовъ, изъ которыхъ складывается переписка, предшествовавшая войнѣ, можетъ быть, самый мудрый и совершенный есть сербскій отвѣтъ на австрійскій ультиматумъ: въ немъ вылилось истинное искусство. Австрійскія требованія противорѣчили сербскому суверенитету, даже самое ихъ число было расчитано на то, чтобы вызвать отказъ со стороны сербовъ; Пашичъ принялъ всѣ малыя и большія требованія, далъ объясненіе по всѣмъ пунктамъ, но — почти незамѣтно и очень остроумно—вытравилъ все то, что расчитано было на умаленіе сербскаго суверенитета и прямое униженіе страны. Торжественно возвѣщенные австрійскими дипломатами мотивы „государственной обороны“ монархіи, призывы охранять монархическій принципъ сразу поблѣднѣли и разсѣялись. „Цареубійцы“ заявили полную готовность карать „преступную агитацію“ и выполнить — только въ согласіи съ державными правами королевства — все, чего желали въ Вѣнѣ. Съ совершенной очевидностью обнаружилось, что въ обстоятельствахъ смерти эрцгерцога искали лишь предлога для выступленія, задачи котораго стояли далеко отъ всѣхъ, поминавшихся въ австрійскомъ ультиматумѣ, Принциповъ, Габриловичей, Цигановичей, „Народныхъ Одбранъ“ и т. д.

Австрійскіе дипломаты хорошо знали, что, кромѣ офиціальной версіи, есть и то существо дѣла, о которомъ говорить не было поручено, но о которомъ не-

вольно говорить приходилось. Впрочемъ, даже въ той офиціальной бумагѣ, которой истолковывался въ большихъ центрахъ ультиматумъ, заключался намекъ на истинныя цѣли австрійскаго вмѣшательства. „Соблюдая благожелательное отношеніе къ политическимъ интересамъ Сербіи“, говорилось тамъ, „императорское и королевское правительство надѣялось, что королевство рѣшится въ концѣ-концовъ слѣдовать съ своей стороны аналогичной линіи поведенія. Австро-Венгрія ожидала такого рода перемѣны въ политическихъ идеяхъ Сербіи въ особенности съ того времени, когда, послѣ событій 1912 года, императорское и королевское правительство, занявъ незаинтересованное и чуждое зложелательства положеніе, сдѣлало возможнымъ столь значительное расширеніе Сербскаго королевства“. Этотъ туманный намекъ на сербскую „неблагодарность“ нѣсколько разъясняется въ словахъ, сказанныхъ австро-венгерскимъ посломъ Грею нѣсколькими днями позднѣе (14/27 іюля): „Пока Сербія граничила съ Турціей, Австрія никогда не принимала очень суровыхъ мѣръ въ силу своей привязанности къ политикѣ свободнаго развитія балканскихъ государствъ. Нынѣ же, когда Сербія удвоила свою территорію и народонаселеніе, чему Австрія не чинила ни малѣйшихъ препятствій, подавленіе сербскихъ революціонныхъ тенденцій стало для Австріи вопросомъ самозащиты и самосохраненія“. Опять-таки не откровенно, обинякомъ, но все же уже яснѣе здѣсь указывается, что австрійскіе дипломаты думали, прежде всего, наверстать упущенія своей прошлой политики, политики времени балканскаго кризиса, когда составляли сербскій ультиматумъ. У насъ писали и, кажется, думали, что балканскій кризисъ былъ выгоденъ Австро-Венгріи. Эта легенда теперь можетъ быть сдана въ архивъ. Невыгоды были такъ велики, что Австрія, пытаясь ис-

править ихъ, рискнула европейской войной. Отказъ отъ пути на Салоники и удвоенная Сербія, съ сомнительнымъ утѣшеніемъ албанской анархіи и распри съ Италіей,—таковъ былъ итогъ балканскаго кризиса для Австро-Венгріи; этотъ итогъ пожелали скинуть со счетовъ. Генеральный секретарь итальянскаго министерства иностранныхъ дѣлъ правильно понималъ, когда говорилъ англійскому послу въ день предъявленія ультиматума Сербіи: „Серьезность положенія лежитъ въ убѣжденіи австро венгерскаго правительства, что совершенно необходимо для его престижа, послѣ стольких разочарованій, вызванныхъ ходомъ событій на Балканахъ, добиться окончательнаго успѣха“.

Что интересно отмѣтить: при всей сдержанности профессіональныхъ дипломатовъ попытка возстановить политическія потери 1912—1913 г.г., сдѣланная вѣнскимъ правительствомъ, сразу же обнаружила въ нихъ какъ будто сданныя въ архивъ традиціи габсбургскаго „имперіализма“. Онъ не сказывался въ разговорахъ съ русскими, но съ англичанами австрійцы были откровенны: это понятно, ибо, какъ я покажу ниже, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ вѣрили въ нейтралитетъ Англіи. Вотъ два эпизода. На слѣдующій день послѣ объявленія войны Сербіи австро-венгерскій посолъ въ Лондонѣ, въ отвѣтъ на замѣчаніе Грея о впечатлѣніи, которое война произведетъ въ Россіи, сказалъ: „До балканской войны о Сербіи всегда говорили, что она находится въ сферѣ австрійскаго вліянія“. Въ тотъ же день на другомъ концѣ Европы, въ Константинополѣ, австрійскій посолъ заговорилъ о Салоникахъ. „Я пришелъ къ заключенію“, телеграфируетъ англійскій представитель въ Турціи въ Лондонъ, „что намѣренія Австріи, быть можетъ, простираются гораздо дальше санджака и карательнаго занятія сербской территоріи. Я сдѣлалъ этотъ выводъ на основаніи замѣчанія здѣшняго австрійскаго посла, ко-

торый говорилъ о плачевномъ положеніи Салоникъ подъ управленіемъ Греціи и о помощи, на которую можетъ расчитывать австрійская армія со стороны мусульманскаго населенія, недовольнаго сербскимъ владычествомъ".

Воскресенье габсбургскаго „имперіализма", которое мы чувствуемъ въ этихъ, отмѣченныхъ документами, эпизодахъ, какъ всегда бываетъ, льстило толпѣ и опиралось на фундаментъ скрытыхъ народныхъ инстинктовъ. Объ этомъ разсказываетъ англійскій посолъ въ Вѣнѣ, серъ М. ди Бунзенъ, въ своемъ общемъ обзорѣ кризиса, написанномъ по возвращеніи въ Лондонъ: „Поведеніе населенія въ Вѣнѣ и, мнѣ сообщали, въ другихъ главныхъ городахъ монархіи краснорѣчиво обнаруживало популярность мысли о войнѣ съ Сербіей, и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что маленькая кучка политическихъ людей Австріи и Венгріи, которые рѣшились на памятное выступленіе, правильно оцѣнивали настроеніе и, можно сказать, рѣшимость народа, за исключеніемъ, вѣроятно, частей провинцій, населенныхъ славянскими племенами. Вездѣ было много разочарованія, что война съ Сербіей была избѣгнута во время аннексіоннаго кризиса 1908 г. и опять въ связи съ балканской войной. Мирная политика графа Берхтольда не встрѣтила сочувствія въ делегаціяхъ. Теперь двери были открыты, и все населеніе, и вся пресса нетерпѣливо требовали немедленнаго и примѣрнаго наказанія ненавистнаго сербскаго народа".

Таковы были задачи, въ которыхъ признавались открыто, и тѣ, въ которыхъ офиціально не признавались, но которыя скрыть было нельзя. Средства ихъ достигнуть были обдуманы не менѣе тщательно. Они рисовались такъ. Ультиматумъ, принятіе котораго означало, какъ выразился С. Д. Сазоновъ въ разговорѣ съ графомъ Пурталесомъ, превращеніе Сербіи въ Бухару, а

непринятіе вызывало войну и тотъ же конечный результатъ; для обезпеченія невмѣшательства Россіи сразу же, одновременно съ обнародованіемъ ультиматума, предупредительная угроза Германіи по ея адресу, а кстати и по адресу Франціи. Въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, повидимому, не сомнѣвались въ дѣйствительности этого, въ общемъ довольно несложнаго плана, скопированнаго съ образца, даннаго даровитымъ предшественникомъ мало способнаго графа Берхтольда—Эренталемъ въ періодъ аннексіи Босніи и Герцеговины. Сначала дѣйствительно все разыгрывалось, какъ по нотамъ; всѣ были разставлены на мѣста и говорили то, что нужно; если и обнаружилось довольно скоро, что на австрійское выступленіе отвѣчаютъ не такъ, какъ по расписанію слѣдовало, то первоначально этому ни Вѣна, ни Берлинъ, видимо, не придавали значенія, увлеченные своими собственными замыслами и своимъ собственнымъ пониманіемъ положенія.

Сначала—ультиматумъ и заявленія австрійскихъ пословъ въ Петроградѣ, Парижѣ и Лондонѣ на тему о преступной агитаціи и цареубійствѣ, заявленія, сами по себѣ лишенныя интереса и исчерпывавшіяся воспроизведеніемъ уже извѣстной намъ офиціальной версіи о задачахъ ультиматума. Далѣе—появленіе въ кабинетахъ С. Д. Сазонова, Бьенвеню-Мартена (замѣнявшаго ѣздившаго съ президентомъ Вивіани) и сера Эдуарда Грея, слѣдомъ за австрійскими, германскихъ пословъ, весьма рѣшительно заговорившихъ въ пользу австрійскаго выступленія. Заявленія германскихъ представителей даютъ возможность измѣрить политическую температуру первыхъ дней кризиса. Выступленіе ихъ есть результатъ предварительнаго сговора между Берлиномъ и Вѣной—въ этомъ нельзя сомнѣваться уже въ виду того простого факта, что инструкціи изъ Берлина были даны посламъ еще до врученія ультиматума Сербіи;

значитъ, степень энергіи, вложенной въ германскую поддержку, была опредѣлена общимъ соглашеніемъ и признана достаточной для достиженія цѣли. Заявленіе германскихъ пословъ заканчивалось слѣдующими положеніями (въ Лондонѣ они были сдѣланы и письменно): „Если австро-венгерское правительство не желаетъ окончательно потерять своего великодержавнаго положенія, то для него нѣтъ иного выбора, какъ только добиться отъ сербскаго правительства исполненія своихъ требованій путемъ энергичнаго давленія и даже, если будетъ необходимо, съ помощью вооруженной силы, такъ какъ выборъ средствъ долженъ быть предоставленъ ему одному. Имперское правительство находитъ нужнымъ настойчиво подчеркнуть свое мнѣніе, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ идетъ лишь о дѣлѣ, которое должно быть улажено исключительно между Австро-Венгріей и Сербіей, и великія державы должны серьезно озаботиться тѣмъ, чтобы ограничить дѣло исключительно двумя непосредственно заинтересованными сторонами. Имперское правительство настоятельно желаетъ локализаціи конфликта, такъ какъ всякое вмѣшательство со стороны другой державы повлекло бы за собой, въ виду различныхъ союзныхъ обстоятельствъ, неисчислимыя послѣдствія“. Германскій посолъ во Франціи баронъ ф. Шенъ, дважды прочтя свое сообщеніе, просилъ обратить особенное вниманіе на только-что приведенныя слова ноты и сказалъ, что „въ нихъ заключается основной пунктъ (point capital) сообщенія“. Не довольствуясь этимъ, ф. Шенъ сообщилъ печати о своемъ выступленіи, въ которой оно было истолковано, едва ли не по указанію самого посла, какъ „угроза“. Баронъ ф.-Шенъ пріѣзжалъ правда во французское министерство сказать, что

никакой угрозы нѣтъ, но оцѣнка была, конечно, вѣрной. Надѣясь, очевидно, сразу же обезпечить успѣхъ австрійскаго шага, Германія—раньше, чѣмъ даже могло выясниться отношеніе державъ—дѣйствительно обратилась къ угрозамъ. Много говорилось о томъ, знала или не знала Германія текстъ ультиматума Сербіи; германскій посолъ въ Парижѣ, германскій посолъ въ Петроградѣ и самъ статсъ-секретарь ф.-Яговъ тщательно отрицали свою освѣдомленность, причемъ ф.-Яговъ, разговаривая съ англійскимъ посломъ, даже заявилъ „частнымъ образомъ“, что австрійская нота „оставляетъ, какъ дипломатическій документъ, многаго желать“, и что во всякомъ случаѣ „содержаніе ноты“ ему было неизвѣстно. Мы знаемъ теперь, что нота была до ея врученія сообщена германскому послу въ Вѣнѣ и имъ протелеграфирована императору Вильгельму, она была сообщена и въ другихъ мѣстахъ Германіи [1]); но допустимъ, что въ самомъ дѣлѣ текстъ ультиматума не былъ редактированъ по предварительному соглашенію и что ф.-Яговъ сумѣлъ бы сдѣлать ноту, „какъ дипломатическій документъ“, болѣе совершенной, чѣмъ это удалось графу Берхтольду. Но и при такихъ условіяхъ останется несомнѣннымъ, что политическій смыслъ ультиматума—а въ немъ все дѣло—былъ хорошо понятъ и вполнѣ

[1]) Англійскій посолъ въ Вѣнѣ серъ М. ди Бунзенъ въ телеграммѣ 17/30 іюля: „Хотя я и не могу провѣрить этого, но получилъ частныя свѣдѣнія о томъ, что германскій посолъ зналъ текстъ австрійскаго ультиматума Сербіи раньше, чѣмъ онъ былъ отправленъ, и протелеграфировалъ его германскому императору. Я слышалъ отъ самого германскаго посла, что онъ подписывается подъ каждымъ его пунктомъ“. Телеграмма Аллизэ, французскаго посланника въ Мюнхенѣ, 10/23 іюля: „Предсѣдатель Совѣта (Баварскій) мнѣ сказалъ сегодня, что австрійская нота, которая ему извѣстна, была, по его мнѣнію, редактирована въ пріемлемой для Сербіи формѣ, но что тѣмъ не менѣе настоящее положеніе кажется ему весьма серьезнымъ“.

одобренъ германскимъ правительствомъ раньше, чѣмъ онъ былъ предъявленъ. Конечно, ф.-Бетманъ-Гольвегу не было надобности включать въ инструкцію германскимъ посламъ угрожающихъ ссылокъ на „союзныя обязательства“ и настоятельно призывать къ „локализаціи конфликта“, если бы рѣчь шла о неизвѣстномъ Германіи и къ тому же несовершенномъ упражненіи вѣнской дипломатической канцеляріи. Германское правительство понимало, что дѣлало. Я не знаю, связывало-ли оно уже съ этимъ первымъ своимъ выступленіемъ сознательный расчетъ вызвать европейскую войну; я думаю, что эта рѣшимость созрѣла нѣсколькими днями позднѣе. Но все же объясненія ф.-Шена и ф.-Ягова были, конечно, неискренними. Первое выступленіе внушено было совершенно опредѣленнымъ стремленіемъ, занявъ угрожающее положеніе, обезпечить успѣхъ австрійскаго плана и нанести политическій ударъ Россіи. „Все указываетъ“, писалъ въ день обнародованія австрійскаго ультиматума одинъ изъ выдающихся участниковъ развертывавшихся событій, французскій посолъ въ Берлинѣ Жюль Камбонъ, „что Германія намѣрена съ исключительнымъ рвеніемъ поддерживать Австрію. Слабость, обнаруживавшаяся за послѣдніе годы австро-венгерской союзницей, ослабляла довѣріе, которое здѣсь къ ней питали. Находили, что ее трудно тащить за собой... Отъ нея требовали, чтобы она была сильна, и теперь довольны хотя бы и тѣмъ, что она проявляетъ грубость (On ne lui demandait que d'être forte, mais l'on est satisfait qu'elle soit brutale)“.

Пославъ ультиматумъ и вооруживъ его германскими угрозами, дипломатія двухъ союзниковъ рѣшила, что дѣло сдѣлано и что остается только ждать времени, когда можно будетъ пожать плоды проявленной энергіи. Графъ Берхтольдъ, разсказавъ содержаніе ультиматума русскому повѣренному въ дѣлахъ князю Н. А. Кудашеву,

уѣхалъ изъ Вѣны въ Ишль и не сталъ дожидаться русскаго отвѣта. Когда этотъ отвѣтъ пришелъ и оказался просьбой продлить срокъ ультиматума, съ нимъ пришлось объясняться по телефону и посылать телеграммы, что значительно упрощало отказы. Даже въ Берлинѣ англійскому послу на просьбу поддержать отсрочку ультиматума отвѣтили, что за отъѣздомъ Берхтольда въ Ишль сдѣлать это невозможно. Когда ультиматумъ былъ Сербіей отвергнутъ и объявленіе ей войны было отправлено, графъ Берхтольдъ снова появился въ Вѣнѣ, но продолжалъ самымъ рѣшительнымъ тономъ заявлять, что Австро-Венгрія не можетъ измѣнить принятаго рѣшенія.

Въ Вѣнѣ и Берлинѣ ждали изо дня въ день, что задуманная развязка дипломатической кампаніи, развязка, которую назвали „локализаціей спора“, наконецъ, наступитъ безъ всякихъ новыхъ усилій, только съ твердымъ сохраненіемъ разъ занятой австрійскими и германскими дипломатами позиціи. Эта увѣренность питалась двумя коренными заблужденіями,—заблужденіями, которыхъ, конечно, не простятъ руководителямъ внѣшнихъ судебъ двухъ странъ ихъ народы, какъ только они въ состояніи будутъ размышлять спокойно и узнаютъ правду. Первое основное заблужденіе заключалось въ полной увѣренности, что Россія уступитъ, какъ только увидитъ серьезность положенія; второе—не менѣе основное—въ убѣжденіи, что скрывавшаяся въ формулѣ „локализація войны“ угроза заставитъ Францію и Англію отказать Россіи въ поддержкѣ и тѣмъ самымъ уединитъ Россію и дипломатически, и въ войнѣ, если бы, паче чаянія, война началась.

Дипломатическіе документы даютъ множество свидѣтельствъ, что и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ разсчитывали на уступчивость Россіи. Эти свидѣтельства на-

столько любопытны, что ихъ стоитъ собрать воедино. Н. Н. Шебеко телеграфировалъ 14/27 іюля въ Петроградъ: „Надо полагать, что Австрія разсчитывала подъ вліяніемъ завѣреній германскаго представителя въ Вѣнѣ, игравшаго въ теченіе всего кризиса роль подстрекателя, на вѣроятность локализаціи конфликта съ Сербіей и на возможность нанести ей безнаказанно тяжкій ударъ". Англійскій посолъ въ Вѣнѣ, описывая уже по возвращеніи на родину все, что произошло за время кризиса, писалъ, что въ Вѣнѣ царила полная увѣренность, будто выступленіе Австро-Венгріи не повлечетъ за собой вооруженнаго вмѣшательства другихъ великихъ державъ. С. Д. Сазоновъ говорилъ англійскому послу въ Петербургѣ утромъ въ день объявленія войны Германіей: „Германія неудачно выбрала своихъ представителей въ Вѣнѣ и Петербургѣ: первый—отчаянный руссофобъ, который все время подстрекалъ Австрію, а второй успокаивалъ свое правительство, что Россія никогда не согласится на войну". „Германскій посолъ увѣренъ— доносилъ серъ М. ди Бунзенъ въ Лондонъ 13 іюля,— что Россія будетъ держаться спокойно во время экзекуціи, которой Австрія рѣшила подвергнуть Сербію, такъ какъ она получила завѣренія, что Австро-Венгрія не присоединитъ сербской территоріи. На мой вопросъ, не будетъ ли принуждено русское правительство вмѣшаться въ силу требованій общественнаго мнѣнія, такъ какъ дѣло идетъ о родственной народности, онъ сказалъ, что все зависитъ отъ личности русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, который, если онъ захочетъ, легко можетъ произвести давленіе на нѣсколько газетъ. Онъ указалъ на то, что дни панславистской агитаціи въ Россіи прошли и что Москва совершенно спокойна. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, какъ думаетъ его превосходительство, не будетъ столь неблагоразуменъ, чтобы сдѣлать шагъ, который, вѣроятно,

БИБЛІОТЕКА ... АКАДЕМІИ ... Г. В. ПЛЕХ...

вызвалъ бы постановку многихъ пограничныхъ вопросовъ, въ коихъ Россія заинтересована, ибо на очередь станутъ вопросы шведскій, польскій, рутенскій (sic), румынскій и персидскій. Франція также не находится въ такомъ состояніи, чтобы помышлять о войнѣ". „Въ Вѣнѣ убаюкиваютъ себя надеждой", разсказывалъ итальянскій посолъ въ Петроградѣ своему французскому товарищу, „что Россія не выдержитъ удара". „Австрійскій коллега сказалъ мнѣ сегодня", доносилъ 15/28 іюля англійскій посолъ въ Берлинѣ, „что всеобщая война въ высшей степени невѣроятна, такъ какъ Россія не хочетъ и не въ состояніи вести войну. Мнѣ кажется", прибавляетъ Гошенъ, „что это мнѣніе раздѣляется здѣсь (въ Берлинѣ) весьма многими". И эта увѣренность сохранилась до послѣднихъ дней кризиса: за два дня до германскаго ультиматума (16/29-го) ф.-Яговъ говорилъ итальянскому послу Боллати, что Россія не выступитъ.

По понятнымъ причинамъ германскаго и австро-венгерское правительства не включили въ изданные имъ документы тѣхъ донесеній своихъ пословъ, въ которыхъ они писали, что Россія воевать не будетъ. Но достаточно прочесть приведенныя выше свидѣтельства и особенно телеграммы англійскаго посла въ Вѣнѣ, съ которымъ всѣ участники событій были весьма откровенны, чтобы утверждать, что оба союзныхъ правительства получали изъ Петербурга донесенія о полной неспособности Россіи къ дѣятельному выступленію. Я увѣренъ, что наличность этихъ документовъ въ архивахъ Берлина и Вѣны оспариваться не можетъ. Но даже и въ осторожной, — сдѣланной послѣ начала войны,—редакціи германской бѣлой книги есть слѣды той же близорукой вѣры въ пассивность русскаго правительства. Германское правительство питалось заржавѣвшими отъ времени, совершенно лубочными представленіями, что въ Россіи есть двѣ силы и два тече-

нія: „панславизмъ“ — пресловутый „Panslavismus“ временъ еще Бисмарка—и разумные консервативные верхи и что традиція, которую они представляли, безъ труда можетъ и должна справиться съ „панславизмомъ“. Эта упрощенная картина современной Россіи—Россіи послѣ 1905—1906 гг.—составляетъ предпосылку той оцѣнки положенія, которую давалъ ф.-Бетманъ-Гольвегъ въ своемъ обращеніи къ союзнымъ правительствамъ въ въ разгаръ кризиса (15/28 іюля), обнародованномъ въ бѣлой книгѣ:

„Отдѣльные голоса въ Россіи“, пишетъ канцлеръ, „видятъ само собой разумѣющееся право и задачу Россіи въ вмѣшательствѣ въ пользу Сербіи въ конфликѣ между ней и Австро-Венгріей. За европейскую смуту, которая явится послѣдствіемъ такого шага Россіи, *Новое Время* дѣлаетъ отвѣтственнымъ Германію, поскольку она не побудитъ Австро-Венгрію къ уступчивости. Русская печать тѣмъ самымъ совершенно извращаетъ положеніе...

„Образъ дѣйствій имперскаго правительства въ этомъ вопросѣ намѣчается ясно. Агитація панславистовъ противъ Австро-Венгріи имѣетъ конечной цѣлью, путемъ разрушенія дунайской монархіи, добиться уничтоженія или ослабленія тройственнаго союза и, какъ слѣдствія, уединенія германской имперіи. Нашъ собственный интересъ зоветъ насъ на сторону Австро-Венгріи“...

Въ разгаръ кризиса участникъ событій, имѣвшій возможность сохранить наибольшее спокойствіе и объективность оцѣнокъ, — итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ ди Санъ Джуліано, обсуждая опасность положенія, видѣлъ ее въ томъ, что „представлялось труднымъ заставить Германію повѣрить, что намѣренія Россіи серьезны“ (that Russia was in earnest)—(разговоръ съ англійскимъ посломъ 16/29 іюля). И

тутъ же онъ давалъ понять, что Германія равнымъ образомъ не допускаетъ возможности вмѣшательства Англіи, и совѣтовалъ своему собесѣднику вывести Германію изъ этой увѣренности. Въ самомъ дѣлѣ убѣжденіе въ необходимой пассивности Россіи сочеталось въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ съ кореннымъ заблужденіемъ относительно роли Франціи и Англіи въ европейскомъ кризисѣ. Францію надѣялись запугать, а съ Англіей расчитывали итти заодно на всемъ протяженіи кризиса.

Германскій посолъ въ Парижѣ, баронъ ф.-Шенъ, каждый день ѣздилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и можно прослѣдить за всѣми его попытками устрашенія Франціи. Первый визитъ намъ уже извѣстенъ: это визитъ 11/24 іюля, на другой день послѣ австрійскаго ультиматума, съ заявленіями о „локализаціи“ и о „разнообразныхъ союзныхъ обязательствахъ“. На слѣдующій день, когда въ газетахъ было напечатано о его „угрозахъ“, онъ пріѣхалъ, говорилъ, что „угрозы“ не было, но кончилъ словами: „Германія одобряетъ точку зрѣнія Австріи, и, конечно, разъ стрѣла выпущена, Германія можетъ только руководствоваться своими союзническими обязанностями“. Баронъ ф.-Шенъ лично, быть можетъ, и не стремился продолжать разговоръ въ томъ же угрожающемъ тонѣ: онъ не новая фигура на европейской дипломатической сценѣ, и во время его министерства въ Берлинѣ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, франко-германскія отношенія были налажены удовлетворительно, но, видимо, въ Берлинѣ этимъ угрозамъ придавалось большое значеніе, ибо черезъ день послѣ его второго объясненія ему была отправлена канцлеромъ новая телеграфная инструкція, гдѣ было сказано, что на Россіи лежитъ отвѣтственность за европейскій миръ, и которая кончалась словами: „Мы возлагаемъ надежду на Францію, съ кото-

рой мы одинаково стремимся къ сохраненію европейскаго мира, въ томъ, что она употребитъ свое вліяніе на Россію въ успокоительномъ смыслѣ". Посолъ поспѣшилъ выполнить приказаніе: 14/27 іюля онъ снова появился въ министерствѣ и передалъ изложеніе инструкціи канцлера въ письменной формѣ. Впечатлѣніе осталось совершенно опредѣленное; его изложилъ вернувшемуся въ тотъ день въ Парижъ А. П. Извольскому министръ юстиціи Бьенвеню-Мартенъ, замѣнявшій Вивіани, такъ: „выступленія Германіи имѣютъ несомнѣнною цѣлью разъединить Россію и Францію, завлечь французское правительство на путь представленій въ Петербургѣ и тѣмъ скомпрометировать нашего союзника въ нашихъ глазахъ, а въ случаѣ войны отбросить отвѣтственность за нее не на Германію, якобы всѣми силами стремящуюся сохранить миръ, а на Россію и Францію". Бьенвеню-Мартенъ поспѣшилъ сообщить эти впечатлѣнія Вивіани и французскимъ посламъ. Франко-германскіе разговоры такъ до конца и велись въ этомъ тонѣ устрашенія: 16/29 іюля канцлеръ приказывалъ ф.-Шену угрожать уже безъ обиняковъ военными мѣрами, а 18/31-го ф.-Шенъ потребовалъ въ опредѣленный срокъ отвѣта, какое положеніе займетъ Франція въ русско-германской войнѣ, чтобы выслушать на слѣдующій день полный достоинства отвѣтъ Вивіани, что Франція поступитъ такъ, какъ ей повелѣваютъ ея интересы.

Разговоры съ Англіей велись совершенно иначе и обнаруживали, что расчетъ на ея невмѣшательство былъ построенъ на надеждѣ усыпить энергію англійскаго правительства мягкостью и миролюбіемъ австрійскихъ и германскихъ выступленій. Расчетъ былъ наивенъ, ибо Англію не могло ввести въ заблужденіе миролюбіе тона князя Лихновскаго и графа Мендорфа въ то время, какъ весь міръ кругомъ былъ наполненъ шу-

момъ угрозъ и бряцаніемъ оружія австрійцевъ и германцевъ. Наивность расчета особенно наглядно видна въ дѣятельности Менздорфа, австрійскаго посла въ Лондонѣ, который, повидимому, былъ совершенно неспособенъ усвоить себѣ обстановку. 12/25 іюля онъ пришелъ къ сэру Эдуарду Грею и формально, ссылаясь на приказанія своего правительства, объяснилъ, что выступленіе въ Бѣлградѣ не есть ультиматумъ, а есть лишь „démarche“ съ указаніемъ срока, а что если австрійскія требованія не получатъ удовлетворенія, то австро-венгерское правительство прерветъ дипломатическія отношенія и начнетъ военныя приготовленія, но—прибавилъ онъ, въ своемъ усердіи дополняя этими словами данную ему изъ Вѣны инструкцію,—не военныя дѣйствія. Серъ Эдуардъ Грей поспѣшилъ протелеграфировать это заявленіе въ Парижъ и Петербургъ, прибавляя, что острота положенія скорѣе уменьшилась, и въ Вѣну, выражая полное удовлетвореніе по поводу рѣшенія Австро-Венгріи. Но уже на слѣдующій день со всѣхъ сторонъ стали приходить извѣстія, что война будетъ Австріей объявлена немедленно. Что могло быть результатомъ, кромѣ убѣжденія Грея въ неискренности австрійцевъ? Когда 14/27 іюля Менздорфъ пришелъ объяснить Грею, что Австро-Венгрія „вынуждена“ воевать съ Сербіей, онъ выслушалъ только слова суроваго упрека; но и въ этомъ второмъ разговорѣ проглядываетъ увѣренность, что добрымъ словомъ не трудно убаюкать Англію. „Высокое чувство справедливости британскаго народа и британскихъ государственныхъ людей“, убѣждалъ посолъ, „не позволитъ имъ осудить австрійское правительство за то, что оно мечомъ будетъ защищать свое достояніе... Австрійское правительство, полагаясь на дружескія отношенія съ нами (Англіей), чувствуетъ, что оно можетъ расчитывать на наше сочувствіе въ борьбѣ, на которую его вынудили, и на нашу

помощь для локализаціи борьбы въ случаѣ надобности“... Почти наканунѣ войны (16/29) Менздорфъ принесъ въ англійское министерство длинный меморандумъ, въ которомъ, по его словамъ, заключалось „полное объясненіе необходимости австрійскаго выступленія“; при всей корректности дипломатическихъ документовъ изъ отчета Грея объ этой бесѣдѣ видно, что на этотъ разъ собесѣдника взяла досада: „Я сказалъ“, пишетъ Грей, „что не имѣю никакого желанія обсуждать, кто правъ въ вопросѣ между Австріей и Сербіей. Сегодняшнія извѣстія кажутся мнѣ очень дурными для европейскаго мира...“ Руководители и дѣятели германской политики еще въ большей степени, чѣмъ австрійцы, пребывали въ увѣренности, что Англія будетъ поддерживать ихъ въ теченіе всего кризиса, какъ бы далеко они не пошли. Правда, эта увѣренность не выражалась въ столь наивной формѣ, какъ у Менздорфа,—германскій посолъ въ Лондонѣ, князь Лихновскій, велъ дѣло гораздо тоньше,—но ее также легко обнаружить. Достаточно прочесть самый, быть можетъ, любопытный документъ изъ всѣхъ обнародованныхъ въ связи съ войной—описаніе разрыва съ Германіей, сдѣланное англійскимъ посломъ серомъ Э. Гошеномъ; вотъ разсказъ о послѣднемъ свиданіи Гошена съ имперскимъ канцлеромъ 22 іюля/3 августа. „Я нашелъ канцлера“, пишетъ посолъ, „въ большомъ волненіи. Его превосходительство сразу же началъ рѣчь (a harangue), которая длилась около 20 минутъ. Онъ сказалъ, что поступокъ правительства его величества до послѣдней степени ужасенъ; только изъ-за слова „нейтралитетъ“ — слова, которое такъ часто нарушалось, только изъ-за листка бумаги Великобританія готова вести войну съ родственнымъ народомъ, который больше ничего не желалъ, какъ быть ея другомъ. Всѣ его усилія въ этомъ направленіи были

сдѣланы безплодными этимъ послѣднимъ шагомъ, и политика, которой онъ, какъ я знаю, себя посвятилъ съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ должность, распалась, какъ карточный домикъ. То, что мы сдѣлали, невообразимо; это было ударомъ сзади въ человѣка, въ то время какъ онъ борется за свою жизнь противъ двухъ нападающихъ. Онъ считаетъ Великобританію отвѣтственной за всѣ ужасныя событія, которыя могутъ случиться"... Сопоставимъ эти слова, въ которыхъ, черезъ сухой и дѣловой пересказъ Гошена, чувствуется вся глубина потрясенія, которое испытали въ Берлинѣ послѣ англійскаго ультиматума, съ тономъ того, что принцъ Генрихъ прусскій телеграфировалъ всего за шесть дней передъ тѣмъ и наканунѣ германскаго ультиматума Россіи (17/30) англійскому королю: „...теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, Германія и Англія должны оказать другъ другу взаимную поддержку для предотвращенія катастрофы, которая иначе кажется неотвратимой", или съ тѣмъ, что писало германское правительство въ бѣлой книгѣ, розданной за нѣсколько часовъ до объявленія войны Англіей: „плечомъ къ плечу съ Великобританіей работали мы надъ посредничествомъ". Здѣсь измѣряется вся глубина заблужденія, въ которомъ пребывали руководители германской политики, когда думали объ Англіи.

2.

Петроградъ.

То, что было задумано въ Вѣнѣ и санкціонировано въ Берлинѣ, не осуществилось потому, что и въ Петроградѣ, и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ все произошло не такъ, какъ ожидали. Въ Петроградѣ не капитулировали передъ угрозой Пурталеса, въ Парижѣ не устрашились

ф.-Шена, въ Лондонѣ не повѣрили усердной вкрадчивости Мендсдорфа и Лихновскаго. Случилось большее: русская дипломатія объединила вокругъ своей политики — въ той или иной формѣ — въ сущности всю Европу. Повторилось то, что было въ Крымскую войну, только наоборотъ: европейскій крестовый походъ былъ объявленъ за Россію.

Едва ли когда-нибудь удастся съ полной точностью учесть, въ какой мѣрѣ достоинства нашей политики и въ какой — ошибки политики нашихъ противниковъ создали ту совершенно исключительную по своимъ выгодамъ международную обстановку, въ которой происходитъ война; такой результатъ былъ, конечно, достигнутъ сочетаніемъ этихъ достоинствъ и этихъ ошибокъ. Но мы уже теперь можемъ выяснить многіе факторы, вызвавшіе торжество русской политики.

Война есть великое нравственное испытаніе, въ которомъ неисчислимо значеніе нравственнаго достоинства поставленной цѣли. За насъ были моральныя цѣнности: благородство задачи, которую мы себѣ поставили въ началѣ кризиса, и сложившееся въ концѣ его сознаніе—не только наше собственное, но и переданное другимъ,—что не Россія вызвала грозную борьбу европейскихъ народовъ и ея тяжкія бѣдствія. Для каждаго изъ насъ и то, и другое положеніе ясны: они— тотъ нравственный фондъ, на который мы ведемъ войну. Теоретическимъ доказываніемъ и развитіемъ этихъ положеній я заниматься не буду: я пишу не политическое оправданіе, а историческій обзоръ событій. Меня занимаетъ поэтому только то, какъ въ европейскихъ событіяхъ отразились два основныхъ моральныхъ фактора, руководившихъ русской политикой.

Если въ Вѣнѣ радовались ультиматуму и предстоявшей „карательной“ войнѣ съ маленькимъ сосѣдомъ, а въ Берлинѣ сухо и отчетливо удостовѣряли,

что надо было бороться „съ некультурностью и преступтичною политескою моралью“ Сербіи (выраженіе памятной записки, которой открывается германская бѣлая книга) [1]), то, напротивъ того, въ Россіи ультиматумъ и война были встрѣчены сразу же, какъ актъ политически „безнравственный“. Германскій императоръ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ сказалъ, что русское правительство повиновалось стремленіямъ „ненасытнаго націонализма“. Всякій объективный наблюдатель событій въ Россіи долженъ засвидѣтельствовать, что чувство „неправды“ было гораздо ярче чувства „невыгоды“ при извѣстіи объ ультиматумѣ. Въ первомъ разговорѣ С. Д. Сазонова съ англійскимъ посломъ тотчасъ послѣ полученія этого извѣстія, 11/24 іюля, первымъ словомъ министра было: „поведеніе Австріи — провокаторское и безнравственное“. „Политика Австріи“, повторилъ онъ ему же наканунѣ дня объявленія войны Германіей, „была все время коварной и безнравственной“. Въ телеграммѣ Государя Императора, отправленной императору Вильгельму 16/29 іюля, сказано: „Я радъ, что ты возвратился въ Германію. Въ этотъ серьезный моментъ настоятельно прошу тебя Мнѣ помочь. Постыдная война объявлена слабой странѣ, возмущеніе по этому поводу, которое Я всецѣло раздѣляю, въ Россіи неслыханно. Я предвижу, что скоро Я не въ состояніи буду противостоять давленію, которое на Меня оказывается, и вынужденъ буду принять мѣры, которыя приведутъ къ войнѣ. Чтобы избѣжать бѣдствія, какимъ будетъ европейская война, прошу тебя, во имя Нашей старой дружбы, сдѣлать все, что можешь, дабы удержать твоего союзника отъ слишкомъ далеко идущихъ шаговъ“.

Чувство нравственнаго осужденія того, что затѣвала

---

[1]) „Kampf gegen Unkultur und politische Verbrechermoral“.

Австрія, было, конечно, не единственнымъ: оно соединялось съ мыслью, что Россіи замышляли нанести политическій ударъ; но нѣтъ сомнѣнія, что силу русскаго правительства въ началѣ кризиса создавала именно нравственная правота дѣла, которое она брала подъ свою защиту. Эта правота сознавалась и другими, и русская политика находила за границей первый естественный оплотъ въ этомъ сознаніи. И для Франціи, и для Англіи дѣло Сербіи было всетаки дѣломъ чужимъ. Когда Грею въ первый разъ пришлось говорить о возможности австрійскаго выступленія въ Бѣлградѣ, еще до того, какъ оно послѣдовало, онъ уронилъ слѣдующую характерную фразу: „Я ненавижу мысль о войнѣ между какими-либо великими державами, и если одна изъ нихъ будетъ вовлечена въ войну Сербіей, то это будетъ отвратительно (would be detestable)“. Въ томъ первомъ послѣ ультиматума разговорѣ С. Д. Сазонова съ англійскимъ посломъ, о которомъ я упомянулъ, послѣдній весьма твердо заявилъ, что „британскіе интересы въ Сербіи ничтожны и что война изъ-за этой страны никогда не будетъ освящена британскимъ общественнымъ мнѣніемъ“. Эта отдаленность сербской проблемы отъ прямыхъ интересовъ Англіи, конечно, сознавалась въ Лондонѣ до конца кризиса, и тѣмъ не менѣе уже съ первыхъ его дней ч у в с т в о измѣнилось: нравственная оцѣнка австрійскаго выступленія перестаетъ совпадать съ его оцѣнкой раціональной и политической, а всякій, кто сколько-нибудь знаетъ Англію, знаетъ, что значитъ такое расхожденіе для политики страны. 14/27 іюля Грей послѣдовательно говорилъ съ Лихновскимъ и Мендзорфомъ, и тонъ этихъ двухъ разговоровъ невольно совпадалъ съ тѣмъ, что говорилось въ Россіи. „Сербскій отвѣтъ“, говорилъ Грей Лихновскому, „идетъ навстрѣчу австрійскимъ требованіямъ дальше, чѣмъ этого можно было ожидать.

Германскій статсъ - секретарь самъ сказалъ, что въ австрійской нотѣ есть нѣкоторые пункты, принятія коихъ отъ Сербіи едва ли можно ожидать... Если Австрія отброситъ сербскій отвѣтъ, какъ ничего не стоящій, и вступитъ въ Сербію, то это значитъ, что она рѣшила раздавить Сербію во что бы то ни стало. не считаясь съ послѣдствіями, которыя это можетъ повлечь". „Мнѣ кажется", сказано было Менздорфу, „что сербскій отвѣтъ уже означаетъ величайшее униженіе Сербіи, какому, насколько знаю, никогда не подвергалась ни одна страна, и мнѣ очень досадно, что къ этому отвѣту австрійское правительство отнеслось такъ, какъ если бы онъ былъ неудовлетворительнымъ или чисто отрицательнымъ".

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Парижѣ было налицо, когда кризисъ открывался, достаточное равнодушіе къ чисто сербскому дѣлу, смѣнившееся совершенно яснымъ сознаніемъ неправоты Австріи, какъ только выяснилось, чего она домогается. Любопытная подробность: даже австрійскій посолъ въ Парижѣ оказался зараженнымъ этимъ настроеніемъ. Директоръ французскаго политическаго департамента сообщилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ М. М. Севастопуло 13/26 іюля, что, когда онъ передалъ австрійскому послу содержаніе сербскаго отвѣта на ультиматумъ, посолъ не скрылъ своего изумленія по поводу того, что Гизль [1]) имъ не удовлетворился [2]).

Но сербскій вопросъ въ теченіе нѣсколькихъ дней превратился въ вопросъ европейскій, въ которомъ уже перестали играть роль всякія оцѣнки правоты и неправоты Австро-Венгріи или Сербіи. Конечно, то на-

[1]) Австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ.

[2]) Такое же удивленіе высказывалъ и ф. Шенъ (разговоръ съ Бертело 13/26 іюля).

строеніе, которое было вызвано сознаніемъ „безнравственности“ австрійской политики и „постыдности“ ея войны противъ маленькаго сосѣда, не пропало даромъ. Но въ исторіи кризиса несравненно большее значеніе получилъ второй факторъ, опредѣлявшій русскую политику—мысль, что она все сдѣлала для сохраненія мира и что не она вызвала войну.

Мы подходимъ здѣсь вплотную къ основному разнорѣчію въ оцѣнкѣ совершившагося: какъ извѣстно, Германія, объявляя намъ войну, утверждала, что только „принимала вызовъ“, а Австро-Венгрія, въ своемъ объявленіи, говорила, что „Россія, согласно сообщенію берлинскаго кабинета, сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи“; потомъ на всѣ лады повторялось, что Россія, по выраженію имперскаго канцлера въ рейхстагѣ, „подожгла домъ“, и, кажется, эту мысль удалось — конечно, на время — внушить и нѣмецкому общественному мнѣнію. Чтобы выяснить, гдѣ правда, надо остановиться на общемъ ходѣ переговоровъ.

12/25 іюля русское правительство обнародовало въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, что не можетъ оставаться равнодушнымъ къ австро-сербскому столкновенію; наканунѣ С. Д. Сазоновъ имѣлъ объясненіе съ графомъ Пурталесомъ, которое тотъ передалъ въ Берлинъ слѣдующей телеграммой: „Содержаніе Вашего предписанія 592 я только что подробно развилъ въ продолжительной бесѣдѣ съ Сазоновымъ. Министръ разразился безмѣрными жалобами на Австро-Венгрію и былъ весьма возбужденъ. Самымъ рѣшительнымъ образомъ онъ заявилъ: Россія не можетъ допустить, чтобы австро-сербскій споръ разрѣшился между одними его участниками“. Положеніе было достаточно уяснено: съ 13/26 іюля всѣ знали, что австро-сербскій конфликтъ превратился въ конфликтъ между Россіей и Австро-Венгріей.

Мы знаемъ, какъ надѣялись разрѣшить этотъ конфликтъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, и знаемъ, что эти надежды не получили осуществленія. Разсчитывали на капитуляцію Россіи, которой не послѣдовало. Но развѣ только этотъ путь велъ къ миру и развѣ искреннее стремленіе сохранить миръ не должно было побуждать добросовѣстно испробовать и другіе пути? Австро-русскіе конфликты—не новость для современной Европы: они не прекращались съ 1907 г., съ того времени, какъ баронъ Эренталь выступилъ съ проектомъ соединенія боснійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ турецкими и какъ кончилось сотрудничество Россіи и Австро-Венгріи въ дѣлѣ македонскихъ реформъ; правда, часть этихъ конфликтовъ рѣшалась именно такъ, какъ хотѣли рѣшить возникшее 11/24 іюля столкновеніе—уступкой Россіи, но со временъ балканской войны 1912—1913 г.г. дѣйствительность этого средства должна была, по справедливости, считаться сомнительной, и во всякомъ случаѣ пришлось испробовать другія, которыя дали удовлетворительные результаты. Съ декабря 1912 г. по мартъ 1913 г. тянулся споръ между Россіей и Австро-Венгріей о границахъ Албаніи и кончился взаимными уступками, облегченными посредничествомъ сера Эдуарда Грея и князя Лихновскаго и непосредственными объясненіями между С. Д. Сазоновымъ и тогдашнимъ австро-венгерскимъ посломъ въ Петроградѣ графомъ Турномъ.

Въ теченіе европейскаго кризиса въ минувшемъ іюлѣ русское правительство готово было принять всѣ пути разрѣшенія конфликта: ни одно предложеніе, клонившееся къ обезпеченію мира, не было отвергнуто. Напротивъ того, каждое изъ нихъ было отвергнуто или Австро-Венгріей, или Германіей или обоими союзниками вмѣстѣ. Этихъ предложеній выдвигалось довольно много, но за необыкновенно быстрымъ развитіемъ со-

бытій часть ихъ отпадала, не поспѣвая даже созрѣть до точнаго выраженія. Ихъ можно перечислить по очереди.

Первое, выдвинутое въ самомъ началѣ кризиса и уже по одному этому имѣвшее большіе шансы на успѣхъ, исходило отъ Грея. Оно было выражено имъ такъ: „Расположенъ ли министръ иностранныхъ дѣлъ“—предложеніе было обращено въ Парижъ, Берлинъ и Римъ— „дать инструкцію здѣшнему послу немедленно собраться здѣсь съ представителями Франціи, Италіи, Германіи и мною на конференцію съ цѣлью изысканія выхода, который предотвратилъ бы осложненія? Спросите министра иностранныхъ дѣлъ, согласенъ ли онъ на это; если да, то представители въ Бѣлградѣ, Вѣнѣ и Петроградѣ должны быть уполномочены, доведя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія державъ, при которыхъ они аккредитованы, просить ихъ о недопущеніи какихъ бы то ни было активныхъ военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока будетъ засѣдать конференція“ (13/26 іюля).

Предложеніе было принято Россіей, Франціей и Италіей и было отвергнуто Австро-Венгріей и Германіей. Повидимому, германскіе дипломаты чувствовали, что этотъ отказъ знаменовалъ собой очень многое и что онъ значительно уменьшалъ шансы мирнаго исхода. Мы можемъ прослѣдить по документамъ колебаніе Германіи, продолжавшееся однако одну минуту. Грей заговорилъ съ Лихновскимъ о своемъ предложеніи 12/25 іюля, еще до его окончательной формулировки: Лихновскій сказалъ, что Австрія не можетъ отступить отъ своихъ требованій Сербіи, но что, если намѣренія Грея сводятся къ посредничеству между Австріей и Россіей, то Австрія, сохраняя свое достоинство, могла бы его принять и что онъ, Лихновскій, ему сочувствуетъ. На это Лихновскому была послана имперскимъ канцлеромъ такая телеграмма: „Дѣлаемое серомъ Эду-

ардомъ Греемъ различіе между австро - сербскимъ и австро-русскимъ конфликтами совершенно правильно. Мы такъ же мало, какъ Англія, желаемъ вмѣшиваться въ первый, и теперь, какъ и ранѣе, придерживаемся взгляда, что этотъ вопросъ долженъ быть тѣмъ локализированъ, что всѣ державы воздержатся отъ вмѣшательства. Поэтому наша настоятельная надежда, что Россія воздержится отъ всякаго активнаго выступленія въ сознаніи своей отвѣтственности и серьезности положенія. Мы готовы, если возникнетъ австро-русскій споръ, оговаривая наши извѣстныя союзныя обязательства, выступить совмѣстно съ другими великими державами съ посредничествомъ между Россіей и Австріей". Конечно, въ этомъ разсужденіи не было логики: „локализація" австро-сербскаго конфликта означала отсутствіе конфликта австро-русскаго, и тогда о какомъ посредничествѣ между Австріей и Россіей могла итти рѣчь? Но при недостаткѣ логики согласіе на посредничество все же было симптоматичнымъ для настроенія въ Берлинѣ въ первую минуту — мелькало сознаніе, что обстоятельства повелительно требовали итти навстрѣчу усиліямъ Грея сохранить миръ. Германское правительство въ предпосланной бѣлой книгѣ памятной запискѣ утверждало, что предложеніе Грея не увѣнчалось успѣхомъ изъ - за того, что его отклонила Австро-Венгрія. Документы доказываютъ, что это утвержденіе совершенно ложно. Предложеніе Грея было отвергнуто самой Германіей. Излагая его, Грей—весьма естественно послѣ разговора съ Лихновскимъ—съ большою тщательностью исключилъ всякій намекъ на то, что рѣчь шла о посредничествѣ въ австро - сербскомъ спорѣ: это было вполнѣ искренно при томъ сознательномъ равнодушіи къ сербскому вопросу, изъ котораго исходилъ Грей. При такихъ условіяхъ надо было ожи-

дать, что инструкція имперскаго канцлера требовала принятія предложенія. И тѣмъ не менѣе предложеніе принято не было. Утромъ 14/27 іюля ф.-Бетманъ-Гольвегъ, и ф.-Яговъ еще допускали возможность посредничества четырехъ державъ между Россіей и Австро-Венгріей [1]), и въ этотъ день, повинуясь его указаніямъ, Лихновскій выразилъ Грею принципіальное согласіе на это посредничество. Но нѣсколькими часами позднѣе настроеніе въ Берлинѣ рѣзко измѣнилось. Англійскій посолъ серъ Э. Гошенъ и французскій Жюль Камбонъ выслушали рѣшительный отказъ ф.-Ягова принять предложеніе Грея. Первому онъ сказалъ, что конференція означаетъ третейскій судъ между Россіей и Австріей, который не можетъ состояться безъ просьбы этихъ двухъ государствъ, и что вообще она неосуществима, а второму отвѣтилъ ссылкой на союзныя отношенія съ Вѣной. Въ этой перемѣнѣ настроенія Вѣна была не отвѣтственна. Повидимому, утромъ того же дня, одновременно съ отправленіемъ въ Лондонъ первоначальнаго принципіальнаго согласія на посредничество, имперскій канцлеръ телеграфировалъ германскому послу

---

[1]) Въ бѣлой книгѣ германскаго правительства помѣщена слѣдующая телеграмма имперскаго канцлера князю Лихновскому 14/27 іюля: „О предложеніи сера Эдуарда Грея собрать въ Лондонѣ четверную конференцію, здѣсь пока ничего не извѣстно. Мы не можемъ влечь нашего союзника въ его распрѣ съ Сербіей предъ европейскій судъ. Наша посредническая дѣятельность должна ограничиваться опасностью австро-русскаго конфликта". Надо полагать, что эта телеграмма есть отвѣтъ на необнародованный запросъ Лихновскаго о томъ, какъ ему отнестись къ предложенію Грея, которое было извѣстно въ Лондонѣ ранѣе его официальной передачи правительствомъ. При всей неясности указаній телеграммы она, конечно, не была отказомъ, и такъ ее и понялъ Лихновскій. Телеграмма Грея была отправлена изъ Лондона 13/26 вечеромъ и была сообщена ф.-Ягову, вѣроятно, лишь во второй половинѣ слѣдующаго дня.

въ Вѣнѣ Чиршкому о Греевскомъ предложеніи посредничества, въ его окончательной формѣ не высказываясь отрицательно. Отвѣтъ изъ Вѣны пришелъ только на слѣдующій день, 15/28 іюля. Этотъ отвѣтъ былъ отказомъ („Графъ Берхтольдъ проситъ меня выразить вашему превосходительству искреннюю благодарность за сообщеніе англійскаго предложенія посредничества. Онъ замѣчаетъ однако при этомъ, что послѣ начатія военныхъ дѣйствій Сербіей и послѣ объявленія тѣмъ временемъ войны онъ долженъ смотрѣть на выступленіе Англіи, какъ на запоздавшее"), но отказъ Берхтольда по дорогѣ скрестился съ телеграммой австрійскаго посла въ Берлинѣ, который сообщалъ, что Германія уже отвергла предложеніе Грея.

Предложеніе Грея было, вѣроятно, лучшимъ изъ намѣчавшихся средствъ мирной ликвидаціи спора. Отвѣтственности за его неудачу Россія не несла, и всѣ знали, что она падала на Германію.

Второй путь, который могъ вести къ миру, заключался въ непосредственныхъ переговорахъ между Россіей и Австро-Венгріей. Онъ также былъ добросовѣстно испробованъ русскимъ правительствомъ уже съ самаго начала кризиса. 13/26 іюля германскій посолъ въ Петроградѣ предложилъ С. Д. Сазонову повидать австро-венгерскаго посла, чтобы выяснить положеніе дружескими объясненіями. Графъ Сапари былъ въ тотъ же день у министра, который ему сказалъ, послѣ отдѣльныхъ замѣчаній относительно ультиматума, что въ интересахъ сохраненія мира, который одинаково дорогъ и для Австріи, какъ для всѣхъ державъ, было бы необходимо возможно скорѣе положить конецъ натянутому положенію; съ этой цѣлью казалось бы очень желательнымъ, чтобы австро-венгерскій посолъ былъ уполномоченъ войти съ нимъ въ частный обмѣнъ мыслей для совмѣстной переработки нѣкоторыхъ статей австрійской

ноты 10 іюля; такимъ путемъ, быть можетъ, удалось бы найти формулу, которая, будучи пріемлемой для Сербіи, дала бы вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніе требованіямъ Австріи по существу. Сапари оказался не въ состояніи дать отвѣтъ, его далъ Берхтольдъ Н. Н. Шебеко по своемъ возвращеніи въ Вѣну 15/28 іюля. Этотъ отвѣтъ, которымъ разрывалась вторая нить, державшая миръ, изложенъ въ телеграммѣ посла такъ: „Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ вполнѣ сознаетъ серьезность положенія и всѣ преимущества откровеннаго объясненія съ нами по этому поводу, но что австро-венгерское правительство, весьма неохотно рѣшившееся на столь рѣзкіе шаги по отношенію къ Сербіи, въ настоящій моментъ не можетъ отступить и вступить въ обсужденіе текста своей ноты. Отвѣтъ Сербіи служитъ доказательствомъ неискренности ея завѣреній для будущаго“, добавилъ министръ. Отказъ не могъ быть болѣе категорическимъ. И нельзя не сказать, что въ этомъ отказѣ отвѣтственность несетъ не только Австрія, но и германское правительство. Разговоръ съ Сапари происходилъ съ вѣдома и одобренія германскаго посла въ Петроградѣ, который сейчасъ же телеграфировалъ о немъ въ Берлинъ; въ Берлинѣ поспѣшили имъ воспользоваться, какъ однимъ изъ предлоговъ для того, чтобы провалить предложеніе Грея о четверной конференціи, но въ то же время отказались поддержать въ Вѣнѣ необходимость продолженія разговоровъ, несмотря на то, что завѣдомо для германскаго правительства безъ его уговоровъ графъ Берхтольдъ долженъ былъ отвѣтить русскому правительству простымъ отказомъ: это неизбѣжно вытекало изъ принятаго ранѣе въ Берлинѣ и Вѣнѣ рѣшенія добиться „локализаціи“ австро-сербскаго спора. Отвѣтъ ф.-Ягова на просьбу русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ о поддержкѣ великолѣпенъ: „Яговъ отвѣтилъ“, телеграфи-

ровалъ А. Н. Броневскій 14/27 іюля, „что онъ придерживается мнѣнія, выраженнаго Пурталесомъ, что, разъ Сапари пошелъ на этотъ разговоръ, то онъ могъ бы его и продолжить. Въ этомъ смыслѣ онъ телеграфируетъ германскому послу въ Вѣнѣ. На мою просьбу болѣе настоятельно посовѣтовать отъ себя Вѣнѣ итти въ этомъ примирительномъ направленіи, онъ возразилъ, что не можетъ совѣтовать Австріи уступить". Мы не знаемъ, была ли при такихъ условіяхъ ссылка на петроградскіе переговоры при отказѣ отъ англійскаго предложенія простой отпиской, вызывавшейся легкомысленной вѣрой въ уступчивость Россіи и въ торжество намѣченной дипломатической кампаніи, или же недобросовѣстной попыткой ввести въ заблужденіе Англію, — вѣроятнѣе второе, но несомнѣнно, что германскіе канцлеръ и государственный секретарь несутъ сугубую отвѣтственность за неуспѣхъ и первой, и второй попытки спасти миръ.

С. Д. Сазоновъ въ разговорѣ съ графомъ Сапари намѣчалъ еще и третій варіантъ переговоровъ о пересмотрѣ австрійскихъ требованій Сербіи: посредничество Англіи и Италіи. Мысль эта носилась въ воздухѣ и, казалось, подсказывалась обстановкой: Италія числилась еще въ составѣ тройственнаго союза, и портфель министра иностранныхъ дѣлъ находился въ рукахъ ди Санъ Джуліано, много сдѣлавшаго для укрѣпленія союза. Самъ ди Санъ Джуліано, заговорилъ съ англійскимъ посломъ объ англо-итальянскомъ посредничествѣ послѣ того, какъ и предложеніе Грея, и предложеніе С. Д. Сазонова были отвергнуты, 16/29 іюля. Мы опредѣленно не знаемъ, предлагалъ ли онъ эту процедуру въ Берлинѣ и Вѣнѣ: это вѣроятно [1]), но надо полагать, что и она была отвергнута.

[1]) На это намекаетъ послѣдняя часть телеграммы сэра Р. Родда отъ 16/29 іюля и его телеграмма 17/30 іюля.

Не забудемъ, наконецъ, еще и четвертаго примирительнаго предложенія, выдвинутаго послѣ неуспѣха предшествующихъ. 16/29 іюля Государь телеграфировалъ императору Вильгельму: „Благодарю за Вашу телеграмму, примирительную и дружественную. Между тѣмъ, переданное сегодня Вашимъ посломъ Моему министру оффиціальное сообщеніе было совершенно въ другомъ тонѣ. Прошу Васъ разъяснить это разногласіе. Было бы правильно передать австро-сербскій конфликтъ на гаагскую конференцію. Расчитываю на Вашу мудрость и дружбу". Германскій императоръ не отозвался на это предложеніе, а потомъ германское правительство скрыло эту телеграмму при обнародованіи остальныхъ и, когда она была оглашена въ Россіи, устами оффиціозныхъ органовъ печати давало достаточно плоскія объясненія своего умолчанія, доказывая, будто телеграмма Государя не стояла въ непосредственной связи съ переговорами.

Этимъ попыткамъ найти выходъ изъ положенія, исходившимъ изъ Петрограда, Лондона и Рима, ни въ Австріи, ни въ Германіи не было противопоставлено ничего другого, кромѣ стремленія такъ или иначе устранить Россію изъ австро-сербскаго спора. Первоначальный замыселъ уже извѣстенъ: это — формула „локализаціи" со всѣми ея послѣдствіями. Когда этотъ замыселъ не осуществился, и въ Россіи сказали, что тамъ не намѣрены просто-напросто уйти изъ австро-сербскаго спора, надо было подумать о какой-нибудь уступкѣ. Но вмѣсто того, чтобы предложить что-нибудь реальное—согласиться на предложенія Грея или ди Санъ Джуліано или начать переговоры въ Петроградѣ, въ Берлинѣ рѣшили, что въ качествѣ уступки можно выдвинуть обѣщаніе Австро-Венгріи не присоединять къ себѣ сербской территоріи. Въ сущности тутъ никакой

новой уступки не было: что Австро-Венгрія не присоединитъ къ себѣ сербской земли, было заявлено князю Н. А. Кудашеву въ первомъ же его объясненіи съ графомъ Берхтольдомъ, до отъѣзда послѣдняго въ Ишль. Но черезъ нѣсколько дней, тогда, когда уже ясно обозначился конфликтъ съ Россіей, обѣщаніе было выдвинуто опять, будто бы вызванное занятымъ Россіей положеніемъ. 13/26 іюля графъ Сапари въ уже извѣстной намъ бесѣдѣ съ С. Д. Сазоновымъ повторилъ слова Берхтольда Кудашеву; освѣдомившись о такомъ заявленіи, германскій канцлеръ поспѣшилъ отправить во всѣ столицы телеграммы, возвѣщавшія объ этомъ, какъ о событіи, рѣшительно измѣнявшемъ общее положеніе,— хотя онъ и зналъ, что обѣщаніе дано было Вѣной ранѣе всякаго вмѣшательства Россіи въ споръ и что, слѣдовательно, оно было учтено въ Петроградѣ до того, какъ рѣшеніе вмѣшаться было принято. И что характерно для пріемовъ германской дипломатіи,—выдавая заявленіе о „территоріальной незаинтересованности" Австро-Венгріи за ея готовность пойти навстрѣчу возраженіямъ Россіи, она снабжала эту „уступку" новыми угрозами по русскому адресу. „Послѣ того какъ Австро-Венгрія официально заявила Россіи", читаемъ въ телеграммѣ канцлера послу въ Парижѣ,—„что она не ищетъ территоріальныхъ приращеній, рѣшеніе, будетъ ли европейская война, лежитъ на Россіи, которая несетъ всю отвѣтственность". Могли ли разговоры вестись въ этомъ тонѣ съ великими державами, въ Берлинѣ, повидимому, себя не спрашивали: выработанная привычкой вѣра въ спасительность угрозъ въ международныхъ дѣлахъ была такъ велика, что ими полны даже документы, предназначенные для внутренняго употребленія Германіи—о „тяжести отвѣтственности" Россіи послѣ заявленія графа Берхтольда говорится въ томъ обращеніи германскаго канцлера къ союзнымъ германскимъ

правительствамъ, которымъ имперія предупреждалась о серьезности международнаго положенія (15/28 іюля). Повтореніе германскихъ угрозъ подъ новымъ предлогомъ, конечно, не способно было измѣнить положеніе и ни на іоту не приближало къ разрѣшенію кризиса. „Территоріальная незаинтересованность“ Австро-Венгріи не отражалась на постановкѣ всего вопроса, выяснившейся съ отвѣтомъ Россіи на австрійскій ультиматумъ: рѣчь шла о суверенныхъ правахъ Сербіи, и противопоставленіе имъ „земельной неприкосновенности“ только подчеркивало значеніе австрійскаго выступленія, особенно въ тотъ моментъ, когда сталъ извѣстенъ сербскій отвѣтъ на ультиматумъ, а Австрія тѣмъ не менѣе объявила ей войну и начала обстрѣлъ Бѣлграда. Естественно поэтому, что заявленія германскихъ дипломатовъ на тему о „территоріальной незаинтересованности“ Австро-Венгріи не нашли и не могли найти отклика: въ нихъ видѣли, конечно, въ лучшемъ случаѣ только попытку обойти вопросъ, и уже во всякомъ случаѣ не выраженіе добросовѣстнаго исканія примирительнаго выхода. Въ документахъ записаны отвѣты, данные германскимъ посламъ въ Парижѣ, Петроградѣ и Лондонѣ, судя по датамъ, вѣроятно, заранѣе не согласованные. Въ Парижѣ 15/28-го баронъ ф.-Шенъ заявилъ, что Австрія будетъ уважать неприкосновенность Сербіи, но, спрошенный, будетъ ли равнымъ образомъ уважаема независимость, онъ не далъ никакихъ увѣреній. Въ Лондонѣ 16/29-го князь Лихновскій сказалъ Грею, что Австрія не возьметъ сербской территоріи, на что Грей замѣтилъ, что, „не захватывая территоріи и оставляя номинальную сербскую независимость, Австрія можетъ на дѣлѣ обратить Сербію въ вассальное государство, а это отразится на всемъ положеніи Россіи на Балканахъ“. Въ Петроградѣ на слѣдующій день (17/30-го) разговоръ происходилъ такъ. Германскій посолъ спро-

силъ С. Д. Сазонова, не можетъ ли Россія удовлетвориться обѣщаніемъ, которое могла бы дать Австрія, не нарушать цѣлости сербскаго королевства, и указать, на какихъ условіяхъ она еще согласилась бы пріостановить вооруженія; министръ продиктовалъ ему для срочной передачи въ Берлинъ слѣдующее заявленіе: если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ общеевропейскаго вопроса, заявитъ о готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи, Россія обязуется прекратить свои военныя приготовленія.

Такимъ образомъ, пять дней изъ восьми, въ теченіе которыхъ мирный исходъ могъ быть найденъ, Германія потратила на защиту предложенія, которое Россіей завѣдомо не могло быть принято. Германскіе дипломаты не хотѣли или не умѣли отдать себѣ отчета, что принятіе условія, которое ими выдавалось за австрійскую „уступку“, для Россіи при создавшейся обстановкѣ равнялось капитуляціи, а простое предложеніе капитулировать не было исканіемъ мирнаго выхода. Оно не ввело въ заблужденіе ни Парижа, ни Лондона: миролюбіе Россіи не было заподозрѣно отъ-того, что она не преклонилась передъ угрозой, которой хотѣли придать несвойственное ей „мирное“ значеніе.

3.

Берлинъ.

Европейская война, конечно, не была цѣликомъ обусловлена ни тѣмъ, что задумала Австро-Венгрія, ни тѣмъ, какъ отнеслась къ этому замыслу Россія, ни тѣмъ, какъ были встрѣчены намѣчавшіяся мирныя предложенія. Все это создавало только обстановку, въ которой развивались событія, лишь опредѣляло на-

правленіе этихъ событій; для того, чтобы война возникла, надо было, чтобы одно изъ государствъ рѣшилось ее начать. Мы знаемъ, что съ внѣшней стороны это рѣшеніе было принято Германіей, которая 19 іюля/1 августа объявила войну Россіи. Я хочу показать, что это не было только внѣшней иниціативой, но что и на дѣлѣ война была начата Берлиномъ и что на германскомъ правительствѣ—даже не на Австріи—лежитъ прямая и непосредственная за нее отвѣтственность.

Въ исторіи тринадцати дней, которую я разсказываю, при внимательномъ разсмотрѣніи обнаруживается минута, когда совершается окончательный поворотъ къ войнѣ, и послѣдняя становится неизбѣжной. И послѣ этой поворотной точки продолжаютъ говорить о мирѣ, наскоро выдвигаютъ какія-то примирительныя предложенія, но дѣло мира уже проиграно. Я считаю, что она падаетъ хронологически на 14/27 и 15/28 іюля. Австро-русскій конфликтъ къ этому времени получаетъ нѣсколько болѣе яркое выраженіе—Австрія объявляетъ войну Сербіи и производитъ частную мобилизацію 15/28 іюля, на которую Россія отвѣчаетъ частной же мобилизаціей 16/29 іюля, но дѣло уже не въ австро-русскомъ конфликтѣ. За сутки отъ второй половины дня 14/27-го до вечера 15/28-го происходитъ рѣшительный поворотъ настроенія въ Берлинѣ. Мы видѣли, какъ еще утромъ 14/27-го германское правительство готово было принять мирную формулу Грея и какъ во второй половинѣ дня эта формула была рѣзко отвергнута и одновременно русскому повѣренному въ дѣлахъ отказано поддержать необходимость австро-русскихъ объясненій въ Петроградѣ. Въ Берлинѣ созрѣли какія-то новыя рѣшенія,—рѣшенія, вылившіяся въ двухъ документахъ большой важности.

Одинъ изъ нихъ—инструкція, отправленная графу Пурталесу 15/28 іюля—намъ въ подлинникѣ не из-

вѣстенъ: онъ не вошелъ въ германскую бѣлую книгу и не вошелъ по причинамъ довольно понятнымъ. Но мы знаемъ, какъ посолъ эту инструкцію выполнилъ, и отсюда узнаемъ ея содержаніе. Этой инструкціей графу Пурталесу было предписано передать русскому правительству угрозу германской мобилизаціей. Такая, угроза появляется здѣсь впервые; правда, и предшествующія объясненія германскихъ дипломатовъ выдержаны были въ тонѣ устрашенія, но до 15/28-го словъ: германская мобилизація, произнесено не было. Мы знаемъ, что значатъ эти слова: 18-го въ полночь Германія сказала, что она мобилизуетъ на слѣдующій день, а на слѣдующій день была объявлена война; основанное на военныхъ соображеніяхъ равенство для Германіи войны и мобилизаціи было, конечно, извѣстно въ Берлинѣ 15/28-го такъ же хорошо, какъ 18/31-го. Поэтому посланная 15/28-го инструкція графу Пурталесу, несомнѣнно, означала рѣшимость воевать. У насъ двѣ записи разговора посла съ министромъ, сдѣланныя обоими собесѣдниками въ отправленныхъ ими телеграммахъ. Запись С. Д. Сазонова кратка: „Сегодня германскій посолъ сдѣлалъ мнѣ заявленіе о рѣшеніи своего правительства мобилизовать свои силы, если Россія не прекратитъ дѣлаемыхъ ею военныхъ приготовленій...“. Запись посла болѣе подробна, но, надо полагать, въ германской бѣлой книгѣ воспроизведена не цѣликомъ и тѣмъ значительно смягчена [1]). Разговоръ,

[1]) Бѣлая книга состоитъ изъ мемуара и документовъ. Нѣкоторые документы введены въ составъ мемуара и цѣликомъ не воспроизведены, очевидно, съ цѣлью облегченія ихъ переработки въ мемуарѣ. Къ числу этихъ документовъ, подвергшихся переработкѣ, относится и телеграмма Пурталеса 16/29 іюля, помѣщенная въ составѣ мемуара. Она начинается съ возраженій С. Д. Сазонова и, очевидно, опускаетъ заявленіе Пурталеса, съ котораго разговоръ начался.

мы знаемъ, начался съ того, что Пурталесъ передалъ угрозу мобилизаціи. „Министръ пытался", доноситъ Пурталесъ, „убѣдить меня высказаться передъ моимъ правительствомъ за участіе въ разговорѣ вчетверомъ, дабы найти средство дружественнымъ образомъ побудить Австро-Венгрію отказаться отъ требованій, противорѣчащихъ державности Сербіи. Я, обѣщавъ лишь передачу разговора, сталъ на ту точку зрѣнія, что послѣ того, какъ Россія рѣшилась на опасный шагъ мобилизаціи, мнѣ кажется всякій обмѣнъ мнѣній весьма затруднительнымъ, если не невозможнымъ. То, что Россія теперь требуетъ отъ насъ относительно Австро-Венгріи, заключается въ томъ же, въ чемъ Австро-Венгрію упрекали относительно Сербіи: покушеніе на права суверенитета; Австро-Венгрія обѣщала, заявивъ о своей территоріальной незаинтересованности, принять во вниманіе русскіе интересы,—большая уступка со стороны воюющаго государства. Поэтому надо предоставить двуединой монархіи одной уладить свое дѣло съ Сербіей. Всегда будетъ время при заключеніи мирнаго договора вернуться къ огражденію сербскаго суверенитета. Очень серьезно я добавилъ, что въ настоящее время все австро-сербское дѣло уходитъ на второй планъ сравнительно съ опасностью европейскаго пожара, и приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы показать воочію министру всю величину этой опасности. Было невозможно разубѣдить Сазонова въ томъ, что Россія не можетъ оставить Сербію безъ помощи".

Одновременно съ посылкой инструкцій графу Пурталесу и въ сознаніи серьезности принятаго рѣшенія германскій имперскій канцлеръ обратился 15/28 іюля съ конфиндеціальнымъ циркуляромъ ко всѣмъ союзнымъ германскимъ правительствамъ, предупреждавшимъ о предстоящей войнѣ. Въ этомъ циркулярѣ

канцлеръ естественно не сознавался и не могъ сознаваться, что въ Берлинѣ рѣшились воевать; какъ всѣ документы, исходившіе изъ его канцеляріи, и этотъ циркуляръ старается доказать, что война навязана Германіи. Но самая отправка циркуляра, вызванная сознанной именно въ эту минуту необходимостью предупредить о войнѣ, и то, что въ немъ было написано, показываютъ не менѣе спредѣленно, чѣмъ инструкція Пурталесу, что рѣшимость перейти линію, отдѣлявшую миръ отъ войны, созрѣла въ эту минуту въ Берлинѣ. „Нашъ собственный интересъ зоветъ насъ на сторону Австро-Венгріи“, писалъ канцлеръ. „Обязанность по возможности охранить Европу отъ всеобщей войны въ то же время побуждаетъ насъ поддерживать тѣ стремленія, которыя направлены на локализацію конфликта, въ соотвѣтствіи съ той линіей поведенія, которой мы придерживались въ теченіе 44 лѣтъ въ интересахъ сохраненія европейскаго мира. Если однако противъ ожиданія вслѣдствіе выступленія Россіи пожаръ распространится, то, вѣрныя нашимъ союзнымъ обязанностямъ, мы поможемъ сосѣдней монархіи всѣми силами имперіи. Только вынужденные мы возьмемся за мечъ, но тогда въ спокойномъ сознаніи, что мы не несемъ отвѣтственности за бѣдствіе, которое для народовъ Европы принесетъ война“. Когда обнажаешь мысль, лежащую въ основѣ этихъ, призванныхъ будить патріотизмъ, фразъ, то она совершенно ясна: или „локализація“ австро-сербскаго спора, или война съ Россіей. Мы знаемъ, что, когда писался циркуляръ, „локализація“ объективно была уже невозможна и вмѣшательство Россіи было совершившимся фактомъ. Поставленная такъ альтернатива означала рѣшимость итти на войну. При этихъ условіяхъ отказъ Германіи отъ всѣхъ попытокъ найти

мирный исходъ изъ кризиса совершенно понятенъ. Съ 14/27-го на 15/28-ое въ Берлинѣ созрѣла готовность воевать, если Россія не капитулируетъ совершенно открыто и недвусмысленно: объ этомъ предупредили союзныя правительства, и это заявили въ Петербургѣ.

Чѣмъ была вызвана эта рѣшимость и почему она сложилась именно въ этотъ моментъ? Международное положеніе, созданное 11/24 іюля послѣ отвѣта Россіи на ультиматумъ Австріи, въ основѣ своей оставалось въ теченіе всѣхъ слѣдующихъ дней неизмѣннымъ. Русское veto было съ самаго начала совершенно категоричнымъ и недвусмысленнымъ. Политически ничего новаго не могла внести въ это положеніе вызванная началомъ военныхъ дѣйствій Австріи противъ Сербіи частная мобилизація Россіи. Объ этой частной мобилизаціи Германія была заранѣе предупреждена съ такой же откровенностью, съ какой ей были объяснены мотивы вмѣшательства въ австро-сербскій конфликтъ: 14/27 іюля, по просьбѣ С. Д. Сазонова, военный министръ В. А. Сухомлиновъ пригласилъ къ себѣ германскаго военнаго агента и сказалъ ему, что при переходѣ Австро-Венгріей сербской границы въ Россіи будутъ мобилизованы Кіевскій, Одесскій, Московскій и Казанскій округа. Если при этихъ условіяхъ въ Берлинѣ сложилась 14/27—15/28 іюля рѣшимость воевать, то причина, очевидно, лежала именно въ самомъ Берлинѣ. Единственное новое, что тамъ произошло, было возвращеніе императора изъ норвежскихъ фіордовъ. Помощникъ германскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, Циммерманъ, говорилъ серу Э. Гошену за нѣсколько часовъ до пріѣзда императора, что „министерство иностранныхъ дѣлъ сожалѣетъ объ этомъ шагѣ, рѣшенномъ по собственному почину его величества“; опытный чиновникъ чувствовалъ, что съ появленіемъ на сценѣ императора положеніе осложнится.

И оно въ самомъ дѣлѣ осложнилось. Канцлеръ и ф.-Яговъ ничего серьезнаго не сдѣлали для улаженія европейскаго конфликта, но они не отказывались плести дипломатическое кружево, дѣлая это грубовато и непріятно, но все-таки не рѣшаясь разорвать нитей мира. Императоръ взялъ дѣло въ свои руки и, со свойственной ему импульсивностью, круто повернулъ въ сторону войны.

Я не хочу утверждать, что эта рѣшимость не останавливаться передъ войной съ Россіей равнялась уже въ тотъ моментъ окончательному рѣшенію начать войну съ нею. Но изъ рѣшимости весьма быстро выросло рѣшеніе. Два-три дня, которые отдѣляютъ отправку циркуляра союзнымъ правительствамъ и инструкцій послу въ Петроградѣ отъ ультиматума Россіи, были посвящены Германіей лихорадочной дипломатической работѣ, которая шла въ разныхъ направленіяхъ и преслѣдовала разныя задачи; но каждый ея шагъ за эти дни совершается по той новой дорогѣ, которую выбралъ императоръ и которая неминуемо ведетъ къ войнѣ.

Основная забота этихъ дней—нейтралитетъ Англіи. Для его обезпеченія прилагаются всѣ старанія. Другая забота—поставить дѣло съ внѣшней стороны такъ, чтобы въ странѣ могло сложится впечатлѣніе, будто война начата Россіей. Эти два мотива легко сливаются: доказать миролюбіе Германіи кажется одинаково полезнымъ и тамъ, и тутъ. Рѣшивъ или заставить Россію капитулировать, или объявить ей войну, Германія отвергла предложеніе Грея, какъ не ведшее къ капитуляціи; но оставить на себѣ odium разрушенія послѣднихъ надеждъ на мирный исходъ кризиса было крайне невыгодно; Англія настойчиво и много разъ выражала надежду на германскую помощь для охраны мира, и съ этимъ призывомъ король Георгъ V лично обратился къ принцу Генриху прусскому, который на-

ходился въ Лондонѣ въ началѣ кризиса. Поэтому 15/28-го имперскій канцлеръ позвалъ къ себѣ англійскаго посла и, извиняясь за отказъ принять предложеніе Грея, старался увѣрить его, что Германія дѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы побудить Петербургъ и Вѣну дружески сговориться. На слѣдующее утро онъ снова его вызвалъ и заявилъ, что, къ сожалѣнію, изъ его первой попытки ничего не вышло, но что онъ вторично телеграфировалъ въ Вѣну. Канцлеръ такъ излагалъ смыслъ этого обращенія: „онъ заявилъ, что, хотя, по его мнѣнію, въ сербской нотѣ обнаруживается желаніе итти на встрѣчу требованіямъ Австріи, однако онъ понимаетъ, что безъ нѣкоторыхъ прочныхъ гарантій того, что Сербія исполнитъ предъявленныя къ ней требованія во всей ихъ полнотѣ, австро-венгерское правительство не можетъ оставаться удовлетвореннымъ въ виду своего стараго опыта. Онъ приходитъ затѣмъ къ выводу, что враждебныя дѣйствія, которыя вскорѣ будутъ предприняты противъ Сербіи, завѣдомо имѣютъ своей задачей исключительно обезпеченіе такихъ гарантій, такъ какъ австрійское правительство уже завѣрило русское правительство въ отсутствіи видовъ на территоріальныя пріобрѣтенія. Онъ посовѣтовалъ австро-венгерскому правительству, если такой взглядъ правиленъ, открыто высказаться въ этомъ смыслѣ. Такое заявленіе, какъ онъ надѣется, устранитъ всякія недоразумѣнія“.

Германское правительство, несмотря на свое стремленіе доказать, что оно исполняло съ рвеніемъ „посредническую роль“ между Россіей и Австро-Венгріей, не обнародовало этой телеграммы канцлера въ Вѣну. Но изъ австрійскихъ документовъ мы узнаемъ, что въ ней было сказано меньше и иначе, чѣмъ это выходило изъ изложенія ф.-Бетманъ Гольвега серу Э. Гошену. „Имперскій Германскій Посолъ“, передаетъ смыслъ гер-

манскаго заявленія графъ Берхтольдъ въ своей телеграммѣ австро-венгерскому послу въ Берлинѣ, „сообщилъ здѣсь, что серъ Э. Грей обратился къ германскому правительству съ просьбой, чтобы оно повліяло на Имп. и Кор. правительство въ томъ смыслѣ, что оно или признало отвѣтъ изъ Бѣлграда удовлетворительнымъ, или приняло его за основу переговоровъ между Кабинетами.—Г. ф.-Чиршки получилъ порученіе передать англійское предложеніе на разсмотрѣніе Вѣнскаго кабинета". Слова канцлера о посылкѣ телеграммы преслѣдовали совершенно опредѣленную цѣль—создать внѣшнее впечатлѣніе. Разсказывая о ней Гошену, канцлеръ съ нѣкоторой наивностью почти признался въ этомъ. „То обстоятельство", пересказываетъ Гошенъ заключительныя слова канцлера въ своей телеграммѣ серу Эдуарду Грею, „что онъ освѣдомляетъ васъ о своемъ сообщеніи, служитъ доказательствомъ довѣрія, которое онъ къ Вамъ питаетъ, а равно и его заботы о томъ, чтобы Вы знали, что онъ старался поддержать изо всѣхъ силъ Ваши усилія въ интересахъ всеобщаго мира,—усилія, которыя онъ искренно цѣнитъ". Германское правительство не удовольствовалось тѣмъ, что представило свою телеграмму въ качествѣ посредническаго акта въ Лондонѣ; оно пожелало ее использовать еще и съ другой цѣлью. Надо было, въ виду предстоящей войны, имѣть возможность доказывать, въ случаѣ надобности, что Германія не только угрожала въ Петербургѣ, но и указывала Россіи мирный выходъ изъ европейскаго конфликта. Въ этомъ, на мой взглядъ, ключъ къ телеграммамъ императора Вильгельма Государю. Починъ этихъ телеграммъ принадлежалъ императору. 15/28-го іюля, вѣроятно, одновременно съ телеграммой канцлера въ Вѣну, была отправлена первая. Ссылаясь на старинную дружбу, императоръ сообщалъ, что „употребляетъ все свое вліяніе, чтобы побудить

Австро-Венгрію пойти на открытое и удовлетворительное соглашеніе съ Россіей". Въ отвѣтѣ 16/29-го іюля, который я уже приводилъ выше, была выражена надежда, что императоръ сдѣлаетъ все, чтобы умѣрить Австрію. На это сейчасъ же была отправлена новая телеграмма, въ которой заявлялось, что, будто бы, вслѣдствіе обращенія Государя, императоръ бралъ на себя „посредничество" въ австро-русскомъ спорѣ,—о посредничествѣ раньше ничего не говорилось,—и одновременно не только рѣзко и рѣшительно намѣчались основанія этого посредничества, которыя были, какъ мы увидимъ, для Россіи непріемлемы, но, сверхъ того, содержалась угроза—отказаться отъ посредничества, если Россіей будутъ приняты военныя мѣры, опасныя для Австро-Венгріи. Такимъ довольно грубымъ пріемомъ должна была создаться слѣдующая обстановка: Россія просила посредничества Германіи, Германія на это посредничество согласилась, но Россія, не дожидаясь его результатовъ, ускорила свои военныя приготовленія. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Германскій императоръ, въ стремленіи заранѣе перемѣстить отвѣтственность, по собственному почину заявилъ, что старается воздѣйствовать на Вѣну, не обозначая въ точности, въ чемъ будетъ заключаться воздѣйствіе,—онъ имѣлъ въ виду телеграмму канцлера въ Вѣну, но не изложилъ даже общаго ея смысла; Государь просилъ въ отвѣтъ дѣйствовать умѣряюще на австрійское правительство. Истинный смыслъ перваго обращенія къ Государю—желаніе подготовить внѣшній эфектъ—обнаружилось сейчасъ же: въ своей второй телеграммѣ императоръ поспѣшилъ поставить такія условія, которыя оказались замаскированной угрозой. Телеграмма канцлера въ Вѣну, которой спѣшили воспользоваться и для внушенія ложнаго впечатлѣнія въ Лондонѣ, и для несправедливаго переложенія об-

щей отвѣтственности за рѣшенную въ принципѣ войну на Петербургъ, въ самомъ дѣлѣ представляла собой лишь новый пересказъ того, что Германія неустанно выдавала за свое примирительное предложеніе, пересказъ пресловутой „территоріальной незаинтересованности“ Австро-Венгріи: Сербія принимала весь ультиматумъ, давала гарантіи его исполненія, а зато Австрія объявляла своимъ намѣреніемъ не требовать ничего другого, кромѣ „гарантій“. Еще не получивъ никакого отвѣта изъ Вѣны, императоръ Вильгельмъ бралъ подъ свою защиту это будущее заявленіе австрійскаго правительства и повторялъ заявленіе, только что сдѣланное Пурталесомъ С. Д. Сазонову. „По моему мнѣнію“, говорилось въ телеграммѣ 16/29 іюля, „на выступленіе Австро-Венгріи надо смотрѣть, какъ на попытку добиться полной гарантіи, что обѣщанія Сербіи будутъ превращены въ дѣйствія. Въ этомъ мнѣніи меня укрѣпляетъ объявленіе австрійскаго кабинета, что Австро-Венгрія не замышляетъ никакихъ территоріальныхъ завоеваній за счетъ Сербіи. Я думаю поэтому, что Россія вполнѣ можетъ сохранить роль зрителя въ австро-сербской войнѣ, не вовлекая Европу въ ужаснѣйшую войну, когда-либо ею переживавшуюся. Я думаю, что прямое соглашеніе между Твоимъ правительствомъ и Вѣною возможно и желательно, соглашеніе, которое—какъ я уже Тебѣ телеграфировалъ,—мое правительство старается облегчить всѣми силами. Естественно военныя мѣры Россіи, въ которыхъ Австро-Венгрія могла бы усмотрѣть угрозу, ускорятъ несчастье, которое мы оба хотимъ избѣжать, и похоронятъ мое положеніе, какъ посредника, которое я—въ виду Твоего призыва къ моей дружбѣ и помощи,—съ готовностью принялъ“. Таже альтернатива: война или капитуляція Россіи, но скрытая въ попыткѣ возложить отвѣтственность войны на послѣднюю.

Рѣшимость воевать, если Россія не помириться съ австрійской политикой, приводила германское правительство не только къ этимъ стараніямъ снять съ себя, съ внѣйшней стороны, отвѣтственность за войну, но еще къ поспѣшному обезпеченію своихъ дипломатическихъ фланговъ. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что благопріятныя дипломатическія условія большой войны не могутъ быть созданы за два дня до ея объявленія, императоръ Вильгельмъ и имперскій канцлеръ, превратившійся въ простого исполнителя воли императора, безъ колебаній принялись за эту задачу. Она, конечно, оказалась имъ не по плечу: не только ничего не было достигнуто, но было проявлено такое отсутствія политическаго чутья, такая грубость пріемовъ, что результатъ получился обратный.

Первая мысль была, естественно, обезпеченіе англійскаго нейтралитета. 16/29 іюля имперскій канцлеръ, вернувшись изъ Потсдама, вторично вызвалъ къ себѣ уже бывшаго у него въ этотъ день англійскаго посла и сказалъ ему, что, если Россія нападетъ на Австрію, то, онъ опасается, возникнетъ европейская война; канцлеръ твердо уповаетъ на британскій нейтралитетъ; насколько онъ понимаетъ, Англія не можетъ остаться равнодушной къ разгрому Франціи, но не такова цѣль Германіи; если Англія обѣщаетъ свой нейтралитетъ, то Германія готова дать обязательство британскому правительству не дѣлать никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ Франціи въ случаѣ удачной войны. Выслушавъ эти неожиданныя заявленія, серъ Э. Гошенъ спросилъ о французскихъ колоніяхъ. Канцлеръ отвѣтилъ, что не въ состояніи дать въ этомъ отношеніи одинаковое обязательство. Но онъ поспѣшилъ прибавить, что голландскій нейтралитетъ нарушенъ не будетъ, и что, если дѣйствія Франціи вызовутъ необходимость войти въ Бельгію, то неприкосновенность

ея территоріи останется признанной, развѣ бы страна встала на сторону враговъ Германіи. Потомъ канцлеръ сталъ говорить, что онъ мечтаетъ объ общемъ соглашеніи относительно взаимнаго нейтралитета съ Германіей и видѣлъ бы въ предложенной имъ сдѣлкѣ первый шагъ на этотъ пути. Посолъ замѣтилъ, что едва ли серъ Эдуардъ Грей пожелаетъ въ эту минуту связать свободу дѣйствій Англіи, но обѣщалъ передать заявленіе канцлера въ Лондонъ.

Въ тотъ самый день, когда эти предложенія дѣлались Гошену въ Берлинѣ, въ Лондонѣ серъ Эдуардъ Грей разговаривалъ съ княземъ Лихновскимъ на туже тему—о вѣроятности европейской борьбы и о роли въ ней Англіи. Но какъ далекъ былъ этотъ разговоръ отъ того, что предлагалось въ Берлинѣ. „Положеніе очень серьезно“, говорилъ Грей. „Пока дѣло ограничивалось наличными спорами, мы и не думали въ нихъ вмѣшиваться. Но если Германія окажется въ нихъ вовлеченной, а за ней Франція, споръ станетъ такъ значителенъ, что онъ будетъ связанъ со всѣми европейскими интересами. Я не хочу, чтобы дружественный тонъ нашего разговора,—который, я надѣюсь, не измѣнится,—ввелъ въ заблужденіе, что мы останемся въ сторонѣ... Я не хочу прибѣгать къ чему-либо похожему на угрозу или пытаться оказать давленіе, заявляя, что, если дѣла пойдутъ хуже, мы вмѣшаемся. Не можетъ быть и рѣчи о вмѣшательствѣ, если Германія не будетъ вовлечена, или даже если Франція не будетъ вовлечена въ борьбу. Но мы хорошо знаемъ, что, если положеніе будетъ таково, что мы будемъ считать вмѣшательство необходимымъ съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ, намъ придется вмѣшаться сразу же и наше рѣшеніе будетъ быстрымъ такъ же, какъ и рѣшенія другихъ державъ“.

Еще до полученія отвѣта Грея на предложенную ему сдѣлку имперскій канцлеръ узналъ изъ телеграммы

Лихновскаго содержаніе этой бесѣды; увидѣвъ англійскаго посла, онъ сказалъ ему, что, если бы раньше имѣлъ эту телеграмму, то не говорилъ бы съ нимъ такъ, какъ онъ это сдѣлалъ. Несмотря на полный недостатокъ чутья, даже ф.-Бетманъ-Гольвегъ понялъ, насколько неумѣстны и безцѣльны были его изліянія. Отвѣтъ Грея пришелъ уже тогда, когда война съ Россіей и Франціей была рѣшена; канцлеръ, слушая его, былъ въ такомъ волненіи, что, повидимому, плохо его понималъ; но одного этого отвѣта достаточно для характеристики политическаго пониманія руководителей судебъ Германіи, самодовольно мечтавшихъ вертѣть Европой, гдѣ угрозами, а гдѣ двусмысленными обѣщаніями.

Этотъ отвѣтъ Грея настолько интересенъ, онъ такъ великолѣпно выраженъ, такъ точно объясняетъ мотивы англійской политики, что его хочется привести цѣликомъ. „Правительство его величества ни на минуту не можетъ допустить объясненій относительно предложенія канцлера обязаться на указанныхъ условіяхъ соблюдать нейтралитетъ. То, что онъ намъ предлагаетъ, на дѣлѣ значитъ обязаться стоять въ сторонѣ, пока будутъ захватываться французскія колоніи, Франція будетъ разбита, поскольку только Германія не присоединитъ къ себѣ французской территоріи, не считая притомъ колоній. По существу это предложеніе непріемлемо, такъ какъ Франція, даже если ея европейская территорія не будетъ отъ нея отнята, можетъ быть до того раздавлена, что потеряетъ свое положеніе великой державы и сдѣлается подвластной германской политикѣ. Помимо этого, вообще было бы позоромъ для насъ учинить такой торгъ съ Германіей за счетъ Франціи,—позоромъ, послѣ котораго доброе имя нашей страны никогда не было бы возстановлено. Канцлеръ предлагаетъ намъ также вступить въ торгъ относи-

тельно нашихъ обязательствъ и интересовъ въ отношеніи бельгійскаго нейтралитета. И на этотъ торгъ мы согласиться не можемъ. Послѣ всего сказаннаго нѣтъ надобности разсматривать, представляетъ ли предположеніе будущаго соглашенія объ общемъ нейтралитетѣ между Англіей и Германіей какія-либо положительныя выгоды, достаточныя для насъ въ качествѣ вознагражденія за то, что мы теперь свяжемъ себѣ руки. Мы должны сохранить за собой полную свободу дѣйствовать такъ, какъ отъ насъ могутъ потребовать обстоятельства неблагопріятнаго и прискорбнаго развитія настоящаго кризиса, которое и имѣетъ въ виду канцлеръ. Объяснитесь въ этомъ смыслѣ съ канцлеромъ и прибавьте самымъ серьезнымъ образомъ, что единственный путь поддержать добрыя отношенія между Англіей и Германіей—это продолжать совмѣстно дѣйствовать для сохраненія европейскаго мира; если мы въ этомъ успѣемъ, то взаимныя отношенія Германіи и Англіи будутъ, я увѣренъ, тѣмъ самымъ улучшены и закрѣплены. Ради этой цѣли правительство его величества будетъ дѣйствовать на этомъ пути съ полной искренностью и добросовѣстностью. И скажу еще слѣдующее: если миръ Европы будетъ сохраненъ и настоящій кризисъ благополучно минуетъ, я самъ буду искать созданія какого-либо соглашенія, въ которомъ Германія приняла бы участіе гдѣ ей было бы обезпечено, что ни по отношенію къ ней, ни къ ея союзникамъ Франція, Россія и мы сами, ни совмѣстно, ни въ отдѣльности, не будемъ преслѣдовать агрессивной или враждебной политики. Я этого желалъ и работалъ для этого, какъ могъ, въ теченіе послѣдняго балканскаго кризиса, и такъ какъ Германія преслѣдовала ту же цѣль, то наши отношенія замѣтно улучшились. Эта мысль до сихъ поръ была слишкомъ утопической, чтобы сдѣлать ее предметомъ окончательныхъ пред-

ложеній, но если настоящій кризисъ, несравненно болѣе острый, чѣмъ все, что Европа переживала въ теченіе ряда поколѣній, благополучно минуетъ, то, надѣюсь, чувство облегченія и реакціи, которое за нимъ послѣдуетъ, можетъ сдѣлать возможнымъ болѣе опредѣленное сближеніе между державами, чѣмъ было мыслимо до сихъ поръ".

Итакъ, 15/28-го въ Берлинѣ окончательно созрѣла рѣшимость воевать; день 16/29-го былъ посвященъ попыткамъ ввести въ заблужденіе Англію, переложить отвѣтственность за войну на Россію и вступить съ Греемъ въ торгъ, который показался тому позорнымъ. При этихъ условіяхъ, конечно, меньше всего думали о томъ, что выйдетъ изъ телеграммы, которую, въ полномъ смыслѣ слова для отвода глазъ, отправилъ канцлеръ въ Вѣну. Въ Берлинѣ не могли не знать, что германскій посолъ въ Вѣнѣ, который, по выраженію своего англійскаго товарища, „отождествилъ себя съ крайнимъ антирусскимъ и антисербскимъ настроеніемъ, господствующимъ въ Вѣнѣ", не приложитъ особыхъ стараній, чтобы вложить въ телеграмму канцлера искренняго примирительнаго содержанія. И нѣтъ ровно никакихъ основаній думать, что отвѣта изъ Вѣны ждали и придавали ему какое-нибудь значеніе. Послѣ отправки телеграммы императоръ Вильгельмъ въ своемъ обращеніи къ Государю опредѣлилъ самъ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что могло прійти изъ Вѣны, условія мира, равнявшіяся, мы знаемъ, капитуляціи Россіи; 17/30-го іюля графъ Пурталесъ снова повторялъ С. Д. Сазонову вопросъ, удовольствуется ли Россія заявленіемъ о территоріальной незаинтересованности Австро-Венгріи, слѣдовательно, не подвинулся съ той точки, на которой Германія стояла съ перваго дня кризиса.

Тѣмъ временемъ въ Вѣнѣ совершалась рѣшительная

перемѣна. Тотъ день 15/28 іюля, который былъ въ Берлинѣ началомъ воинственной политики, былъ въ Вѣнѣ ея концомъ. Въ этотъ день, мы знаемъ, графъ Берхтольдъ, вернувшись изъ Ишля, рѣшительно отказалъ Н. Н. Шебеко въ обсужденіи въ Петербургѣ какихъ-либо измѣненій австрійскихъ требованій. 16/29-го началась война съ Сербіей, и были получены извѣстія о русской мобилизаціи. Могло казаться, что положеніе стало безнадежнымъ. Тѣмъ не менѣе 17/30-го графъ Берхтольдъ обнаружилъ совершенно опредѣленные признаки отступленія. Предоставимъ разсказывать англійскому послу въ Вѣнѣ, спокойныя и продуманныя донесенія котораго особенно цѣнны. „Министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ русскому послу, что, разъ Россія мобилизовала, Австрія, разумѣется, должна сдѣлать тоже самое. Это не должно однако, разсматриваться, какъ угроза, а лишь какъ принятіе предосторожностей, подобныхъ тѣмъ, кои были приняты по ту сторону границы. Онъ не имѣетъ возраженій противъ продолженія русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и графомъ Сапари ихъ разговоровъ, хотя онъ и не сказалъ, что они могутъ быть возобновлены на основѣ сербскаго отвѣта“. Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій день 18/31 іюля графъ Сапари заявилъ С. Д. Сазонову, что его правительство готово обсудить содержаніе австрійскаго ультиматума Сербіи. С. Д. Сазоновъ выразилъ свое удовольствіе и сказалъ, что обсужденіе лучше всего сосредоточить въ Лондонѣ съ участіемъ великихъ державъ. Графъ Берхтольдъ не удовольствовался посылкой инструкціи графу Сапари и поспѣшилъ лично еще разъ повидать 18/31-го русскаго посла, чтобы просить его всячески постараться разсѣять „совершенно ошибочное“ впечатлѣніе въ Петербургѣ, будто Австро-Венгрія закрыла дверь для всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ; онъ сказалъ, что Австро-Венгрія не за-

мышляетъ ни нарушенія суверенныхъ правъ Сербіи, ни присоединенія сербской территоріи. Въ тотъ же день совершенно одинаковое заявленіе о признаніи сербскаго суверенитета было предписано сдѣлать въ Парижѣ австро-венгерскому послу, и обо всѣхъ этихъ настойчивыхъ и торопливыхъ мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія англичанъ.

Отступленіе было полнымъ. Надо отмѣтить одну подробность, которая дѣлаетъ его особенно рѣзкимъ: извѣстіе о всеобщей мобилизаціи въ Россіи должно было дойти въ Вѣну 18/31-го утромъ, и оно, ни малѣйшимъ образомъ, не отразилось на готовности уступить Россіи.

Каковы были причины этого отступленія? Германское правительство заднимъ числомъ пыталось доказать, что оно было вызвано его примирительными совѣтами. Меморандумъ бѣлой книги прямо заявляетъ, что „16/29-го іюля графъ Сапари, по германскому предложенію (auf unsere Anregung), получилъ предписаніе начать разговоръ съ г. Сазоновымъ“. Здѣсь прямое искаженіе: мы знаемъ, каковы были телеграммы канцлера въ Вѣну, и о ихъ примирительномъ воздѣйствіи говорить не приходится. Болѣе того: Германія настолько мало повліяла въ Вѣнѣ въ смыслѣ уступки Россіи, что наканунѣ того дня, когда графъ Берхтольдъ сказалъ Н. Н. Шебеко о готовности Австро-Венгріи уважать суверенныя права Сербіи, ф.-Яговъ въ Берлинѣ заявилъ русскому послу о непріемлемости для Австріи признанія этихъ правъ.

Въ Берлинѣ уже не считались съ Вѣной и принимали рѣшенія за австро-венгерское правительство, вопреки его волѣ и его пониманію европейскаго положенія. Телеграмма канцлера 16/29 іюля и другая телеграмма, передававшая въ Вѣну выдвинутое Греемъ наканунѣ войны предложеніе посредничества четырехъ державъ съ

сохраненіемъ временной оккупаціи Бѣлграда и отправленная изъ Берлина 17/30-го, посылались только, чтобы имѣть возможность заявить объ этомъ англійскому послу и серу Э. Грею; на обѣ могъ прійти изъ Вѣны, гдѣ принято было рѣшеніе отступать, только удовлетворительный отвѣтъ, но этотъ отвѣтъ, если онъ и попадалъ въ Берлинъ—настроеніе ф. Чиршкаго намъ извѣстно, и онъ не могъ быть тенденціознымъ даже въ донесеніяхъ своему правительству,—уже не мѣнялъ рѣшеній германскаго императора.

Эти рѣшенія принимались съ головокружительной быстротой. Напомню, что 16/29-го императоръ въ телеграммѣ Государю формулировалъ имъ самимъ составленныя и, оказывается, вовсе не согласованныя съ намѣреніями союзника условія компромиса между Россіей и Австро-Венгріей; въ той же телеграммѣ онъ говорилъ, что военныя мѣропріятія Россіи вызовутъ несчастье. Мы знаемъ, какъ отнесся графъ Берхтольдъ къ частной мобилизаціи въ Россіи, направленной противъ Австро-Венгріи. Но то, что не поколебало дипломатической выдержки австрійскаго министра, — въ этомъ качествѣ ему отказать невозможно, и онъ сохранилъ его до конца,—лишило императора Вильгельма всякаго равновѣсія духа. Его телеграмма Государю 17/30 іюля не оставляетъ въ этомъ никакихъ сомнѣній. „Мой посолъ получилъ приказаніе“, сказано въ ней, „указать Твоему правительству на опасности и тяжелыя послѣдствія мобилизаціи; тоже я сказалъ Тебѣ въ моей вчерашней телеграммѣ. Австро-Венгрія мобилизовала только противъ Сербіи и только часть своей арміи. Если Россія, какъ явствуетъ изъ Твоего сообщенія и сообщенія Твоего правительства, мобилизуетъ противъ Австріи, то посредническая роль, которую Ты мнѣ дружественнымъ образомъ ввѣрилъ и которую я принялъ по Твоей прямой просьбѣ, ставится въ опасность,

если не сдѣлается невозможной. Вся тяжесть рѣшенія лежитъ теперь на твоихъ плечахъ, и ты отвѣчаешь за войну или миръ".

Эта телеграмма обличаетъ совершенно ясно, что въ глазахъ императора отступленіе Австро-Венгріи, о которомъ было въ ту минуту извѣстно въ Берлинѣ, не представляетъ болѣе никакого интереса и значенія. Онъ, императоръ, дѣлается центромъ, волю котораго должна творить Европа. Телеграмма вскрываетъ,—въ той обстановкѣ, въ которой она была отправлена,—ничѣмъ не сдерживаемую гордыню. Воля Германіи—высшій законъ; кто дерзаетъ ей не подчиниться, тотъ несетъ отвѣтственность за войну. Германіи завѣдомо никто не угрожаетъ: русское правительство откровенно и внимательно держитъ германскихъ представителей въ Петроградѣ въ извѣстности о томъ, какія военныя мѣры имъ приняты и какія нѣтъ. И тѣмъ не менѣе мобилизація противъ Австріи объявлена покушеніемъ на Германію; пресловутое „посредничество"—только маска, подъ которой скрывается притязаніе на европейскую гегемонію.

Телеграмма 17/30-го объясняетъ то, что случилось ранѣе, и то, что произошло потомъ. Намъ понятна теперь рѣшимость воевать, къ которой пришли въ Берлинѣ по возвращеніи императора изъ Норвегіи: эта рѣшимость вызвана была предчувствіемъ, что воля Германіи еще не законъ для Россіи, и ослѣпленной гордостью, заставлявшей стремиться во что бы то ни стало доказать обратное. Изъ этой рѣшимости 17/30-го сложилось рѣшеніе, которое было приведено въ исполненіе на слѣдующій день. При томъ припадкѣ неуравновѣшенной разсудкомъ надменности, которую наблюдаешь въ Берлинѣ за эти дни, извѣстіе о всеобщей мобилизаціи Россіи неминуемо вызывало катастрофу. Германское правительство старалось заднимъ числомъ пред-

ставить это извѣстіе, какъ неожиданное: эта попытка— лишнее свидѣтельство ослѣпленія Берлина. Германія 16/29-го и 17/30-го угрожала Россіи войной, если не будетъ отмѣнена частичная мобилизація. „Это требованіе получило отъ насъ", говорилъ серу Э. Грею графъ Бенкендорфъ, „лишь тотъ отвѣтъ, который можетъ дать великая держава". Такимъ отвѣтомъ могла быть только всеобщая мобилизація. Англійскій посолъ въ Петроградѣ телеграфировалъ въ Лондонъ 17/30 іюля: „Возбужденіе здѣсь достигло такого предѣла, что, если Австрія откажется сдѣлать уступку, Россія не можетъ остаться спокойной и, разъ она знаетъ теперь, что Германія вооружается, она едва ли можетъ отложить, по стратегическимъ соображеніямъ, превращеніе частной мобилизаціи во всеобщую". Въ день всеобщей мобилизаціи утромъ Государь отправилъ императору Вильгельму слѣдующую телеграмму: „Сердечно благодарю тебя за твое посредничество, которое позволяетъ сохранять слабую надежду, что все можетъ еще кончиться мирно. Технически невозможно остановить военныя приготовленія, необходимость которыхъ была вызвана австрійской мобилизаціей. Мы очень далеки отъ того, чтобы желать войны. Пока будутъ продолжаться переговоры съ Австріей о Сербіи, Мои войска не предпримутъ наступательныхъ дѣйствій. Въ этомъ Я даю тебѣ торжественно Мое слово. Я всѣми силами надѣюсь на милость Божію и надѣюсь на успѣхъ твоего посредничества въ Вѣнѣ на благо Нашихъ странъ и мира Европы".

Эта телеграмма пришла по назначенію послѣ того, какъ изъ Берлина было отправлено графу Пурталесу приказаніе передать ультиматумъ, требовавшій отъ Россіи отмѣны всѣхъ военныхъ мѣръ. Быть можетъ, неуравновѣшенное и возбужденное настроеніе, переживавшееся Берлиномъ, позволяло надѣяться, что Россія

приметъ ультиматумъ, но объективно это было, конечно, внѣ предѣловъ возможнаго. Началась война.

Надо думать, что она больше всего удивила Вѣну: первымъ, кто упразднилъ Австро-Венгрію, былъ германскій императоръ, въ эти послѣдніе дни европейскаго кризиса. Быть можетъ, въ тотъ самый часъ, во всякомъ случаѣ въ тотъ самый день, когда въ Берлинѣ писали приказъ графу Пурталесу передать Россіи ультиматумъ, изъ Вѣны посылали въ Берлинъ телеграмму, гдѣ говорилось, что, несмотря на вызванную русской мобилизаціей перемѣну положенія, австро-венгерское правительство „съ охотой готово войти въ обсужденіе предложенія сера Э. Грея выступить съ посредничествомъ между нимъ и Сербіей". Когда австрійскій посолъ въ Петроградѣ объявлялъ намъ войну черезъ пять дней послѣ Германіи и ссылался на то, что, „согласно сообщенію берлинскаго кабинета", Россія сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи, онъ могъ бы прибавить, что и обо всемъ остальномъ, что случилось передъ войной, его правительство узнало только заднимъ числомъ, когда „берлинскій кабинетъ" уже принялъ за него рѣшеніе. Надо прочесть любопытную картину того, что происходило въ Вѣнѣ послѣ германскаго объявленія войны, въ депешѣ англійскаго посла Бунзена, чтобы видѣть, какъ медленно раскачивалось австрійское правительство, прежде чѣмъ рѣшилось послѣдовательно признать, что воюетъ съ Россіей, Франціей, Англіей; но война была, конечно, для нея неизбѣжностью, наступившей въ 7 час. 10 мин. вечера 19 іюля/1 августа, въ тотъ моментъ, когда графъ Пурталесъ выходилъ изъ кабинета С. Д. Сазонова, передавъ ему ноту о войнѣ. Нѣтъ надобности слѣдить за процедурой формальнаго возникновенія всѣхъ этихъ австрійскихъ войнъ: это была бы уже не исторія, а канцелярская опись.

Для моралиста, изучающаго тѣ послѣдніе дни, когда неумѣренная гордыня нѣмцевъ и ихъ слѣпая вѣра въ силу угрозы вызвала европейскую войну, есть великое утѣшеніе. Воинственный паѳосъ этихъ дней былъ отравленъ императору страхомъ передъ Англіей. Въ Берлинѣ чувствовали, что англійскій нейтралитетъ не обезпеченъ; торгъ, предложенный Грею, не удался; Грей откровенно заявлялъ нѣсколько разъ за послѣдніе дни, что Германія не должна разсчитывать на его невмѣшательство. Несмотря на все это, въ Берлинѣ хранили надежду, что дѣло не проиграно. Равнодушіе, которое Англія обнаруживала къ сербскому вопросу въ началѣ кризиса, можно полагать, сбивало съ толку. Надо было во что бы то ни стало предотвратить опасность. Что только не было предпринято съ этою цѣлью, и всякій день и часъ она надвигалась все ближе и ближе. Прежде всего, надо было внушить въ Лондонѣ, что не Германія нарушила миръ. Въ день объявленія войны императоръ Вильгельмъ телеграфировалъ Георгу V, не говоря ни о своемъ ультиматумѣ, ни объ объявленіи войны, что Государь Императоръ не дождался результатовъ его посредничества и „оставилъ его безъ всякихъ извѣстій“ (?) и что онъ, императоръ Вильгельмъ, принимаетъ мѣры къ „обезпеченію безопасности своихъ восточныхъ границъ“. Когда нельзя было больше скрывать, государственный секретарь ф.-Яговъ сказалъ серу Э. Гошену, что, „такъ какъ нѣкоторыя русскія войска перешли границу, Германія и Россія находятся въ состояніи войны“. Къ этимъ совершенно дѣтскимъ уловкамъ и лжи прибѣгали въ то время, какъ Германія своими дѣйствіями ставила передъ Англіей грозную, непосредственно затрогивавшую ея основные интересы, проблему политическаго равновѣсія—возможность разгрома Франціи. Когда императоръ объявлялъ войну Россіи, онъ зналъ, что шелъ на войну съ Франціей;

но онъ не понялъ, что война съ Франціей значила войну съ Англіей. 19 іюля/1 августа германскій посолъ князь Лихновскій, который, одинъ изъ многочисленныхъ германскихъ дипломатовъ, участвовавшихъ въ событіяхъ, отдавалъ себѣ, повидимому, въ этотъ моментъ отчетъ въ положеніи, настойчиво убѣждалъ Грея опредѣлить условія англійскаго нейтралитета; онъ взялъ на себя предложить гарантію неприкосновенности Франціи и ея колоній; въ этомъ предложеніи было больше такта, чѣмъ въ „торгѣ“ канцлера, но оно пришло слишкомъ поздно, и Грей его отклонилъ. Въ тотъ же день императоръ и канцлеръ, на основаніи нѣсколько неясной передачи Лихновскимъ обрывка своего разговора съ Греемъ о желательности предупредить военныя дѣйствія между Германіей и Франціей, телеграфировали въ Лондонъ, что отказываются даже отъ войны съ Франціей, если Англія гарантируетъ ея нейтралитетъ. Разговоръ съ Греемъ происходилъ тогда, когда послѣдній еще не зналъ о германской мобилизаціи; послѣ того какъ это извѣстіе было получено въ Лондонѣ, самъ Лихновскій призналъ, что говорить о нейтралитетѣ Франціи „совершенно безнадежно“. Наканунѣ всѣхъ этихъ телеграммъ германскій ультиматумъ Франціи былъ уже отправленъ, а на слѣдующій день послѣ нихъ была объявлена война. Англійское правительство немедленно заняло новое положеніе: 20 іюля/2 августа оно письменно заявило французскому правительству, что, если германскій флотъ черезъ Сѣверное море или черезъ каналъ нападетъ на Францію, англійскій флотъ окажетъ ей помощь; на слѣдующій день серъ Э. Грей объ этомъ заявилъ въ палатѣ общинъ въ томъ историческомъ засѣданіи, за каждымъ поворотомъ котораго съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ весь міръ. Германія немедленно заявила, что отказывается отъ морскихъ дѣйствій противъ сѣвера Франціи; 22 іюля/4 ав-

густа канцлеръ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ сказалъ, что „повторяетъ это обѣщаніе передъ лицомъ всего свѣта“.

Но и на этотъ разъ было слишкомъ поздно; готовность принимать англійскія требованія сочеталась въ Германіи съ рѣшимостью предъявлять ультиматумы всѣмъ своимъ сосѣдямъ: послѣдній изъ трехъ—ультиматумъ Бельгіи—далъ англійскому правительству возможность сказать странѣ, что время войны наступило. Было бы, конечно, неправильно думать, что Англія воюетъ только потому, что Германія нарушила бельгійскій нейтралитетъ; но всякій, кто читалъ рѣчь Грея въ палатѣ общинъ, знаетъ, что этимъ была создана одна изъ этихъ великихъ морально-политическихъ формулъ, которыми англійская внѣшняя политика живетъ на пространствѣ вѣковъ. Въ бельгійскомъ вопросѣ германская политика опредѣлялась генералами или, точнѣе говоря, политики совсѣмъ не было, а была только стратегія. Можно думать, что и стратегія не очень точная: ф.-Яговъ объяснялъ англійскому послу, что не итти черезъ Бельгію—значило терять время, а эта потеря времени есть „вопросъ жизни и смерти“, ибо дастъ Россіи возможность „подвести свои войска къ германской границѣ“. Всѣ усилія Германіи, неумѣлыя, но настойчивыя, граничившія съ готовностью мириться даже съ немалымъ умаленіемъ своего достоинства великой державы, которыя прилагались, чтобы добиться англійскаго нейтралитета, потерпѣли крушеніе въ этомъ забвеніи политики и исторіи.

II.

БОСФОРЪ и ДАРДАНЕЛЛЫ.

[1]) Бруннову, котораго десятки лѣтъ называли въ Европѣ „Несторомъ русской дипломатіи“, пришлось вырабатывать и подписывать на протяженіи тридцати лѣтъ три важнѣйшихъ международныхъ акта XIX столѣтія о черноморскихъ проливахъ: договоры 1841, 1856 и 1871 гг. Вспоминая прошлое, онъ философски замѣчалъ въ 1871 г.: „Рамки вопроса остались прежними...“. Тоже приходится отмѣтить всякому, кто изучаетъ исторію вопроса о черноморскихъ проливахъ въ теченіе всего прошлаго столѣтія. Мѣнялись государственные люди, государственные порядки въ отдѣльныхъ странахъ, мѣнялись самыя государства, а вопросъ сохранялъ неизмѣнно свое традиціонное историческое заданіе. И это не удивительно. Еще Наполеонъ говорилъ, что политика государствъ опредѣляется ихъ географіей. Это наблюденіе нигдѣ не подтверждается лучше, чѣмъ въ исторіи проливовъ. Съ тѣхъ поръ какъ Турція завладѣла Константинополемъ, а Россія пріобрѣла сѣверное побережье Чернаго моря, на Босфорѣ скрестились два громадной важности пути. Проливы были и всегда будутъ единственнымъ мор-

[1]) *Serge Goriainow.* Le Bosphore et les Dardanelles. Etude historique sur la question des Détroits, d'après la correspondance diplomatique déposée aux Archives Centrales de St.-Pétersbourg et à celles de l'Empire. Préface de M. Gabriel Hanotaux, Paris, 1910.

скимъ выходомъ изъ Чернаго моря, а вмѣстѣ съ тѣмъ, они служили и служатъ единственной точкой соединенія европейской и азіатской Турціи. Значеніе обоихъ путей сдѣлало проливы центральнымъ узломъ въ клубкѣ политическихъ проблемъ, именуемыхъ „восточнымъ вопросомъ".

Было бы достаточно, конечно, и перваго изъ этихъ условій,—того, что Босфоръ и Дарданеллы единственный выходъ изъ Чернаго моря, — чтобы сдѣлать вопросъ о нихъ сложнымъ и запутаннымъ. Можетъ ли русскій флотъ выходить изъ Чернаго моря, могутъ ли появиться тамъ суда иностранныя,—все это серьезныя проблемы политическаго равновѣсія; для Россіи Черное море значитъ одно, если проливы закрыты, значитъ совершенно иное, если проливы открыты. Въ русской внѣшней политикѣ всегда будетъ имѣть серьезнѣйшее значеніе, какое изъ двухъ рѣшеній торжествуетъ, а тѣмъ самымъ въ большой политической игрѣ проливы всегда останутся крупной картой.

Но допустимъ, что найдено то или иное рѣшеніе вопроса о проливахъ, какъ вопроса о правѣ входить въ Черное море или выходить изъ него. Такое рѣшеніе останется *исторически* одностороннимъ. Оно могло въ ту или другую минуту удовлетворять Россію, примирять Россію и Западъ искуснымъ компромисомъ, но затрудненія имъ не исчерпывались. Если имѣть въ виду второй изъ великихъ путей, пересѣкающихся на проливахъ, путь изъ европейской въ азіатскую Турцію, то не придется удивляться, что въ этомъ вопросѣ существовала еще и турецкая точка зрѣнія. Въ тѣхъ безчисленныхъ дипломатическихъ документахъ, которые были посвящены проливамъ, часто говорилось, что съ судьбою послѣднихъ связана судьба Константинополя. Въ этой фразѣ сказано не все. Константинополь — не только столица Турціи, но самое

сердце турецкаго государства; безъ Константинополя нѣтъ Турціи въ ея нынѣшнемъ смыслѣ. Что можно со всѣхъ сторонъ обрѣзать турецкую территорію, не разрушая жизни государства, доказано исторіей; напротивъ того, покушеніе на Константинополь есть конецъ современной Турціи. Затрогивая положеніе Константинополя, тѣ или иныя рѣшенія вопроса о правѣ плаванія на проливахъ слѣдовательно всегда затрогивали судьбу всей Турціи, самый источникъ ея жизни и смерти.

Таково заданіе проблемы проливовъ, неизмѣнное при всѣхъ пережитыхъ до XX вѣка на турецкомъ востокѣ громадныхъ политическихъ переворотахъ.

Изъ этого заданія вытекаетъ вся исторія проливовъ за два послѣднихъ столѣтія. Обычно принято трактовать ее какъ исторію борьбы между Россіей и западными державами. Наиболѣе талантливый историкъ русской внѣшней политики, С. С. Татищевъ, сдѣлалъ эту точку зрѣнія общимъ мѣстомъ всякаго историческаго этюда по восточному вопросу. Такъ складывается и общее пониманіе событій у С. М. Горяинова. Въ его глазахъ, вѣковой споръ о проливахъ шелъ между Россіей и европейскими государствами. Сначала побѣда склонялась на сторону Россіи: Ункіаръ-Искелесскій договоръ 1833 г. устранилъ вліяніе Запада въ Константинополѣ и, вопреки стремленіямъ европейскихъ противниковъ Россіи, далъ ей возможность установить преимущественное положеніе на проливахъ. Затѣмъ императоръ Николай I совершилъ величайшій политическій промахъ, допустивъ, на лондонской конференціи 1841 г., узаконеніе вмѣшательства Запада въ разрѣшеніе вопроса. Западъ одержалъ первую безкровную побѣду. Парижскій конгресъ 1856 г. былъ второй побѣдой. Борьба имъ не была закончена. Она продолжается до сихъ поръ. Въ ней были минуты,

когда, казалось, торжество Россіи было близкимъ — лондонская конференція 1871 г. и санъ-стефанскій договоръ 1878 г., — но въ конечномъ итогѣ берлинскій трактатъ знаменуетъ побѣду Запада. Такова „философія“ исторіи проливовъ, вытекающая изъ разсказа С. М. Горяинова.

Въ этой схемѣ не хватаетъ Турціи. Ея какъ бы нѣтъ въ борьбѣ по вопросу о проливахъ; во всякомъ случаѣ она стоитъ гдѣ-то на второмъ планѣ, является скорѣе ширмой, за которой прячется Западъ, чтобы не обнажать своихъ единственныхъ истинныхъ мотивовъ — ненависти къ Россіи. С. М. Горяиновъ, съ величайшей добросовѣстностью пересказавшій всю русскую переписку о проливахъ, конечно, отмѣчаетъ тѣ или иные шаги, предпринимаемые Турціей, и ея мысли и пожеланія, но въ Турціи онъ не видитъ, какъ не видѣли и его предшественники, движущей пружины происходившаго.

Я вполнѣ понимаю, какъ сложилось подобное общее представленіе. Турція — сравнительно малое государство, и ее не всегда замѣчаешь рядомъ съ Англіей, Франціей, Австро-Венгріей или Германіей. Кто помнитъ Хозревъ-пашу или Решида рядомъ съ Меттернихомъ или Пальмерстономъ, Аали-пашу рядомъ съ Наполеономъ III или Кавуромъ, Каратеодори-пашу рядомъ съ Бисмаркомъ, Андраши или Биконсфильдомъ? Что думала Турція, что она говорила и къ чему стремилась,—все это для историковъ скорѣй лишь поводъ вставить забавный эпизодъ или бытовую подробность въ разсужденіе, посвященное болѣе важнымъ матеріямъ.

Но если склонность къ такому пониманію событій и объяснима, то все же она едва ли оправдывается подлиннымъ историческимъ процесомъ. Чѣмъ больше вдумываешься въ смыслъ событій, тѣмъ яснѣе ста-

новится, что исторія проливовъ есть прежде всего и главнымъ образомъ исторія *русско-турецкой* борьбы. Правда, эта борьба велась Турціей при помощи западной дипломатіи, а иногда и западнаго войска. Тѣмъ не менѣе Турція никогда не была простой пѣшкой въ рукахъ Запада, двигавшаго ею исключительно ради своихъ собственныхъ цѣлей. Напротивъ того, она съ величайшей настойчивостью вела *свою* линію. Несмотря на свои все уменьшавшіеся въ теченіе XIX столѣтія средства, она, хорошо оріентируясь въ политической обстановкѣ, сумѣла добиться въ вопросѣ о проливахъ тѣхъ общихъ результатовъ, которые именно ей были выгодны въ несравненно большей степени, нежели Западу. Приходится удивляться проявленной ею энергіи, когда вспоминаешь, что она боролась въ условіяхъ крайне тяжелыхъ, переживая процесъ внутренняго разложенія, въ которомъ постепенно ея власть мертвѣла на окрайнахъ, и послѣднія одна за другой отваливались.

Если даже независимо отъ историческихъ данныхъ взвѣсить сравнительное значеніе возможныхъ рѣшеній вопроса о проливахъ для Турціи, Россіи и Запада, то сразу же невольно родится сомнѣніе въ правильности обычно рисуемой историками картины.

Въ самомъ дѣлѣ, за два послѣднихъ вѣка выдвигалось три рѣшенія вопроса о проливахъ. Проливы— это часть турецкой государственной территоріи. Поэтому самымъ простымъ и естественнымъ рѣшеніемъ вопроса было признаніе за Турціей права по своему усмотрѣнію открывать или закрывать проливы. Но это простое и естественное рѣшеніе вопроса оставалось по силамъ лишь прежней, сильной Турціи, — Турціи до Кучукъ-Кайнарджи. Той Турціи, которую мы знаемъ, оно несомнѣнно не по плечу. Полномочіе по своему усмотрѣнію выдавать или не выдавать фирманы на

проходъ военныхъ судовъ черезъ проливы въ рукахъ слабаго государства, лишеннаго фактической возможности отстоять свою свободу, привело бы лишь къ непрерывной борьбѣ изъ-за этихъ фирмановъ; пришлось бы фактически или всегда и всѣмъ разрѣшать проходъ мимо Константинополя, или вести политическій торгъ этими фирманами,—торгъ съ неминуемо запутаннымъ счетоводствомъ и рискомъ полнаго банкротства. Силою вещей рядомъ съ этимъ простымъ рѣшеніемъ вопроса стали другія, съ правовой точки зрѣнія менѣе логичныя, но зато болѣе практическія. Свобода султанскаго распоряженія проливами замѣняется договорнымъ режимомъ: международный договоръ рѣшаетъ, что должна дѣлать Турція. При такомъ рѣшеніи отвѣтственность за проливы съ Турціи снимается. Международнымъ договоромъ можно было узаконить два порядка: одинъ—свободы плаванія черезъ проливы для военныхъ судовъ всѣхъ націй, другой—столь же безусловнаго запрета. Первое изъ этихъ рѣшеній съ точки зрѣнія Турціи представлялось неудовлетворительнымъ, второе, напротивъ того, наилучшимъ образомъ обслуживало ея интересы. Понятно—почему. Полная свобода пользоваться турецкой государственной территоріей яснымъ и недвусмысленнымъ образомъ покушалась на ея суверенитетъ. Конечно, и безусловное закрытіе проливовъ нарушало этотъ суверенитетъ, но здѣсь нарушеніе констатируется лишь, такъ сказать, академически. Если собственнику предложить выбрать или всѣмъ закрыть проходъ черезъ свою землю (самъ онъ это право сохраняетъ), или быть обязаннымъ пропускать всѣхъ и каждаго, то едва ли найдется такой, который предпочтетъ второе, какъ болѣе согласное съ его достоинствомъ. Мало ли кто захочетъ проходить и съ какими намѣреніями? Опасность обязательнаго открытія проливовъ для Турціи,

полное несоотвѣтствіе такого порядка задачамъ ея государственной обороны совершенно ясны. Не удивительно поэтому, что Турція и съ точки зрѣнія формы, и по существу стояла всегда, изъ двухъ договорныхъ рѣшеній, за закрытіе проливовъ. Она могла лишь пожелать дополнить его одной поправкой: мыслимы случаи, когда она способна извлечь нѣкоторыя выгоды изъ пребыванія иностранныхъ судовъ въ проливахъ: дѣло идетъ, напримѣръ, объ оборонѣ противъ покушенія со стороны Россіи. На этотъ или подобные случаи съ турецкой точки зрѣнія желательно оговорить, что при принципіальномъ закрытіи проливовъ ей принадлежитъ право, въ видѣ исключенія, въ цѣляхъ своей обороны, пропускать нѣкоторыя суда черезъ Дарданеллы и Босфоръ.

Такой должна была быть турецкая государственная точка зрѣнія. Сопоставимъ съ ней, что должно было удовлетворять, съ одной стороны, Россію и, съ другой—Западъ. Россіи не выгодно было безусловное право Турціи распоряжаться проливами, ибо тогда утрачивался всякій контроль надъ входомъ въ Черное море. Невыгодно было, далѣе, безусловное открытіе проливовъ, ибо оно сопряжено съ рискомъ господства чужихъ флотовъ на Черномъ морѣ. Наконецъ, невыгодно безусловное закрытіе проливовъ, ибо такъ закрывался выходъ изъ Чернаго моря. Русскіе интересы при сохраненіи турецкой власти могли получать полное удовлетвореніе только, если Турція обязана пропускать русскія суда изъ Чернаго моря и не пропускать иностранныя суда въ Черное море. Такъ устранялась невыгода договорной блокады русскаго черноморскаго флота при закрытіи Босфора и рискъ блокады фактической при его открытіи.

Въ чемъ, далѣе, заключался, въ условіяхъ, исторически данныхъ, интересъ западныхъ большихъ государствъ на проливахъ? Безусловная свобода султана

имъ невыгодна по тѣмъ же причинамъ, по какимъ она опасна Россіи. Но изъ двухъ договорныхъ рѣшеній имъ, конечно, было выгоднѣе безусловное открытіе проливовъ, чѣмъ безусловное ихъ закрытіе. Появленіе русскаго черноморскаго флота въ Средиземномъ морѣ могло теоретически представлять, конечно, нѣкоторую опасность. Но развѣ она могла быть сопоставлена съ исторически доказанною, реальною цѣнностью нападенія на русское Черноморское побережье? Такимъ образомъ, если стать на точку зрѣнія Запада, то вѣсы естественно склонялись въ пользу открытія проливовъ. Правда, была комбинація еще болѣе выгодная: иностранныя государства могутъ входить въ Черное море, а Россія не можетъ изъ него выйти. Такая комбинація промелькнула однажды въ дипломатической перепискѣ послѣ Крымской кампаніи; но она представлялась слишкомъ тяжкой для Россіи и была тотчасъ же оставлена.

Намъ говорятъ, что весь смыслъ и все содержаніе исторіи вопроса о Босфорѣ и Дарданеллахъ — борьба между Россіей и Западомъ. Мы приходимъ къ страннымъ результатамъ при такомъ толкованіи. Оказывается, что въ итогѣ борьбы восторжествовало рѣшеніе, которое не выгодно ни для одной изъ борющихся сторонъ,— рѣшеніе, заключающееся въ договорномъ закрытіи проливовъ, да еще съ правомъ султана ихъ открывать въ цѣляхъ своей обороны. Оно безусловно выгодно только Турціи. И такое рѣшеніе, если вѣрить историкамъ, получилось при полной пассивности Турціи, служившей лишь слѣпымъ орудіемъ своекорыстныхъ видовъ Запада.

Если приходится и независимо отъ изученія историческихъ данныхъ заподозрить правильность обычнаго изложенія исторіи проливовъ, то эти данныя еще болѣе укрѣпляютъ сомнѣніе. Составленный С. М. Горяиновымъ по русскимъ архивамъ обзоръ даетъ воз-

можность возстановить подлинный смыслъ историческаго развитія вопроса. Правда, авторъ не воспользовался литературой Запада и документами, тамъ обнародованными. Этотъ пробѣлъ отмѣченъ Ганото въ предисловіи къ книгѣ слѣдующими любезными словами: „Авторъ съ нѣкоторымъ кокетствомъ игнорируетъ всю литературу предмета. Какъ юристъ, онъ не хотѣлъ дать себя смутить, излагая публикѣ политику своей страны". Я готовъ помириться съ этимъ объясненіемъ: собранныхъ С. М. Горяиновымъ данныхъ такъ много, они такъ новы, такъ добросовѣстно изложены, что для краткаго обзора запутанной и сложной исторіи проливовъ ихъ вполнѣ достаточно. Послѣдую за авторомъ и въ опредѣленіи внѣшнихъ граней обзора. Онъ лишь мелькомъ касается XVIII и первой трети XIX столѣтій, и его данныя становятся интересными лишь съ 1833 года. Это и понятно. Все, что происходило до того, непосредственно не связано съ главными эпизодами, падающими на XIX столѣтіе. Напротивъ того, послѣ 1833 года вопросъ не сходитъ съ очереди, и вокругъ него лишь съ краткими перерывами идетъ борьба, не законченная и теперь.

1833 годъ принято считать самой блестящей страницей въ исторіи русской политики на Востокѣ, и не безъ основанія. Нѣтъ надобности повторять хорошо извѣстныхъ событій этого года, возстанія Египетскаго вассала, подступленія его къ Константинополю, отправки русскихъ войскъ на помощь султану и заключенія графомъ Орловымъ Ункіаръ - Искелесскаго союзнаго договора съ Турціей. Союзъ обезпечивалъ Россіи опеку надъ внѣшней политикой Турціи, сохраняя видимость независимаго ея существованія и охраняя ея расшатанный изнутри политическій организмъ. Нельзя не признать эту сдѣлку талантливо задуманной и блестяще осуществленной.

Добиться этого результата было не такъ легко. Переговоры съ русской стороны были выдержаны въ тонѣ призыва къ довѣрію султана и желанія истиннаго блага Турціи; лишь въ финалахъ слышались ноты угрозы. „Турція,—читаемъ мы въ письмѣ императора Николая, отправленномъ въ разгаръ кризиса султану,—нуждается въ возможности разсчитывать на дружбу Россіи. Изъ всѣхъ сувереновъ, которые смѣнялись на тронѣ Константинополя, вы первый отнеслись съ благороднымъ довѣріемъ къ честности русской политики. Я сумѣю оправдать это довѣріе. Но чтобы оно принесло пользу, надо, чтобы оно было оказано безъ всякихъ оговорокъ; всякое колебаніе повлечетъ за собою самыя опасныя послѣдствія". Не удивительно, что „колебанія" послѣдовали. С. М. Горяиновъ склоненъ думать, что источникъ сопротивленія лежалъ въ „интригахъ" французскаго посла; такъ доносилъ въ Петроградъ графъ Орловъ, старавшійся увѣрить, что турки не понимаютъ своихъ собственныхъ выгодъ. Но если вдуматься хотя бы только въ донесенія Орлова о ходѣ переговоровъ, такое объясненіе покажется неправильнымъ. Турки сознательно и систематически отмалчивались въ отвѣтъ на предложенія, сдѣланныя императоромъ Николаемъ султану. Министры дѣлали видъ, что они даже и не знаютъ о нихъ. Орловъ писалъ, что ему въ концѣ-концовъ пришлось „намекнуть" на желательность ускорить дѣло. Повидимому, намекъ былъ достаточно категоричен; по крайней мѣрѣ, самъ Орловъ доносилъ, что „съ турками надо ласкать одной рукой, а другую держать сжатой въ кулакъ". Намеки не помогли, и только извѣстіе о приближеніи англійскаго флота къ Тенедосу—англичане поддерживали египтянъ—заставили турокъ рѣшиться принять союзъ.

Ункіаръ-Искелесскій договоръ былъ редактированъ въ Петроградѣ, и опытная рука Нессельроде облекла

его въ весьма любезныя для Турціи формы. Союзъ офиціально покоился на взаимности. „Сосѣдъ слабый и трусливый“, какъ характеризовалъ Нессельроде Турцію, обязывался, по тексту основного договора, защищать Россію на совершенно тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ она защищала Турцію. Но то была лишь форма. Въ особой секретной статьѣ, приложенной къ договору, обязанность взаимной обороны новыхъ союзниковъ уступала мѣсто совершенно иному, на первый взглядъ какъ бы неожиданному, постановленію, касавшемуся проливовъ. Оно гласило: „...поелику его величество императоръ Всероссійскій, желая освободить блистательную Порту отъ тягости и неудобствъ, которыя произошли бы для нея отъ доставленія существенной помощи, не будетъ требовать такой помощи въ случаѣ, если бы обстоятельства поставили блистательную Порту въ обязанность подавать оную, то блистательная Порта оттоманская, въ замѣнъ помощи, которую она въ случаѣ нужды обязана подавать по силѣ правилъ взаимности явнаго договора, должна будетъ ограничить дѣйствія свои въ пользу императорскаго Россійскаго двора закрытіемъ Дарданельскаго пролива, то-есть не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ бы то ни было предлогомъ“.

Такимъ постановленіемъ изъ союза Россіей извлекалась немедленно же огромная польза. Входъ въ Черное море былъ закрытъ для иностранныхъ судовъ, причемъ ни словомъ не упоминалось о закрытіи выхода изъ него. Въ одной своей половинѣ выгодное рѣшеніе вопроса о проливахъ—рѣшеніе, при которомъ проливы открыты для Россіи и закрыты для всѣхъ остальныхъ державъ—было достигнуто; другая половина, правда, въ прямой формѣ отсутствовала, но все же никакихъ запретовъ прохода по адресу Россіи не было. Это былъ пробѣлъ, но ничто въ текстѣ договора не мѣшало его

восполнить съ теченіемъ времени. Установившаяся надъ Турціей опека должна была облегчить эту задачу.

Ункіаръ-Искелесскій договоръ очень часто толкуютъ въ томъ смыслѣ, будто онъ давалъ даже большее по вопросу о проливахъ, чѣмъ я только что указалъ. Такъ С. М. Горяиновъ, вѣрный весьма распространенному мнѣнію, заднимъ числомъ восполняетъ пробѣлы акта 1833 г., пытаясь доказать, что онъ открывалъ проливы для Россіи. Онъ ссылается какъ на то, что договоръ устанавливалъ союзныя отношенія между Россіей и Турціей, такъ и на то, что этотъ договоръ подтвердилъ силу болѣе раннихъ трактатовъ между двумя странами, въ числѣ которыхъ, слѣдовательно, и трактата 1805 г., открывавшаго Россіи проходъ черезъ проливы. Второй аргументъ — плодъ несомнѣннаго недоразумѣнія, ибо и теперь всѣ старинные трактаты признаются дѣйствующими между Россіей и Турціей, но никому въ голову не приходитъ вспомнить мертворожденный договоръ 1805 г., плодъ случайной комбинаціи временъ коализаціи противъ великаго Наполеона, заключенный къ тому же всего на девять лѣтъ. Но и первый аргументъ ссылка на союзъ двухъ странъ, дававшій, будто бы, Россіи право проводить суда черезъ морскую территорію союзника, — едва ли особенно убѣдителенъ, разъ прямымъ постановленіемъ договора всѣ союзныя обязательства Турціи были сведены единственно къ приведенному выше постановленію о закрытіи проливовъ для Запада. Думать, что въ Ункіаръ-Искелесси право прохода Россіи черезъ проливы было узаконено, значитъ насиловать тексты и навязывать прошлому то, о чемъ не думали ни участники переписки и переговоровъ 1833 г., ни ближайшіе ихъ преемники. Ни въ одномъ изъ документовъ того времени, приводимыхъ С. М. Горяиновымъ, нѣтъ и намека на это запоздалое толкованіе.

Какъ бы то ни было, даже если Россія и не открыла

себѣ проливы Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ, все же безспорно выгоды договора были велики. Въ одномъ изъ документовъ болѣе поздняго времени султанъ былъ названъ „господиномъ и стражникомъ“ проливовъ. По акту 1833 г. вѣрно только второе: султанъ былъ сдѣланъ „стражемъ“ проливовъ на службѣ русскаго императора.

Не удивительно, что турки приложили всѣ старанія къ тому, чтобы отказаться отъ предложенной имъ секретной статьи о проливахъ. Въ томъ положеніи, въ которомъ Турція находилась, трудно было думать о чемъ-либо для себя очень выгодномъ. Въ переговорахъ съ Орловымъ она противопоставила поэтому русскому тексту весьма осторожную и внѣшне какъ бы не очень уклонявшуюся отъ него поправку, бросающую однако яркій свѣтъ на воззрѣнія турецкой дипломатіи въ вопросѣ о проливахъ. Турки предложили, что они будутъ закрывать Дарданеллы для всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ, которые сдѣлаютъ попытку ихъ прорвать съ цѣлями враждебными въ отношеніи договаривающихся сторонъ, т.-е. Россіи и Турціи. Такой скромной редакціей турки, готовые въ принципѣ закрывать проливы, оставляли за собою право судить, когда это слѣдуетъ дѣлать. Орловъ доносилъ въ Петроградъ, что „ему легко было доказать *неумѣстность* подобнаго постановленія“. Не будемъ повторять аргументы, которые онъ привелъ своимъ контрагентамъ и подробно воспроизводитъ въ своей депешѣ къ Нессельроде. Достаточно сказать, что обстоятельства заставили турокъ убѣдиться ими. Русскій текстъ былъ сохраненъ; турки припрятали однако свою редакцію до болѣе удобнаго времени, и сорокъ лѣтъ спустя Россіи пришлось съ ней помириться.

Результаты Ункіаръ-Искелесскаго договора были болѣе блестящими, нежели прочными. Международный

порядокъ, который онъ устанавливалъ на проливахъ, покоился на своеобразной „союзной“ зависимости, въ которую Турція ставилась отъ Россіи. Союзъ былъ бракомъ не по любви, а по расчету, и цѣликомъ находилъ себѣ объясненіе въ тяжелыхъ условіяхъ, которыя пережила Турція. Исчезли эти условія, и непрочность союза стала обнаруживаться съ полной очевидностью. Договоръ былъ заключенъ на восемь лѣтъ. Исполнилось лишь шесть, а русская дипломатія уже ясно поняла, что дѣло 1833 года не имѣетъ будущаго. Въ 1839 г. рѣчь шла о созывѣ конференціи для обсужденія дѣлъ Востока по поводу угрожавшаго новаго покушенія Мегемедъ Али на Турцію; обсуждая выгоды и невыгоды конференціи, Нессельроде писалъ, что она послужитъ лишь къ укрѣпленію вреднаго вліянія „морскихъ державъ“—какъ тогда говорилось объ Англіи и Франціи—на Турцію; послѣдняя окончательно забудетъ услуги, оказанныя Россіей, и обязательства, въ отношеніи ея принятыя, и вернется къ чувствамъ недовѣрія, которыя ее одушевляютъ. Въ докладѣ императору Николаю, относящемся къ тому же времени, Нессельроде откровенно говорилъ, что „нѣтъ даже тѣни надежды на возобновленіе“ Ункіаръ-Искелесскаго договора и что возбуждать такой вопросъ значило бы итти на вѣрную неудачу, которой во что бы то ни стало надо избѣжать.

Политика императора Николая Павловича въ концѣ тридцатыхъ годовъ показала себя болѣе гибкой, нежели въ пятидесятыхъ, въ эпоху Крымской войны. Прежде чѣмъ блестящій фейерверкъ миссіи Орлова и договора 1833 г. успѣлъ потухнуть, императоръ Николай примирился съ этимъ неизбѣжнымъ концомъ и пошелъ по линіи компромиса, намѣченной ему осторожнымъ вице-канцлеромъ. Съ легкой руки С. С. Татищева, къ этому отступленію принято относиться со

скорбью и негодованіемъ. С. М. Горяиновъ говоритъ: „Россію ложными аргументами влекли къ неблагодарной цѣли“.

Такъ ли это? Мы читали „ложные аргументы“. Они сводились къ тому, что Турцію нельзя заставить возобновить Ункіаръ-Искелесскій договоръ. Это было несомнѣнно справедливо и въ этомъ не было, конечно, ничего неожиданнаго. Теперь посмотримъ, что было „неблагодарной цѣлью“.

Въ умѣ Нессельроде стоявшая передъ Россіей задача складывалась слѣдующимъ образомъ. Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ Турція обязалась закрыть европейскимъ государствамъ Дарданеллы. Ункіаръ-Искелесскій договоръ падалъ, и съ нимъ падало это постановленіе о проливахъ, имѣвшее столь существенное значеніе для обороны русскаго Черноморскаго побережья. Чѣмъ замѣнить его? Какъ сдѣлать столь быстро отбившагося отъ рукъ султана по-прежнему стражемъ проливовъ? Для этого надо поступить такъ: предложить Европѣ, относившейся крайне враждебно къ Ункіаръ-Искелесскому договору, принять отказъ Россіи отъ этого акта, а вмѣсто того добиться, чтобы Европа приняла на себя обязательство узаконить начало закрытія проливовъ.

Такую программу, изложенную въ рядѣ депешъ и инструкцій Нессельроде, поручено было осуществить барону Бруннову, тогда еще начинающему дипломату, отправленному въ Лондонъ для переговоровъ по восточнымъ дѣламъ. Имя Бруннова неразрывно связано съ этой минуты и до половины 70 годовъ съ исторіей вопроса о проливахъ. То былъ несомнѣнно даровитый и выдающійся представитель русской дипломатіи, бѣдной въ XIX вѣкѣ крупными талантами. Человѣкъ ума изворотливаго и тонкаго, любитель и знатокъ дипломатической казуистики и логики, безъ крупной про-

граммы и крупныхъ мыслей, но съ огромнымъ опытомъ, цѣпкой аргументаціей и выдающейся проницательностью, дисциплинированный и осторожный, но вкрадчивый и вліятельный, умѣвшій незамѣтно и любезно внушать и своимъ, и чужимъ свои мысли и свое пониманіе, но оторванный отъ всякой почвы и жившій цѣликомъ въ атмосферѣ европейскаго большого свѣта и ею дышавшій, типичнѣйшій представитель до сихъ поръ не умершаго типа. С. М. Горяиновъ суровъ къ Бруннову, упрекая его въ стремленіи творить угодное Англіи и въ непониманіи интересовъ страны, „которая называлась его родиной“. Я не думаю, чтобы эта оцѣнка была вполнѣ правильной: она граничитъ съ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ и слишкомъ однотонно подчеркиваетъ то, что было полутономъ и оттѣнкомъ. Національное сознаніе не отсутствовало у этого типа русскихъ дипломатовъ, но отечество издали превращалось въ отвлеченную, какъ бы безплотную, формулу. Съ отечествомъ ихъ связывала одна лишь служебная ниточка, прикрѣпленная къ министерству иностранныхъ дѣлъ въ Петроградѣ; то, что проходитъ черезъ эту ниточку, ими воспринимается и стойко отстаивается передъ чужими; но служебная ниточка питаетъ довольно бѣдно, а отсутствіе другихъ связей съ родиной не даетъ возможности восполнить этотъ скудный притокъ. Всѣ живыя впечатлѣнія получаются отъ чужой жизни, которая поневолѣ заражаетъ своими сужденіями и своими точками зрѣнія. Въ результатѣ безсознательное преувеличеніе вѣса и значенія того, что творится у чужихъ, и подчасъ готовность итти навстрѣчу тамъ, гдѣ этого дѣлать не слѣдовало бы. Такое настроеніе не сознается: передъ собственнымъ умственнымъ взоромъ оно закрыто совершенно добросовѣстнымъ исполненіемъ служебнаго долга, огромнымъ умѣніемъ съ достоинствомъ носить свое званіе

представителя великой державы, ежедневной привычкой связывать съ именемъ своей страны источникъ и своего положенія, и своего авторитета, и своей роли. Это не „государственная измѣна“, а безсознательное ослабленіе живого государственнаго чувства и способности ярко воспринимать національныя точки зрѣнія, часто ничѣмъ серьезнымъ не скрашенное у дѣятелей второго разбора, но вознаграждаемое—конечно, только отчасти—у людей таланта совершеннымъ знаніемъ международныхъ условій, разумной осторожностью, тактомъ и умѣніемъ оріентироваться и свободно двигаться въ чужой жизни.

Всѣ эти особенности—и положительныя, и отрицательныя—фигуры Бруннова отразились на судьбѣ порученнаго ему въ концѣ 30-хъ годовъ вопроса о черноморскихъ проливахъ. Ему дана была ясная инструкція перенести въ европейскій договоръ постановленіе о закрытіи проливовъ, заключавшееся въ Ункіаръ-Искелесскомъ договорѣ и грозившее безслѣдно исчезнуть вмѣстѣ съ неминуемымъ исчезновеніемъ договора. Чтобы достигнуть этой цѣли, потребовалось не мало времени и не мало усилій. Брунновъ въ общемъ съ успѣхомъ выполнилъ порученіе. Ункіаръ-Искелесская секретная статья была перенесена въ договоръ, подписанный всѣми европейскими великими державами. Но при этомъ утрачено было много драгоцѣнныхъ особенностей статьи.

Переговоры открылись въ сентябрѣ 1839 г., а лондонская конвенція, которой они окончились, была подписана 1 (13) іюля 1841 года. За этотъ продолжительный срокъ Брунновъ много разъ редактировалъ и передѣлывалъ текстъ статей о проливахъ. Нѣтъ надобности слѣдить за этой бисерной редакціонной работой; гибкій умъ и гибкое перо Бруннова творили чудеса; перестановкой нѣсколькихъ словъ или дополненіемъ

коротенькой фразы незамѣтно достигалось полное измѣненіе смысла; редакція всасывала въ себя послѣдовательно замѣчанія и пожеланія всѣхъ, съ кѣмъ Брунову приходилось вести разговоры. Въ концѣ-концовъ получилось слѣдующее правило: „Его величество султанъ, съ одной стороны, объявляетъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе на будущее время соблюдать начало непреложно установленное, какъ древнее правило его имперіи, и въ силу коего всегда было воспрещено военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданелла и Босфора и, пока Порта находится въ мирѣ, его султанское величество не допуститъ ни одного военнаго иностраннаго судна въ сказанные проливы. И ихъ величества императоръ Всероссійскій, императоръ австрійскій, король венгерскій и богемскій, король французовъ, королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и король прусскій, съ другой стороны, обѣщаютъ уважать это рѣшеніе султана и сообразоваться съ вышеизложеннымъ началомъ“.

Насколько статья Ункіаръ-Искелесскаго договора проста и понятна, настолько приведенное правило лондонскаго договора 1841 г. полно хитросплетеній. Здѣсь и „древнее правило Оттоманской имперіи“, и „твердое намѣреніе“ султана его соблюдать, и обязательство державъ „уважать это рѣшеніе“ и сообразоваться съ „вышеизложеннымъ“ началомъ. Эта сложная форма и это содержаніе, въ которыхъ даже юристъ не сразу разбирается, представляютъ результатъ двухлѣтняго тщательнаго просѣванія Ункіаръ-Искелесской статьи черезъ тонкое дипломатическое сито. Не трудно понять, что ушло и что осталось послѣ такой операціи.

Брунновъ тотчасъ же послѣ начала переговоровъ встрѣтился съ совершенно опредѣленной тенденціей всячески ослабить безусловный характеръ запрета про-

ходить черезъ проливы. Офиціально лозунгомъ такихъ стремленій былъ объявленъ „суверенитетъ“ султана надъ проливами, необходимость, съ одной стороны, предоставить ему возможность, хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, открывать проливы, а съ другой, обезпечить его отъ появленія, вопреки его волѣ, русскихъ судовъ на Босфорѣ. Уже этотъ лозунгъ позволяетъ догадываться, откуда шли возраженія. Принципіальные защитники Турціи въ Европѣ—Меттернихъ и Пальмерстонъ—спѣшили помочь ей освободиться отъ узъ Ункіаръ-Искелесскаго договора и снять съ нея обязательства, связанныя съ одностороннимъ закрытіемъ проливовъ.

Въ поискахъ компромиса Брунновъ быстро оставилъ точку зрѣнія Ункіаръ-Искелесскаго договора въ ея чистомъ видѣ. Прежде всего, онъ началъ переговоры тѣмъ весьма важнымъ принципіальнымъ заявленіемъ, что актъ 1833 г. имѣлъ въ виду „закрыть проливъ *для всѣхъ*“. „Вы ошиблись,—сказалъ онъ Пальмерстону,—если думали до сихъ поръ, что императоръ желаетъ оставить для себя открытою дверь, которую онъ хочетъ закрыть для васъ“. Это заявленіе, лишь отчасти оправдывавшееся инструкціями Нессельроде, превратило, сразу же вопросъ о „закрытіи Дарданеллъ“ въ вопросъ о „закрытіи проливовъ“, тѣмъ самымъ не только о закрытіи входа въ Черное море, но и выхода изъ него. Далѣе Брунновъ придумалъ ту своеобразную фразу о „древнемъ правилѣ“ Оттоманской Порты, которая должна была придавать сдѣлкѣ внѣшній видъ признанія суверенитета, хотя бы и безъ признанія его по существу. Наконецъ, третья уступка заключалась въ томъ, что въ договорѣ закрытіе проливовъ было объявлено относящимся къ тому лишь времени, когда Турція находится въ мирѣ съ иностранными государствами. Меттернихъ и Пальмерстонъ на этомъ пунктѣ сосредото-

чили всю тяжесть своей аргументаціи: нельзя, говорилось въ Вѣнѣ и Лондонѣ, лишить султана законнѣйшаго права во время войны открывать свою территорію своимъ союзникамъ. Брунновъ, правда, не сразу, но все же уступилъ этимъ возраженіямъ, и по лондонскому договору Турція завоевала право въ случаѣ своей войны забыть о существованіи этого акта.

Изъ этихъ трехъ уступокъ особенно существенна, конечно, послѣдняя. Мы знаемъ, что объ открытіи проливовъ для одной Россіи не думали и въ эпоху Ункіаръ-Искелесскаго договора. Мы не можемъ не признать довольно безразличною внѣшнюю форму обязательства о закрытіи проливовъ, ибо вѣдь и въ Ункіаръ-Искелесси искали любезной для Турціи редакціи. Зато нельзя не видѣть въ признаніи возможности открывать проливы при войнѣ большой шагъ назадъ сравнительно съ актомъ 1833 г. Турція не достигла вполнѣ той цѣли, которую, какъ видно было, она поставила себѣ уже въ 1833 г. въ переговорахъ съ Орловымъ: право дѣлать исключенія изъ принципіальнаго закрытія проливовъ не принадлежитъ ей безусловно, ибо для этого ей надо объявить кому-нибудь войну, но все же сдѣланъ важный шагъ къ этой цѣли. Брунновъ принялъ правило, которое эквивалентомъ Ункіаръ-Искелесскому договору служить не могло. Союзныя отношенія, устанавливавшіяся въ 1833 г., въ связи съ правиломъ о проливахъ, на самомъ дѣлѣ обезпечивали оборону русскаго черноморскаго берега. По лондонскому акту эта безопасность въ конечномъ счетѣ зависѣла отъ воли Турціи. Обязанный вѣрностью стражъ проливовъ получилъ въ 1841 г. право при желаніи напасть на хозяина и открыть дверь другимъ его врагамъ.

Императоръ Николай былъ вполнѣ доволенъ лондонскимъ договоромъ и не думалъ объ его измѣненіи. Новое обостреніе восточнаго вопроса, приведшее къ

Крымской кампаніи и Парижскому миру, было вызвано имъ подъ вліяніемъ стремленій, непосредственно не связанныхъ съ судьбой Босфора. Но такова уже судьба восточныхъ дѣлъ, что какое бы изъ нихъ ни ставилось на очередь, вопросъ о проливахъ немедленно всплываетъ.

Такъ случилось и въ 1854 — 1856 гг. Императоръ Николай Павловичъ хотѣлъ разрѣшить вопросъ о Святыхъ мѣстахъ и, попутно, вопросъ о русскомъ религіозномъ протекторатѣ въ Турціи. Онъ вызвалъ большую европейскую войну, въ которой предметомъ борьбы сдѣлался весь восточный вопросъ въ его цѣломъ. Характерной особенностью этой войны было, что она все время перемежалась дипломатическими переговорами. Кризисъ 1853—1856 гг. есть не что иное, какъ переслоенная дипломатическими конференціями война, а, быть можетъ, даже скорѣе дипломатическія конференціи, переслоенныя военными дѣйствіями. Дипломаты сходились по нѣсколько разъ и до войны, и во время войны, и въ концѣ войны; отъ каждой дипломатической конференціи протягивались, сверхъ того, нити сложныхъ и запутанныхъ европейскихъ переговоровъ. Канвою всѣхъ этихъ дипломатическихъ объясненій служили когда-то знаменитые „четыре пункта“, въ которыхъ западныя государства усматривали „солидныя и постоянныя основанія“ для упорядоченія отношеній между Россіей и Турціей и которые знаменуютъ собой, можетъ быть, высшую точку, достигнутую въ теченіе девятнадцатаго столѣтія турецкой дипломатіей въ борьбѣ за существованіе и независимость своей страны. Въ этихъ „четырехъ пунктахъ“ появляется и вопросъ о проливахъ, облеченный въ слѣдующую неясную, но многообѣщающую формулу: „пересмотръ договора 13 іюля 1841 г. въ интересахъ европейскаго равновѣсія“.

Когда вырабатывался лондонскій актъ 1841 г. о проливахъ, говорилось о томъ, что онъ заключается въ интересахъ европейскаго равновѣсія, которое будто бы нарушалось предшествующимъ Ункіаръ-Искелесскимъ союзомъ. Теперь актъ 1841 г. въ свою очередь былъ признанъ нарушающимъ это равновѣсіе. Вынужденная принять „четыре пункта“, Россія не знала, какъ будетъ раскрыто содержаніе остававшагося загадочнымъ предложенія о проливахъ. Горчаковъ, который, въ качествѣ русскаго представителя въ Вѣнѣ, велъ главные переговоры въ этой стадіи исторіи вопроса, сдѣлалъ попытку провести свое собственное рѣшеніе загадки и доказать, что лучшимъ средствомъ обезпеченія европейскаго равновѣсія будетъ открытіе проливовъ. Онъ хорошо понималъ, что эта система открытія проливовъ представляетъ значительный шагъ назадъ, но онъ надѣялся, что этимъ путемъ удастся избѣжать худшаго. То, что онъ предлагалъ, заключалось въ слѣдующемъ. Султанъ „добровольнымъ актомъ своей суверенной воли“ измѣняетъ „древнее правило своей имперіи“, освященое въ 1841 г., и получаетъ право пропускать суда черезъ проливы согласно особому регламенту, основанному на признаніи равенства правъ всѣхъ иностранныхъ флотовъ; однако этотъ регламентъ для него, султана, обязателенъ лишь условно: онъ, можетъ, съ одной стороны, въ случаѣ надобности давать право прохода, не стѣсняясь регламентомъ, а съ другой— можетъ въ случаѣ своей войны закрыть проливы.

Система открытыхъ проливовъ, единственный разъ въ чистомъ видѣ выраженная русской дипломатіей въ моментъ самаго тяжелаго внѣшняго кризиса, пережитаго Россіей за все девятнадцатое столѣтіе, была расчитана на то, чтобы удовлетворить требованія европейской коалиціи. Казалось, что расчетъ совершенно правиленъ, что султанъ, „добровольнымъ актомъ суве-

ренной воли“ открывая Черное море для западныхъ флотовъ, давалъ все, чего могли искать западныя государства. И тѣмъ не менѣе результатъ достигнутъ не былъ. Предложенія Горчакова были отвергнуты. Современные документы не оставляютъ никакого сомнѣнія, откуда шло сопротивленіе. „Вы знаете, — говорилъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Буоль Горчакову,—что это—рѣшеніе, на которое мы не можемъ согласиться и которое *нанесло бы смертельный ударъ Турціи*“. Обсуждая вѣроятную судьбу предложенія, другой русскій представитель на вѣнскихъ конференціяхъ, Титовъ, такъ сводилъ сдѣланныя противъ него возраженія: „всѣ боятся новости и невѣрности подобнаго опыта; при новыхъ условіяхъ турецкая независимость едва ли будетъ существовать, даже какъ видимость“. Естественно, что турецкій уполномоченный на конференціи ни слова не сказалъ въ защиту проекта Горчакова, дававшаго Турціи такую власть надъ проливами, а на вопросъ русскаго посланника, почему онъ не поддержалъ столь выгодное для Турціи рѣшеніе, отвѣтилъ пустою фразой.

Европейское равновѣсіе, о которомъ говорилось въ „четырехъ пунктахъ“, постарались обезпечить другимъ путемъ—„нейтрализаціей“ Чернаго моря. Запретъ Россіи имѣть военный флотъ былъ, конечно, дѣйствительнѣе всѣхъ возможныхъ комбинацій правилъ о проливахъ, и не удивительно, что онъ больше удовлетворялъ турокъ и ихъ западныхъ друзей, чѣмъ предложеніе Горчакова. При всемъ его радикализмѣ имъ не хотѣли удовольствоваться: была сдѣлана попытка прибавить къ этому рѣшенію еще значительно отягчающій его проектъ постановленій о проливахъ. Начало закрытія Босфора и Дарданеллъ предложили сохранить, однако дополнивъ его правомъ въ видѣ исключеніи открывать проливы для западныхъ флотовъ. Мы знаемъ, что

мысль объ этомъ была не нова: она мелькаетъ еще въ переговорахъ графа Орлова въ 1833 году. Но никогда прежде и никогда послѣ она не была облечена въ столь простую и рѣзкую форму: въ проектѣ Друэнъ де-Луи (апрѣль 1855 г.) говорилось, во-первыхъ, о правѣ султана „въ случаѣ, если ему будетъ угрожать какая-либо опасность", открывать проливы своимъ союзникамъ, а, во-вторыхъ, о правѣ неприбрежныхъ къ Черному морю государствъ содержать тамъ нѣсколько военныхъ судовъ. Появленіе такого проекта, сочетавшаго нейтрализацію Чернаго моря съ столь своеобразнымъ режимомъ на проливахъ, немедленно отразилось на послѣдующихъ переговорахъ. Разъ нейтрализацію приходилось принять и приходилось себя обезоружить на Черномъ морѣ, то правило о безусловномъ закрытіи проливовъ съ русской точки зрѣнія сдѣлалось единственнымъ средствомъ обороны Чернаго моря. Естественно, Горчаковъ, обнаруживавшій во время всѣхъ этихъ трудныхъ переговоровъ большой запасъ находчивости и подвижности, немедленно всю энергію, проявленную въ защитѣ открытія проливовъ, перенесъ на защиту ихъ закрытія. Въ концѣ-концовъ въ этомъ пунктѣ удалось отстоять положеніе, занятое Россіей. Проливы остались закрытыми. На Парижскомъ конгресѣ конвенція 1841 года была возобновлена „съ нѣкоторыми лишь въ подробностяхъ измѣненіями, ни мало не нарушающими основныхъ началъ ея", какъ говорится въ актѣ 1856 года.

Если формально положеніе проливовъ осталось тѣмъ же, что и по договору 1841 г., то по существу оно, конечно, рѣзко измѣнилось послѣ Парижскаго конгреса. Константинополь получилъ двойную охрану: проливы были закрыты, а, сверхъ того, русскій флотъ на Черномъ морѣ былъ упраздненъ. При такихъ условіяхъ оборонительное значеніе перваго постановленія для Турціи естественно сдѣлалось гораздо меньшимъ.

Что значитъ закрытая дверь, когда все равно некому выходить? Съ точки зрѣнія военной Черное море какъ бы возвращалось къ положенію до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, до завоеванія черноморскаго берега Россіей; въ смыслѣ военнаго флота Россія, какъ и тогда, на Черномъ морѣ не существовала. Само собою разумѣется, туркамъ лучшаго рѣшенія вопроса трудно было желать. Однако попытка вернуться къ XVIII вѣку оказалась запоздалой. „Равновѣсіе“, которое мечтали установить Наполеонъ III, Пальмерстонъ и Буоль, было несомнѣнно случайнымъ и искусственнымъ. Не Турція своимъ собственнымъ вѣсомъ его обезпечивала, а временное ослабленіе Россіи, созданное Крымской войной, и тянувшія за турецкій рычагъ далекія державы Запада Какъ только слабость Россіи прошла, какъ только на Западѣ Франція была временно выведена изъ строя, а Англія утратила прежнюю энергію въ служеніи пальмерстоновскимъ идеямъ,—политическій рычагъ быстро перемѣстился.

19 октября 1870 года Горчаковъ торжественно констатировалъ это перемѣщеніе, пославъ знаменитую ноту, провозглашавшую рѣшеніе Россіи отказаться отъ договорной обязанности не содержать флота на Черномъ морѣ.

„При всей смѣлости своей формы, нашъ шагъ въ сущности задуманъ былъ очень осторожно“, писалъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ циркуляра одинъ изъ оруженосцевъ Горчакова, Жомини, барону Бруннову. Въ самомъ дѣлѣ, Горчаковъ и въ эту лучшую минуту своей политической карьеры оставался вѣренъ себѣ. То не былъ крупный государственный человѣкъ, смѣло и не озираясь назадъ идущій къ разъ намѣченной цѣли; профессіональный дипломатъ, онъ всю жизнь не столько дѣйствовалъ, сколько занимался писаніемъ нотъ и подготовкой бесѣдъ съ иностранными послами;

октябрьскій циркуляръ для него былъ тоже не дѣйствіемъ, а, прежде всего, дипломатическимъ документомъ; онъ заранѣе и тщательно думалъ о томъ, какое мѣсто займетъ его нота въ тѣхъ дипломатическихъ „dossiers“ иностранныхъ канцелярій, которые онъ открывалъ своимъ посланіемъ. Онъ зналъ, какіе отвѣты послѣдуютъ, и впередъ предугадывалъ свои реплики, а такъ какъ всякое нормальное дипломатическое производство въ его глазахъ должно было покоиться на классическомъ „do ut des“, то въ его полной оппортунизма головѣ, какъ бы въ интересахъ порядка, съ самаго начала готова была та „русская уступка“, „компенсація“ Западу, которая имѣла послѣдовать. Онъ почти навязывалъ ее своимъ противникамъ, не обладая достаточной выдержкой, чтобы противостоять до конца ихъ натиску.

Онъ хорошо зналъ, гдѣ лежали эти „компенсаціи“, ибо самъ еще въ 1854—1855 гг. въ Вѣнѣ выработалъ и отстаивалъ ихъ программу. То обстоятельство, что въ исключительную по своей выгодѣ, не имъ созданную, а почти свалившуюся съ неба, политическую минуту Горчаковъ, въ качествѣ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, готовился предложить Европѣ то, что онъ въ качествѣ русскаго уполномоченнаго предлагалъ ей въ худшую годину, пережитую Россіей въ теченіе прошлаго вѣка, даетъ истинную мѣрку его политической методы. „Компенсація“, какъ и въ эпоху крымской войны, заключалась въ открытіи проливовъ для иностранныхъ флотовъ, а ее то Горчаковъ предписывалъ послу въ Лондонѣ предложить англичанамъ, чтобы помочь имъ помириться съ отмѣной нейтрализаціи Чернаго моря. Обстоятельства показали, однако, что измѣненія Парижскаго трактата можно было добиться цѣной болѣе дешевой, чѣмъ та, которую впередъ готовъ былъ предложить вице-канцлеръ.

Исполнителемъ инструкцій Горчакова пришлось быть Бруннову. Авторъ лондонской конвенціи 1841 года и на этотъ разъ очень скоро сумѣлъ взять въ свои руки весь ходъ переговоровъ. Онъ очень осторожно отнесся къ данному ему предписанію. Нащупавъ почву, онъ быстро понялъ, что мысль Горчакова оріентировалась неправильно, и сейчасъ же измѣнилъ постановку вопроса. При всей своей значительности, компенсація Горчакова была не той, которая требовалась. Невыгодная Россіи, она вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчала въ своемъ осуществленіи непреодолимыя затрудненія. Эти затрудненія лежали тамъ же, гдѣ и въ 50-хъ годахъ, въ Турціи.

Что Турція не приметъ комбинаціи Горчакова, стало ясно уже въ теченіе первыхъ недѣль, слѣдовавшихъ за отправкой его циркуляра. Брунновъ въ ноябрѣ спѣшилъ предупредить Горчакова о трудности провести его проектъ и любезно совѣтовалъ ему оставить въ своихъ рукахъ „карту, которую надо держать про запасъ и не класть на столъ раньше времени“ Горчаковъ не настаивалъ. Турки выдвинули очень скоро предложенія другого порядка. Нельзя не удивляться послѣдовательности ихъ внѣшней политики. Мы видѣли, что еще въ 1833 году они защищали начало закрытія проливовъ съ правомъ ихъ открывать въ цѣляхъ своей обороны; въ 1841 г. часть этой программы была выполнена, такъ какъ Турція получила право во время своей войны открывать проливы. Оставалось сдѣлать еще шагъ и добиться возможности закрытые въ принципѣ проливы открывать въ интересахъ обороны и въ мирное время. Такая программа всего яснѣе изложена въ инструкціи, посланной изъ Константинополя турецкому послу въ Лондонѣ, Мусурусу. Въ ней ему предписано было энергично бороться противъ предложенія открыть проливы, такъ какъ Порта

не можетъ допустить безпрепятственный проходъ военныхъ судовъ и даже флотовъ мимо Константинополя. Вмѣсто этого ему предлагалось отстаивать начало закрытія проливовъ съ тѣмъ, чтобы Турція могла ихъ открывать, когда признаетъ это необходимымъ, и чтобы такія распоряженія не могли служить поводомъ къ какимъ-либо представленіямъ со стороны державъ.

Такая программа въ чистомъ видѣ не была усвоена европейской дипломатіей. Она подверглась переработкѣ, направленіе которой предугадать не трудно. При принятіи турецкаго проекта въ связи съ отмѣной нейтрализаціи Чернаго моря отъ Парижскаго трактата не оставалось и слѣда. Положеніе Россіи на проливахъ уравнивалось съ положеніемъ всѣхъ остальныхъ государствъ, а русскій черноморскій флотъ возстановлялся. „Равновѣсіе“, о которомъ такъ заботились въ 50-хъ годахъ, грозило исчезнуть. Конечно, государства, создавшія договорный порядокъ 1856 г., переживали минуту слабости; но они все же не всѣ выведены были изъ строя. При такихъ условіяхъ естественно, что Австро-Венгрія и Англія должны были искать нѣсколько иныхъ комбинацій, чѣмъ та, которая предлагалась Турціей. С. М. Горяиновъ называетъ обнаружившіяся стремленія нѣсколько старомоднымъ словомъ „интриги“. Пусть такъ, но то были все же факторы, съ которыми приходилось считаться при разрѣшеніи вопроса. Горчаковъ первый далъ примирительную ноту переговорамъ, которые открылись послѣ его циркуляра. Брунновъ не былъ человѣкомъ, отъ котораго могло исходить какое-либо сопротивленіе такой тенденціи. Онъ сразу же вошелъ въ кругъ мыслей западной дипломатіи, рѣшилъ, что, если искать компенсацій, то именно тѣхъ, которыхъ требовали въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ, и эту свою мысль довелъ до конца. Предложе-

нія, о которыхъ условились Бейстъ и Гранвилль, сво дились къ тому, что проливы остаются закрытыми, но что въ то же время султанъ имѣетъ право для своей безопасности открывать ихъ для военныхъ судовъ Запада или, какъ болѣе дипломатично выражались въ Вѣнѣ и Лондонѣ, „державъ, не-прибрежныхъ къ Черному морю“. Брунновъ увѣрилъ себя и Петербургъ, что внѣ этого компромиса нѣтъ спасенія, что безъ него нельзя заставить участниковъ созванной въ Лондонѣ конференціи согласиться на отмѣну нейтрализаціи Чернаго моря. Трудно съ точностью учесть, насколько правильной была эта оцѣнка. Я воздержался бы, напримѣръ, отъ того категорически отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, который составляетъ предпосылку всего разсказа С. М. Горяинова, но все же я не могу не раздѣлять впечатлѣнія, что Брунновъ велъ дѣло неправильно. Въ самомъ дѣлѣ, получалось слѣдующее странное положеніе; два рѣшенія были предложены на конференціи: одно—турецкое—заключалось въ закрытіи проливовъ съ правомъ Турціи, при извѣстныхъ условіяхъ, ихъ открывать для военныхъ судовъ любыхъ государствъ, не исключая Россіи; другое—западное—предлагало, чтобы проливы можно было открывать только „не-прибрежнымъ къ Черному морю государствамъ“, т.-е. всѣмъ, кромѣ Россіи. Брунновъ, убѣдивъ себя, что только при второмъ изъ этихъ рѣшеній возможенъ компромисъ съ Вѣной и Лондономъ, энергично защищалъ второе. Онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки использовать настойчивость турокъ въ отстаиваніи ихъ проекта, явно болѣе выгоднаго для Россіи; напротивъ, онъ все сдѣлалъ, чтобы, съ одной стороны, дискредитировать его въ Петербургѣ, гдѣ сначала не разобрали въ чемъ дѣло, и спохватились слишкомъ поздно, а съ другой—провалить его на конференціи. Не смущаясь сѣтованіями,

которыя съ разныхъ сторонъ доходили до него,—и изъ Петербурга, и изъ Константинополя отъ Игнатьева, и изъ Вѣны отъ Новикова,—старый Брунновъ велъ свою линію. Только упорство турокъ спасло положеніе. Несмотря на то, что, по настоянію Бруннова, самъ Александръ II, скрѣпя сердце, просилъ султана снять выгодное для Россіи предложеніе,—турки продолжали настаивать. Чтобы свести конференцію съ мертвой точки, пришлось придумать новую редакцію и выкинуть изъ текста указаніе на привилегированное положеніе „неприбрежныхъ государствъ“. Нельзя сказать, чтобы эта новая редакція была особенно ясной; можетъ быть, именно благодаря этой неясности она и имѣла успѣхъ. Вотъ что записано было въ заключенной въ Лондонѣ въ 1871 г. конвенціи: „Закрытіе Дарданельскаго и Босфорскаго проливовъ, какъ оно было установлено сепаратной конвенціей 30 марта 1856 г., сохраняетъ свою силу, *съ правомъ*, предоставленнымъ е. и. в. султану, *открывать* сказанные *проливы въ мирное время для военныхъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ томъ случаѣ, когда Блистательная Порта найдетъ это необходимымъ для обезпеченія исполненія постановленій Парижскаго трактата 30 марта 1856 г.*“

Въ Парижскомъ трактатѣ, для охраны котораго должны были открываться проливы, было много самыхъ разнообразныхъ постановленій. Ни съ однимъ изъ нихъ, кромѣ отмѣненныхъ правилъ о нейтрализаціи Чернаго моря, судьба проливовъ связана не была; почему, напримѣръ, для обезпеченія зависимости Сербіи отъ Турціи надо было вводить иностранныя суда въ Черное море? Очевидно, о точномъ содержаніи статей Парижскаго трактата не думали, а вспомнили его, какъ нѣкоторый политическій „пароль“, какъ символъ пресловутаго „status quo“ на турецкомъ востокѣ. Но

именно техническія несовершенства договора удовлетворили всѣхъ: удовлетворили русскую дипломатію, потому что новая редакція замѣнила явно направленный противъ Россіи проектъ, удовлетворили Турцію, потому что эта редакція давала султану право открывать проливы для своей обороны, удовлетворили Западъ, потому что договоръ ссылался на созданный его усиліями Парижскій трактатъ.

Лондонская конвенція 1871 г.—послѣдняя пережитая страница договорной исторіи проливовъ. Она подводитъ итогъ борьбы, обнимающей полстолѣтіе. Рѣшеніе, простой намекъ на которое графъ Орловъ считалъ „неумѣстнымъ“ въ устахъ турокъ, стало дѣйствующимъ правомъ, было закрѣплено санкціей Европы и снабжено подписью Россіи. Изъ двухъ боровшихся политическихъ тезисовъ—русскаго и турецкаго—исторія выбрала второй.

Слѣдуетъ ли отсюда, что пришло время забыть, откуда мы начали борьбу, осудить усилія ряда поколѣній, какъ безплодныя исканія неосуществленнаго, а слѣдовательно и неосуществимаго идеала? Прошлое даетъ урокъ, но этотъ урокъ не тамъ, гдѣ его видятъ вялые историческіе моралисты.

Въ 1877 г. богато одаренному русскому дипломату, покойному А. И. Нелидову было поручено разработать условія мирнаго договора, которымъ надо было завершить послѣднюю русско-турецкую войну. С. М. Горяиновъ приводитъ выдержки изъ составленнаго Нелидовымъ мемуара. „Главное условіе, которое слѣдуетъ ввести въ мирный договоръ,—писалъ тогда еще молодой начальникъ дипломатической канцеляріи великаго князя Николая Николаевича, — касается проливовъ. Свобода сообщеній съ Средиземнымъ моремъ и въ то же время возможность воспрепятствовать непріятель-

скимъ флотамъ угрожать нашимъ черноморскимъ берегамъ,—таковой должна быть и всегда была главная задача нашей морской политики въ Турціи. Поэтому надо искать сочетанія условій, *которыя обезпечили бы намъ, намъ однимъ, свободу плаванія черезъ проливы, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ военныхъ флотовъ*".

Кто станетъ оспаривать эту политическую истину? Она не получила осуществленія въ 1878 г., какъ не получила осуществленія и ранѣе, но развѣ исторія можетъ ее опровергнуть. Исторія говоритъ лишь о томъ, что помѣшало ея осуществленію, что привело къ торжеству иныхъ рѣшеній. Собранные С. М. Горяиновымъ матеріалы даютъ возможность установить эти условія, а тѣмъ самымъ нащупать, гдѣ лежитъ истинная разгадка проблемы проливовъ. Ее не надо искать на западѣ, въ коварствѣ Пальмерстона или интригахъ Бейста и ихъ предшественниковъ и преемниковъ. Мы видѣли, что она, прежде всего, лежитъ въ Турціи. Пока Турція сохраняла жизненную энергію, она не давала и не могла дать пересѣчь себя открытыми для Россіи Босфоромъ и Дарданеллами. Поэтому разрѣшить задачи, которыя для Россіи связаны и всегда будутъ связаны съ проливами, можно, только разрѣшая восточный вопросъ. А разъ послѣдній еще не снятъ съ очереди, легкомысленно думать, что исторія дала конечную разгадку и вопросу о черноморскихъ проливахъ.

III.

ИТАЛІЯ ВЪ ТРОЙСТВЕННОМЪ СОЮЗѢ.

Современный политикъ съ интересомъ и вниманіемъ слѣдитъ за итальянской дипломатіей. Въ составѣ „Тройственнаго Союза“ политика каждаго изъ участниковъ мало схожа съ политикой остальныхъ двухъ союзниковъ. Но ни у одного изъ нихъ линія внѣшней политики такъ не замысловата и не извилиста, какъ у Италіи. Участіе ея въ союзѣ, конечно, одна изъ интереснѣйшихъ проблемъ современной политической психологіи. Вполнѣ уяснить себѣ ее въ настоящее время едва ли возможно: намъ не дано пока проникнуть за сцену, видѣть, какъ разставляются актеры и какъ режиссеры готовятъ ихъ выступленія. Но по мѣрѣ того, какъ событія уходятъ въ прошлое и начинаютъ появляться историческіе документы, механизмъ этихъ событій обнажается. Вчерашній день наблюдается уже въ подлинномъ видѣ, а это помогаетъ намъ лучше, въ свою очередь, судить и о сегодняшнемъ. Недавнее обнародованіе въ Италіи политической переписки Криспи даетъ отличную возможность произвести такого рода изысканіе относительно судебъ Тройственнаго Союза и участія въ немъ Италіи въ первое десятилѣтіе его существованія. Само собой, наблюденія, которыя можно сдѣлать, пользуясь этими историческими документами, не дадутъ намъ ключа къ психологической проблемѣ участія въ Тройственномъ Союзѣ современной Италіи въ цѣломъ и подробностяхъ, ибо за три-

дцать лѣтъ Союзъ, конечно, внутренне и политически преобразовался: Бетманъ-Гольвегъ не Бисмаркъ, Берхтольдъ не Андраши, Джіолитти не Депретисъ. И тѣмъ не менѣе, рядъ крупныхъ основныхъ чертъ недавняго прошлаго сохраняется въ настоящемъ, и, изучая переписку Криспи, собираешь матеріалъ для рѣшенія политическихъ задачъ современности.

1.

Племянникъ Франческо Криспи, виднаго итальянскаго политическаго дѣятеля второй половины прошлаго столѣтія, Г. Паламенги-Криспи выпустилъ три тома бумагъ своего покойнаго дяди, относящихся къ разнымъ эпохамъ его жизни и разнымъ сторонамъ его дѣятельности. Одинъ томъ касается экспедиціи „Тысячи“, извѣстнаго похода Гарибальди въ Сицилію и Неаполь, приведшаго къ объединенію этихъ земель съ итальянскимъ королевствомъ въ 1860 — 1861 гг.,— экспедиціи, въ которой Криспи игралъ выдающуюся роль; другой томъ посвященъ внѣшней политикѣ Криспи за время 1877—1890 гг.; третій—даетъ переписку по самымъ разнообразнымъ политическимъ вопросамъ за періодъ 1860 — 1900 гг. Несмотря на внѣшнюю разрозненность и неполноту публикаціи, она содержитъ первостепенный по своей важности и своему интересу матеріалъ для освѣщенія исторіи тѣхъ условій, въ которыхъ возникъ Тройственный Союзъ и въ которыхъ онъ жилъ первое свое десятилѣтіе. И чрезвычайно полезно, что документы идутъ отъ очень ранняго времени: книга о походѣ „Тысячи“ начинается въ данныхъ 1849 г. Читая ихъ, укрѣпляешься въ убѣжденіи, что итальянское правительство Депретиса и Манчини, подписывая въ 1882 г. договоръ о союзѣ съ Германіей и Австро-Венгріей, дѣлало лишь то, что задумано было и подготовлялось итальянской „лѣвой“

въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Криспи, въ качествѣ одного изъ вождей этой „лѣвой“, разскажетъ намъ объ этомъ съ не оставляющей ни малѣйшихъ сомнѣній ясностью [1]).

Въ 80-хъ годахъ Криспи, въ качествѣ перваго министра, велъ довольно энергическую противорусскую политику; на это мы будемъ еще имѣть случай обратить вниманіе. Едва ли можно сомнѣваться, что по своему тексту актъ Тройственнаго Союза налагалъ на Италію обязанность, въ извѣстныхъ случаяхъ, воевать съ Россіей. Тѣмъ не менѣе, конечно, не борьба съ Россіей составляла смыслъ участія Италіи въ этомъ союзѣ. Послѣдній для нея исторически и политически представлялъ собой въ первую голову орудіе противъ Франціи. Но, прежде чѣмъ ясно выразиться, антитеза: Франція — Италія долго въ скрытомъ видѣ существовала, какъ антитеза: Палермо—Туринъ. Внутри этого послѣдняго противорѣчія скрывалось и зрѣло то политическое настроеніе, которое создало Тройственный Союзъ. Если, черезъ два десятилѣтія послѣ Маджента и Сольферино, Италія, почти какъ милости, просила Бисмарка допустить ее въ союзъ, направленный противъ Франціи, то это объяснимо только, если вдуматься въ смыслъ и ходъ той вражды, которая, при объединеніи Италіи, въ эпоху, которую итальянцы называютъ „эпохой воскресенья“ (Risorgimento), родилась между итальянскимъ сѣверомъ и югомъ.

Когда сицилiанскіе революціонеры-эмигранты и въ ихъ числѣ Криспи, послѣ завершенія борьбы за италь-

---

[1]) *Francesco Crispi* „I Mille“, Milano, 1912, *Francesco Crispi:* „Politica estera, Memorie e documenti raccolti e ordinati da T. Palamenghi-Crispi“, Milano, 1912; „Carteggi politici inediti di *Francesco Crispi* (1860—1900) estratti dal suo archivio, ordinati e annotati da T. Palamenghi-Crispi“, Roma, 1912. Есть уже англійскій и нѣмецкій переводы.

янское объединеніе въ Ломбардіи и въ герцогствахъ средней Италіи, убѣждали Гарибальди стать во главѣ возстанія въ Сициліи, Гарибальди имъ отвѣчалъ: „Я не боюсь никакихъ дѣйствій, какъ бы рискованны они ни были, когда дѣло идетъ о борьбѣ съ врагами нашей страны. Однако въ эту минуту я не считаю своевременнымъ революціонное движеніе ни въ какой части Италіи, развѣ бы налицо было полное вѣроятіе успѣха. Теперь дѣло страны—въ рукахъ политическихъ дѣльцовъ (faccendieri politici), которые всѣ хотятъ искать выхода въ дипломатическихъ попыткахъ; надо обождать, пока итальянскій народъ пойметъ безполезность средствъ этихъ доктринеровъ. Тогда придетъ срокъ дѣйствовать“...

„Политическіе дѣльцы“ и „доктринеры“, о которыхъ писалъ Гарибальди, въ самомъ дѣлѣ, казалось, были господами положенія. Графъ Кавуръ,—ибо именно онъ воплощалъ въ глазахъ радикальной Италіи этихъ людей,—и цѣлая плеяда государственныхъ дѣятелей его толка только-что создали единство сѣверной и средней Италіи и создали его не средствами подпольной революціонной борьбы, не въ союзѣ съ европейской демократіей, а средствами государственными, въ союзѣ съ ненавистнымъ этой демократіи Наполеономъ III. Довольно естественно, что они желали сохранить въ своихъ рукахъ руководство дальнѣйшей борьбой за объединеніе, право выбрать время для него и подготовить необходимыя условія успѣха. Какъ всякій чисто государственный дѣятель, Кавуръ несъ съ собой бремя многообразныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ обязательствъ, бремя правительственнаго вчерашняго дня, отъ котораго всегда чувствуетъ себя свободнымъ дѣятель чисто революціонный. Каждый изъ нихъ—и правительственный революціонеръ, какимъ былъ Кавуръ, и дѣятель народной, „безотвѣтственной“, революціи—имѣютъ свои дороги и свои методы. Ни одинъ изъ нихъ, вопреки

историческому опыту, не можетъ вѣрить, что обѣ дороги ведутъ крупныхъ людей къ крупнымъ завоеваніямъ и что обѣ методы исторически законны. Исключительное право руководить Италіей, которое за собой признавалъ Кавуръ, оказалось оспореннымъ, къ его негодованію, людьми совершенно иной политической закваски. Таковъ первый источникъ внутренней итальянской распри 60-хъ годовъ.

Криспи вышелъ изъ второй школы: членъ палермскаго революціоннаго парламента 1848 г., политическій эмигрантъ 1849—1860 гг., другъ Маццини, признаннаго вождя итальянскаго политическаго радикализма, онъ пережилъ итальянское Risorgimento въ лагерѣ противниковъ Кавура. Его опытъ и его политическая программа чрезвычайно типичны и ярко рисуютъ отмѣченный выше первый конфликтъ,—конфликтъ итальянскаго сѣвера и итальянскаго юга. Прослѣдимъ за Криспи времени похода „Тысячи“.

Ненависть къ „сатанинскому бурбонскому правительству“—такова терминологія Криспи и его друзей—и воодушевленная вѣра въ лозунгъ „свободная Италія“ не дали себя сломить доводами благоразумія, даже въ устахъ Гарибальди, не говоря уже о самыхъ серьезныхъ предостереженіяхъ туринскаго правительства. Криспи, руководившій въ 50-хъ гг. изъ-за границы революціонными кружками Сициліи, не согласился признать, что часъ принадлежитъ исключительно „политическимъ дѣльцамъ“ и „доктринерамъ“ сѣвера. Послѣ многихъ усилій ему удалось побѣдить сомнѣнія Гарибальди: 6 мая 1860 г. изъ Генуи тайно вышли два парохода съ легендарной теперь „Тысячью“ Гарибальди; 11-го они высадили отрядъ въ Марсалѣ, а къ августу Сицилія была завоевана, и Гарибальди началъ походъ на Неаполь, занятый имъ въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ недѣль.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Гарибальди въ Сициліи было провозглашеніе тамъ своей диктатуры „именемъ Италіи и Виктора Эммануила“. Громадный энтузіазмъ, вызванный въ Италіи успѣхами „Тысячи“, заставилъ Кавура сдержать чувство досады, порожденное первыми извѣстіями о дѣлѣ, начатомъ вопреки его категорическимъ совѣтамъ. Но, мирясь съ фактами, онъ приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы вырвать изъ рукъ сицилiанскаго диктатора и его государственнаго секретаря дальнѣйшее руководство событіями. Пользуясь авторитетомъ того, чьимъ именемъ эта диктатура была провозглашена, Кавуръ отправилъ въ Палермо своего человѣка, нѣкоего Ла-Фарина; ему поручалось направлять шаги Гарибальди, ибо Туринъ склоненъ былъ къ нему относиться, какъ къ нѣсколько простоватому народному герою, мало способному разбираться въ сложной внутренней и внѣшней конъюнктурѣ, въ которой создавалось итальянское объединеніе, и нуждавшемуся въ опытномъ совѣтчикѣ. Ла-Фарина занялся—въ разгаръ борьбы Гарибальди съ Бурбонами—борьбой съ правительствомъ Гарибальди и въ первую очередь съ Криспи. Гарибальди колебался нѣкоторое время, и Криспи вынужденъ былъ выйти въ отставку, оставаясь неофиціальнымъ совѣтникомъ Гарибальди. Но въ концѣ-концовъ миссія Ла-Фарина все же не удалась, и, испуганный его интригами, Гарибальди выслалъ его изъ Сициліи. Понятна горечь, испытанная Криспи послѣ этого перваго столкновенія съ туринскимъ правительствомъ. Въ одномъ изъ писемъ къ другу въ Сардиніи онъ говорилъ въ началѣ іюля 1860 года: „Почему Кавуръ продолжаетъ питать ко мнѣ вражду? Неужели намъ суждено всегда бороться другъ съ другомъ? и есть ли это путь для созданія Италіи?... Ты меня знаешь. Я люблю Италію больше всего и, такъ какъ Италія должна быть создана вмѣстѣ съ Савой-

скимъ домомъ, я его принимаю безъ всякой задней мысли. Мнѣ принадлежитъ титулъ „короля Италіи“, данный Виктору Эммануилу. Я замѣнилъ на публичныхъ актахъ и на государственныхъ зданіяхъ гербъ Тринакріи (Сициліи) гербомъ Савойи, несмотря на недовольство сепаратистовъ, которые со мной борются безъ устали. Только я могу спасти въ Сициліи Италію.. Среди маленькихъ знаменитостей края я одинъ могу добиться, чтобы Сицилія вела къ объединенію. Меня не сломятъ ихъ превосходительства съ Піаццы Кастелло (министерство въ Туринѣ), они облегчаютъ мнѣ путь, по которому я пошелъ“...

Кавуръ не измѣнилъ своего отношенія къ Криспи и сициліанской революціи послѣ неудачи миссіи Ла-Фарина. Одинъ изъ друзей писалъ Криспи изъ Турина: „Кавуръ все тотъ же, пустой, лживый, аристократическій, легкомысленный, властолюбивый, безъ совѣсти и безъ нравственныхъ сдержекъ“. Усилія этого, теперь ненавистнаго, министра, по окончательномъ занятіи Сициліи, были направлены къ тому, чтобы разъ навсегда отдѣлаться отъ совѣтниковъ Гарибальди и для этого ускорить присоединеніе острова къ сардинскому королевству. Но Гарибальди и Криспи шли гораздо дальше въ своихъ замыслахъ. Сицилія была для нихъ только началомъ. Криспи, думавшій, мы видѣли, что онъ создастъ „въ Сициліи Италію“ и объединитъ всю страну подъ властью Савойскаго дома, хотя бы и вопреки волѣ сардинскаго правительства, считалъ, что послѣ Сициліи предстоитъ завоевать Неаполь, а потомъ Римъ. Кавуръ, хорошо знавшій несочувствіе Наполеона III плану завоеванія Неаполя—въ воздухѣ носилась мысль о возстановленіи тамъ власти Мюратовъ—и его твердую рѣшимость не допустить занятія Рима, видѣлъ въ этомъ новый поводъ стремиться, чтобы присоединеніемъ Сициліи положить конецъ „авантюрѣ“ Гарибальди и его

присныхъ. Съ Неаполемъ ему пришлось снова уступить, но, послѣ занятія послѣдняго, Гарибальди подчинился волѣ Турина. Плебисцитъ въ пользу Виктора Эммануила, который всячески хотѣлъ оттянуть Криспи, дабы сохранить въ рукахъ юга дальнѣйшее руководство событіями, совершился, и Гарибальди передалъ власть сардинскому правительству. Однимъ изъ первыхъ актовъ послѣдняго была попытка — того же Ла-Фарина, который былъ посланъ въ Неаполь въ качествѣ представителя новой власти — арестовать Криспи, котораго спасла толпа, но который долженъ былъ скрыться въ Сициліи, гдѣ, съ первыми выборами въ общій итальянскій парламентъ, онъ получилъ депутатское полномочіе. О томъ, что значило въ эти критическія минуты для итальянскихъ радикаловъ ускореніе процеса поглощенія юга Сардиніей, можно судить изъ слѣдующей выдержки изъ письма Маццини къ Криспи въ серединѣ іюля 1860 года: „...Очевидно, Гарибальди смотритъ на задачу только съ военной точки зрѣнія. Теперь всякое промедленіе можетъ оказаться фатальнымъ. Луи Наполеонъ и Кавуръ дѣлаютъ все, чтобы ускорить соединеніе Піемонта и Неаполя. Если это имъ удастся, то горе! Я не понимаю Гарибальди. Когда врагъ деморализированъ, секретъ заключается въ томъ, чтобы быстро преслѣдовать свои собственныя выгоды. Съ тремя тысячами добровольцевъ и именемъ Гарибальди... мы создадимъ королевство въ одну недѣлю...“

Не буду останавливаться на томъ, кто былъ правъ— „пустой и аристократическій“ Кавуръ или радикалы итальянскаго юга. Событія показали, что обѣ стороны въ извѣстной части своихъ стремленій были правы: Неаполь былъ присоединенъ къ Сардиніи, но объединеніе Италіи „въ недѣлю“ завершить, конечно, не удалось. Я старался только отмѣтить, какъ глубока пропасть, созданная событіями 1860 года на итальянскомъ

югѣ, между руководящими политическими теченіями и политическими людьми страны.

2.

Конфликтъ сѣвера и юга уже въ то время совершенно опредѣленно велъ итальянскихъ радикаловъ къ распрѣ съ Франціей. Очень ярко выражено это настроеніе въ письмѣ Маццини въ серединѣ іюня 1860 г.: „...Страна не сознаетъ самое себя; надо создать это сознаніе; надо мало-по-малу убѣдить ее, что не Кавуръ, *не Луи Наполеонъ*, не монархія создали единство, а она сама, ея жертвы и ея битвы; надо заставить монархическій Піемонтъ выбрать между двумя дорогами: или снять маску и дѣйствовать противъ единства родины, или открыто разорвать съ императорской Франціей"...

Существенная часть той, исторически несправедливой и политически неоправданной, программы, которую развивалъ Маццини, была усвоена, не „мало-по-малу"— на большее въ то время даже Маццини не расчитывалъ,—а очень быстро, значительною частью итальянскаго общественнаго мнѣнія.

Криспи—депутатъ перваго итальянскаго объединеннаго парламента, не менѣе Криспи—государственнаго секретаря сицилiанской диктатуры—проникнутъ этимъ настроеніемъ. Ненависть къ Турину, къ Кавуру и его преемникамъ тѣсно переплетается въ немъ съ ненавистью къ императорской Франціи. Переписка 60-хъ годовъ, между походомъ Тысячи и занятіемъ Рима въ началѣ франко-прусской войны, можно сказать, главнымъ образомъ, вращается именно около этихъ двухъ политическихъ темъ. Въ письмѣ къ Гарибальди въ мартѣ 1861 г. Криспи говоритъ: „Графъ Кавуръ въ комедіи, представленной въ Палаццо Кариньяно (палата депутатовъ въ Туринѣ) и названной интерпелляціей Одино, сказалъ вчера, что Римъ, а не Туринъ долженъ быть

столицей Италіи, но что мы должны итти въ Римъ, когда то позволитъ Луи Бонапартъ. Сказалъ, что было бы тяжелымъ преступленіемъ, если бы мы завоевали столицу помимо воли великодушнаго союзника даже и въ томъ случаѣ, если бы были достаточно сильны для войны съ Франціей. Благодарность, недостаточно оплаченная Ниццой и Савойей (обстоятельство, не отмѣченное благороднымъ графомъ), должна насъ сдѣлать нижайшими рабами того, кто приказываетъ изъ Тюильрій. Графъ Кавуръ не сказалъ, будетъ ли позволеніе итти въ Римъ дано даромъ или будетъ оплачено доброй итальянской землей, какъ помощь, оказанная въ 1859 г.". И далѣе: „... Въ Неаполѣ и въ Силиціи отпраздновали Ваши именины съ истиннымъ воодушевленіемъ. Эти провинціи теперь въ полной анархіи. Графъ Кавуръ пожинаетъ плоды своей агитаціи за то время, какъ Вы управляли. Не исполненныя обѣщанія, на которыя были такъ щедры кавуріане во время диктатуры, естественно вызвали такое недовѣріе, что умѣреннымъ трудно управлять». Край мечтаетъ о возвратѣ къ Вашему управленію, и Кавуръ лишенъ другихъ средствъ защищаться, кромѣ обвиненій по адресу мацциніанцевъ, республиканцевъ и т. д., которыхъ не существуетъ, но которые могутъ снова взяться за работу, если будетъ продолжаться господство грубѣйшихъ правонарушеній..." Жалобы на Туринъ продолжаются въ теченіе ряда лѣтъ. Нѣсколькими мѣсяцами позднѣе приведеннаго письма Криспи пишетъ, что положеніе юга хуже, чѣмъ было въ моментъ объединенія. Смерть Кавура ни мало не сглаживаетъ этой распри. Въ 1862 г. одинъ изъ друзей Криспи, видный дѣятель юга, маркизъ Паллавичино, говоритъ въ письмѣ къ нему, зная, что найдетъ полное его сочувствіе: „Туринъ попрежнему хочетъ управлять Миланомъ, Болоньей, Флоренціей, Неаполемъ и Палермо при помощи узко-туринскихъ идей" (idee torinese).

Говоря двумя годами позднѣе (въ 1864 г.) объ условіяхъ завоеванія Венеціи, Криспи пишетъ: „Нельзя воевать, если не будетъ умиротворенъ югъ полуострова. Если, въ случаѣ движенія въ Венеціи, наши войска вынуждены будутъ покинуть Неаполь и Сицилію, то въ этихъ провинціяхъ, при существующемъ положеніи вещей, повторится то, чему миланцы дали горестный примѣръ при паденіи напалеоновской имперіи. Въ столицѣ итальянскаго королевства кричали тогда: да здравствуетъ Австрія! Въ Неаполѣ и Палермо, усталыхъ и недовольныхъ, мы услышимъ крики еще болѣе плачевные. Послѣдніе выборы меня укрѣпляютъ въ этомъ убѣжденіи". Совершенно параллельна вражда къ Франціи. „Туринское правительство есть французская префектура. Здѣсь ничего не дѣлаютъ, что не было бы приказано изъ Парижа",—читаемъ въ письмѣ Криспи 1862 г. Или вотъ отрывки изъ рѣчи Гарибальди, на смотру національной гвардіи въ Палермо, въ томъ же году. „*Крики*: Въ Римъ! въ Римъ! въ Венецію! *Гарибальди*: Да... въ Римъ!.. въ Венецію!.. Мы должны освободить порабощенныхъ нашихъ братьевъ... Но, чтобы достигнуть этого, нужны дѣйствія, дѣйствія, а не слова; дѣйствіями, а не словами мы заставимъ Бонапарта уйти изъ нашего Рима... Онъ находится тамъ, будто бы, для защиты интересовъ Италіи и интересовъ Христовой вѣры, которую представляетъ папа... Ложь! Ложь! Человѣкъ 2 декабря остается тамъ ради своихъ жалкихъ интересовъ, ради жажды власти... Запачканный кровью парижскаго населенія, онъ остается тамъ, потому что онъ тиранъ, потому что у него одна забота съ папою-королемъ—гибель Италіи... Дѣйствія, а не слова, дѣйствія, а не пустые протесты; разъ Бонапартъ въ Римѣ, надо говорить языкомъ..., которымъ вы говорили съ бурбонами въ 1848 и 1860 гг.!".

Неудача двухъ попытокъ партіи „дѣйствія" во

главѣ съ Гарибальди завоевать Римъ, Аспромонте 1862 г. и Ментана 1867 г., еще подогрѣваютъ эти чувства вражды къ Франціи. Рѣчь Гарибальди, которую я приводилъ, произнесенная наканунѣ того вторженія въ папскую область, которое завершилось арестомъ оратора при Аспромонте, была, конечно, импровизаціей, въ которой, быть можетъ, не каждое слово взвѣшивается. Наполеонъ III въ Римѣ, „потому что онъ тиранъ“, есть аргументъ, годный только на площади. Но у насъ есть болѣе обдуманное и болѣе зрѣлое выраженіе тѣхъ же чувствъ. Это цѣлый обвинительный актъ итальянскаго радикализма противъ Наполеона, подписанный Криспи и рядомъ вождей тогдашней итальянской „лѣвой“, отъ имени „итальянскаго освободительнаго союза“, въ началѣ похода Гарибальди на Римъ 1862 г., и конфискованный правительствомъ преемника Кавура Раттацци. Ссылаясь на призывъ короля Виктора Эммануила отказаться отъ насильственныхъ попытокъ противъ Рима, только что передъ тѣмъ изданный, итальянская „лѣвая“ разсуждаетъ такъ. „Франко-сардинская война 1859 г. освободила отъ австрійской власти значительную часть Ломбардіи, нѣсколько болѣе двухъ милліоновъ жителей. Императоръ французовъ получилъ ее отъ Австріи и пожаловалъ ее сардинскому королю, который, вслѣдствіе того, подписалъ цюрихскій миръ, уплатилъ Франціи 60 милліоновъ и уступилъ графство Ниццкое, итальянскую землю, и Савойю. Союзникъ былъ, слѣдовательно, широко удовлетворенъ тѣмъ, кому онъ помогъ. Дѣло было покончено (La partita è chiusa). Италія ему ничего не должна, и тѣмъ менѣе тѣ юноши, которые, по словамъ туринскаго призыва, нарушаютъ благодарность лучшему нашему союзнику, превозглашая войну во имя Рима. И еще менѣе ему должна Италія, если за Наполеономъ видѣть имперію или Францію:

если подумать о Франціи, то война 59 года была лишь небольшимъ актомъ искупленія за несмываемыя несчастія, которыя Италія испытала отъ Карла Великаго, Карла Анжу, Карла VIII, Людовика XII, Франциска I, Людовика XIV, отъ директоріи въ Кампоформіо, отъ республики при походѣ въ Римъ; если думать объ имперіи, то сто тысячъ итальянцевъ, павшихъ, сражаясь за Наполеона I, стоятъ, конечно, двадцати тысячъ французовъ, павшихъ при Маджента и Сольферино...“

Счеты, значитъ, давно покончены, а между тѣмъ Наполеонъ III по прежнему останавливаетъ итальянцевъ на порогѣ Рима. Ментана даетъ поводъ къ новому взрыву ненависти. „Спасемъ страну,—пишетъ Криспи въ 1867 г.,—отъ болѣзни, которая надъ ней тяготѣетъ; докажемъ, что, если правительство принимаетъ господство Франціи, народъ его ненавидитъ и съ нимъ борется; покончимъ съ этимъ благодѣтелемъ, который, послѣ того какъ ему заплатили двумя провинціями и деньгами, продолжаетъ ублажать себя, ежедневно нанося оскорбленія и напоминая о своей услугѣ. Италія не можетъ оставаться подъ тяжестью, которая ее давитъ и, если она отъ нея не отдѣлается, она задохнется...“

3.

Гдѣ было искать выхода изъ этихъ острыхъ противорѣчій, какъ могли разрѣшиться запасы взаимной злобы и ненависти, созданные сложнымъ процесомъ итальянскаго объединенія? Надо отдать справедливость итальянцамъ. Какъ ни велика была вражда сѣвера и юга, какъ ни остръ конфликтъ „туринскихъ идей“ и проповѣди „лѣвой“, выходъ былъ найденъ, и найденъ подъ знаменемъ идей болѣе крупныхъ, нежели тѣ, которыя питали каждодневныя домашнія распри итальянскихъ

янскихъ государственныхъ людей 60-хъ и 70-хъ годовъ. Спасшимъ страну знаменемъ было знамя монархическаго и конституціоннаго единства.

Революціонная диктатура Гарибальди въ Сициліи была провозглашена именемъ „Italia e Vittorio Emmanuele“. Казалось, въ странѣ, много вѣковъ жившей маленькими государственными образованіями, безъ столицы, съ рядомъ мѣстныхъ центровъ, съ борьбой провинцій даже внутри этихъ маленькихъ политическихъ образованій (въ перепискѣ Криспи есть, между прочимъ, любопытныя свидѣтельства центро-стремительныхъ теченій въ Палермо противъ Неаполя), вражда „къ Турину“ должна была породить мѣстный сепаратизмъ, питать такія явленія, какъ хотя бы уже упоминавшійся выше „мюраттизмъ“ въ Неаполѣ и т. д. А между тѣмъ, формула „Italia e Vittorio Emmanuele“ осталась жива и неприкосновенна.

Криспи, сдѣлавшійся въ 60-хъ годахъ душою итальянской „лѣвой“, мы видѣли, страстно переживалъ итальянскія распри. Тѣмъ не менѣе вся переписка его за эти годы борьбы дышитъ сознательной и строгой дисциплиной формулы Гарибальди. Разбитыя надежды не приводятъ палермскаго революціонера къ сепаратизму, къ исканію точки опоры въ неостывшихъ чувствахъ мѣстнаго итальянскаго патріотизма; онъ быстро отмежевывается и отъ крѣпкихъ еще у многихъ традицій революціонной эмиграціи, которая долго жила мыслью о единой итальянской демократической республикѣ.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей еще временъ общей ихъ эмиграціи—Криспи, въ маѣ 1861 г., т.-е. непосредственно вслѣдъ за тяжелымъ для него испытаніемъ, пережитымъ при объединеніи Неаполя, излагаетъ ему свою политическую программу. „Упрямый Кавуръ,—пишетъ онъ,—все еще держится и продол-

жаетъ свою политику. Несмотря на это, и каковъ бы ни былъ образъ дѣйствія главы сардинскаго кабинета, надо предупредить всякіе безпорядки, помѣшать имъ и въ средѣ нашего народа. Кавуръ, вынужденный своей политикою отказаться отъ завоеванія Венеціи и отъ возвращенія Рима, осужденъ на паденіе. Это вопросъ времени. Отсюда вытекаетъ для насъ небходимость держаться законности, не участвовать ни въ какихъ заговорахъ, запретить народу всякія движенія, всякія выходки... У насъ есть законныя средства бороться съ правительствомъ: трибуна, печать, петиціи; этими средствами мы можемъ сдѣлать многое. Всякіе безпорядки могутъ имѣть только плачевный исходъ. Они могутъ поставить въ опасность нашу свободу и, что еще хуже, единство новаго итальянскаго государства.. Поэтому спокойствіе и величайшая осторожность: вотъ мой совѣтъ". Годомъ позднѣе Криспи повторяетъ тѣ же мысли, на этотъ разъ въ письмѣ къ Маццини, отвѣчая на его упреки, что дѣятельность итальянской лѣвой ограничивается „партизанской войной". „Будучи создателями неаполитанскаго плебисцита и принявъ его за основаніе нашего государственнаго права, мы идемъ по дорогѣ, которую намъ указываетъ наша лойяльность. Мы стремимся къ народному объединенію съ королемъ во главѣ, дабы заставить короля стремиться къ нему вмѣстѣ съ нами и искать достиженія той цѣли, которую мы ему поставили... Поэтому мы должны быть вѣрными исполнителями статута (итальянская конституція), подчиненія коему должны требовать отъ всѣхъ и даже отъ нашихъ враговъ. Если монархія измѣнитъ единству и нарушитъ статутъ, тѣмъ хуже для нея..."

Борьба за статутъ, монархію и единство королевства не ограничилась у Криспи, конечно, этими частными письмами къ друзьямъ изъ болѣе лѣваго лагеря. Въ 1865 г, онъ издалъ составившую въ то время цѣлое

событіе брошюру „Republica o Monarchia?“, въ формѣ открытаго письма къ Маццини, въ которомъ рѣзко и категорически заявлялъ о необходимости окончательно и безповоротно принять монархію. Многіе изъ тѣхъ, кто считали Криспи своимъ, поспѣшили объявить его ренегатомъ и честолюбцемъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть итальянскаго населенія, выразителемъ настроенія которой былъ Криспи, слѣдовала за нимъ въ его полемикѣ съ Маццини. Выборъ между монархіей и республикой былъ окончательно сдѣланъ въ пользу первой. Положеніе итальянской „лѣвой“ ни мало не оказалось поколебленнымъ „измѣною“ Криспи. Напротивъ того, съ каждымъ годомъ слѣдующаго десятилѣтія сила и вліяніе этой лѣвой и сила и вліяніе Криспи росли. Въ 1876 г. „правая“ итальянскаго парламента была окончательно разгромлена, и офиціальный глава „лѣвой“ Депретисъ сдѣлался первымъ министромъ. То теченіе итальянской политической мысли, которое представлялъ Криспи, восторжествовало и восторжествовало, конечно, потому, что программа, въ которой видѣли „ренегатство“ Криспи, исходила изъ здравой политической мысли и питалась здравымъ чувствомъ политической дисциплины и политической отвѣтственности.

Лучшее доказательство, что люди толка Криспи, пройдя путь отъ революціи къ власти, не растратили по дорогѣ того, что составляло ихъ программу и смыслъ ихъ дѣятельности, даетъ исторія итальянской внѣшней политики. Если „идеи Турина“, идеи Кавура и его преемниковъ, существенно отличались отъ идей „партіи дѣйствія“, то больше всего именно въ области внѣшней политики. Конфликтъ итальянскихъ юга и сѣвера былъ, конечно, конфликтомъ и внутреннимъ; но, какъ внутренній конфликтъ, это скорѣе борьба политическихъ группъ, нежели борьба политическихъ программъ. На-

противъ того, въ области политики внѣшней на лицо, несомнѣнно, рѣзкое противорѣчіе программъ. И надо сказать, что свою программу итальянская „лѣвая“, оказавшись у власти, осуществила. Наблюдая современныя событія, мы часто склонны отрицать, что внѣшняя политика государствъ способна теперь мѣняться подъ вліяніемъ торжества въ нихъ той или иной партіи. Такъ, несомнѣнно, бываетъ, когда политическое равновѣсіе установлено крѣпко и когда перемѣна людей въ той или другой странѣ оказывается безсильной передвинуть большіе рычаги міровой политической системы. Не то въ эпохи переходныя, когда равновѣсіе только создается. Тогда вліять на международный порядокъ легче. Въ такую именно минуту достигли власти новые люди въ Италіи, и они оказались въ состояніи дать совершенно новое направленіе внѣшней политикѣ своей страны и существенно видоизмѣнить основы общей европейской системы.

Мы знаемъ, въ чемъ заключалась программа внѣшней политики итальянской „лѣвой“ въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за объединеніемъ страны въ 1860 г. Она имѣла, прежде всего и главнымъ образомъ, отрицательное содержаніе, отказъ отъ тѣсныхъ отношеній къ Франціи. Услуга Наполеона III съ лихвой оплачена, и дальнѣйшая связь представляетъ лишь вредное и унизительное рабство,—таковы основы дипломатической программы „лѣвыхъ“. Но уже въ 60-хъ годахъ начинаетъ намѣчаться, быть можетъ, сначала и не такъ опредѣленно, тезисъ положительный. Этотъ тезисъ подсказывается событіями. Завоеваніе Венеціи въ 1866 г. совершилось, несомнѣнно, съ благосклоннаго содѣйствія Франціи, которая, если прямо и не поощряла союза итальянскаго королевства съ Пруссіей противъ Австріи, то все же обезпечила его возможность своимъ благожелательнымъ къ Италіи

нейтралитетомъ. [1]) Однако захватъ Венеціи совершился, главнымъ образомъ и прежде всего, съ помощью Пруссіи, и этотъ фактъ не могъ не оставить глубокаго слѣда. Наполеонъ III и здѣсь, благодаря непримѣримымъ внутреннимъ противорѣчіямъ своей внѣшней политики, подсказалъ, самъ того не сознавая, конъюнктуру, которая потомъ оказалась весьма вредной для Франціи. Правда, итальянское правительство и послѣ 1866 г. осталось вѣрно Франціи: біографъ Криспи свидѣтельствуетъ, напримѣръ, о характерномъ въ этомъ отношеніи фактѣ, что, когда въ 1867 г. въ первый разъ зашла рѣчь о министерскомъ портфелѣ для Криспи, онъ не могъ его принять изъ-за связей Италіи съ Франціей [2]). Но несомнѣнно, что въ сознаніи оппозиціонныхъ партій послѣ занятія Венеціи начинаетъ складываться убѣжденіе, что именно въ Пруссіи надо искать противовѣса столь ненавистной для нихъ Франціи. Надежды возлагаются ими отнынѣ на Бисмарка. Въ перепискѣ Криспи имѣется интересное

---

[1]) Вышедшій въ 1913 г. VI томъ интереснѣйшаго сборника дипломатической переписки съ Франціей передъ войной 1870—1871 гг., который подъ названіемъ „Les origines diplomatiques de la guerre de 1870—71“ издается французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, содержитъ чрезвычайно цѣнныя указанія относительно роли Франціи въ дѣлѣ возникновенія союза между Италіей и Пруссіей. Впрочемъ, этотъ важный эпизодъ въ исторіи европейской международной политики былъ и до того хорошо извѣстенъ изъ Зибеля, „Мыслей и воспоминаній“ Бисмарка, Олливье, Ла-Мармора и др.

[2]) *Паламенги-Криспи* пишетъ: „Лѣвая не могла тогда принять участіе въ правительствѣ, частью вслѣдствіе вліянія внѣшней политики (читай: Наполеона III) на политику внутреннюю, частью вслѣдствіе мѣстныхъ и династическихъ традицій, частью вслѣдствіе крѣпкихъ предубѣжденій противъ демократическихъ корней лучшихъ представителей этой партіи“. Carteggi politici, стр. 241.

письмо, относящееся къ 1867 г., которое подписано будущимъ итальянскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ при заключеніи Тройственнаго Союза, Манчини, и въ которомъ послѣдній дѣлится съ Криспи, товарищемъ по партіи и стариннымъ другомъ, своими взглядами на стоявшій тогда на очереди вопросъ о возвращеніи войскъ Наполеона III въ Римъ послѣ Ментаны. „Я имѣю основаніе думать“,—пишетъ Манчини, „что, если Франція еще разъ придетъ въ Римъ, не вызвавъ тѣмъ военнаго столкновенія съ итальянскимъ королевствомъ, то Пруссія останется спокойною; но если случится, что Франція встрѣтитъ нашихъ солдатъ и будетъ съ нами сражаться и проникнетъ на нашу территорію, то Бисмаркъ введетъ въ нашу пользу въ борьбу Пруссію со всѣмъ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ...“ Надо ли подчеркивать, сколько вѣры въ спасительность прусскаго союза вложено въ эти строки?

4.

Первое „лѣвое“ итальянское министерство, во главѣ котораго сталъ Депретисъ, образовано было, какъ уже упомянуто, въ 1876 г. Криспи, одновременно выбранный предсѣдателемъ палаты депутатовъ, въ это министерство первоначально не входилъ. Онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ въ концѣ 1877 г., но пробылъ имъ не долго—до марта 1878 г., когда вынужденъ былъ уйти вслѣдствіе начатой противъ него кампаніи, предлогомъ которой было обвиненіе его въ двоеженствѣ. Поднятый вокругъ этого дѣла шумъ вывелъ его политически изъ строя на нѣсколько лѣтъ, такъ что, когда его партія послѣ перерыва 1878 — 1881 гг., падающаго на управленіе Кайроли, снова, во главѣ съ Депретисомъ, оказалась у власти, онъ продолжалъ оставаться простымъ депутатомъ. Въ 1887 г. онъ вошелъ въ министерство Депретиса въ качествѣ министра

внутреннихъ дѣлъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ со смертью послѣдняго сдѣлался первымъ министромъ. Время возникновенія Тройственнаго Союза такимъ образомъ падаетъ на годы, когда Криспи официально былъ не у дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, продолжая слѣдить за его жизненной карьерой, мы можемъ наблюдать, какъ этотъ союзъ былъ созданъ. Съ одной стороны, дѣло было сдѣлано людьми его политической партіи и, какъ одинъ изъ признанныхъ вождей ея, онъ принималъ дѣятельное участіе въ томъ движеніи, которое привело Италію въ составъ Тройственнаго Союза. Съ другой стороны, онъ принялъ непосредственное участіе въ тѣхъ переговорахъ Италіи съ Бисмаркомъ, которые въ концѣ-концовъ привели къ союзу: въ самомъ началѣ перваго управленія Депретиса въ 1877 г. Криспи, тогда предсѣдатель палаты депутатовъ, былъ отправленъ въ Берлинъ для довѣрительной подготовки союза. Въ лицѣ Криспи мы можемъ поэтому наглядно прослѣдить, какъ итальянская „лѣвая“, ставъ у власти, осуществила свой прежній замыселъ полнаго и радикальнаго измѣненія основъ внѣшней политики Италіи.

Возложенная на Криспи въ 1877 г. миссія представляетъ большой интересъ не только потому, что въ ней лежитъ первый приступъ къ переговорамъ объ участіи въ Тройственномъ Союзѣ, но еще и потому, что со свойственной Криспи легкостью краснорѣчія онъ весьма подробно изложилъ мотивы первой итальянской попытки окончательно сблизиться съ Германіей. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не отнестись съ вниманіемъ къ этимъ мотивамъ. Программа Криспи оставалась вѣрна традиціи итальянской „лѣвой“. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ 60-хъ годахъ были заложены основы новой программы внѣшней политики Италіи, произошли событія, которыя, казалось, должны были оказать на нее большое вліяніе: Римъ, который охранялся противъ

Италіи Наполеономъ III, былъ занятъ итальянскими войсками, а за двѣ недѣли до того въ Парижѣ была провозглашена республика. Если основная мысль прежней программы сохранялась, то во всякомъ случаѣ приходилось пересмотрѣть старую аргументацію.

Порученіе, данное Криспи, было изложено такъ въ письмѣ къ нему Депретиса: „Германское правительство недавно запросило итальянское относительно болѣе тѣснаго сближенія двухъ государствъ, и итальянское министерство иностранныхъ дѣлъ, не колеблясь, выразило свое сочувствіе мысли о союзѣ для общей защиты. Въ настоящее время его величество, вполнѣ соглашаясь съ вышеизложеннымъ, чувствуетъ потребность болѣе тѣснымъ образомъ завязать дружественныя отношенія Италіи съ Германіей и желаетъ, чтобы ваше превосходительство сообщили его свѣтлости князю Бисмарку, насколько цѣлесообразно было бы достигнуть конкретнаго и полнаго соглашенія посредствомъ союзнаго договора, который, основанный на общихъ интересахъ, предвидѣлъ бы разныя возможности. Итальянскіе интересы могутъ быть нарушены не только побѣдою ультрамонтанской партіи“ (разумѣется, конечно, во Франціи; надо имѣть въ виду, что строки эти написаны въ то время, когда борьба между монархическими партіями и республиканцами во Франціи не была закончена), „но еще и увеличеніемъ Австріи путемъ присоединенія какихъ-либо оттоманскихъ провинцій, въ результатѣ восточной войны. Желательно, чтобы оба правительства согласились и относительно этого пункта...“

Внѣшнимъ предлогомъ для миссіи Криспи,—какъ видно, преслѣдовавшей задачи, идущія весьма далеко, ибо рѣчь шла о союзѣ одновременно противъ Франціи и противъ Австро-Венгріи,— былъ выбранъ вопросъ о положеніи итальянцевъ за границей съ точки зрѣнія международнаго частнаго права, и Криспи началъ свою

поѣздку съ Франціи. Вынесенныя имъ впечатлѣнія— или, вѣроятно, вѣрнѣе, придуманные имъ аргументы для оправданія мысли, съ которой онъ пріѣхалъ изъ Рима—являются интереснымъ введеніемъ къ переговорамъ съ Бисмаркомъ. Вотъ, что Криспи доносилъ королю Виктору Эммануилу изъ Парижа: „...въ исторіи этой страны (Франціи) непредвидимое составляетъ то чудовище, котораго мы должны опасаться, и такъ какъ нельзя быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ, осторожность побуждаетъ думать о безопасности нашихъ жилищъ. Франція переживаетъ кризисъ, исходъ котораго еще не ясенъ... Какая бы изъ двухъ партій ни побѣдила, она обязана будетъ своимъ торжествомъ войску и духовенству. Войско и духовенство... предъявятъ требованія, которыя придется удовлетворить. Каковы требованія духовенства, всѣ знаютъ; возвращеніе къ прошлому и, какъ первое къ тому условіе, возстановленіе свѣтской власти папы. Войско же пожелаетъ какой-нибудь побѣдой возстановить обаяніе, потерянное въ послѣдней войнѣ съ Германіей. Легко понять, что мѣсто, которое всего болѣе подходитъ реакціи и гдѣ она будетъ надѣяться одержать легкую побѣду, есть наша Италія... Нельзя не предвидѣть осуществленія указанныхъ мною гипотезъ. Горе, если измѣненіе французскаго правительства насъ не найдетъ готовыми защищать итальянскій тронъ и національную независимость...“

Въ этихъ словахъ заключалось то новое оправданіе, которое итальянцами толка Криспи давалось прежнимъ враждебнымъ къ Франціи чувствамъ. Занятіе Рима прошло даромъ для этихъ чувствъ. Франція и послѣ 20 сентября 1870 г. оставалась главнымъ врагомъ.

Изъ приведенныхъ выше напутственныхъ словъ Депретиса Криспи было видно однако, что, обновлен-

ная новыми доводами, но старая по существу, программа внѣшней политики итальянской „лѣвой“ включала мысль о борьбѣ не съ одной Франціей, но еще и съ Австріей; искали сближенія съ Германіей противъ обоихъ этихъ враговъ. Такое сочетаніе не свидѣтельствовало, конечно, о большомъ политическомъ чутьѣ и тонкомъ знаніи европейскихъ условій у Депретиса и Криспи, но оно было понятно. Программа лѣвыхъ была создана въ періодъ, когда Австрія представлялась еще наслѣдственнымъ врагомъ итальянской короны и мысль о сближеніи съ нею должна была казаться измѣной итальянскому дѣлу. Но этотъ пережитокъ стараго настроенія долженъ былъ исчезнуть при соприкосновеніи съ дѣйствительностью; пережила только ненависть къ Франціи.

Криспи записалъ въ своемъ дневникѣ два своихъ разговора съ Бисмаркомъ сначала въ Вильдбадѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ. Я приведу существенныя части. *Криспи*: „Въ Римѣ обезпокоены вѣроятностью войны въ случаѣ побѣды реакціонной партіи во Франціи на предстоящихъ выборахъ. А затѣмъ тамъ не чувствуютъ себя въ безопасности въ отношеніи Австріи, которая ведетъ себя далеко не дружелюбно... Мнѣ поручено освѣдомиться, расположены ли Вы заключить съ нами договоръ объ условномъ союзѣ на случай, если мы вынуждены будемъ воевать съ Франціей или съ Австріей“... *Бисмаркъ*: „...Вы знаете наши намѣренія. Если Италія подвергнется нападенію со стороны Франціи, то Германія будетъ солидарной съ вами и соединится противъ общаго врага. Относительно договора съ такою цѣлью мы можемъ согласиться. Надо надѣется однако, что война не станетъ необходимой и что можно будетъ сохранить миръ. Республика можетъ жить во Франціи, только будучи миролюбивой; если она не будетъ такой, то она подвергнется риску себя погубить.

По моему мнѣнію, война сдѣлается возможной только въ случаѣ возвращенія къ монархіи... Относительно Австріи положеніе совершенно иное. Я не предвижу случая, когда она станетъ намъ враждебной; и, говоря по правдѣ, я не хочу предвидѣть такой возможности...". *Криспи:* „Думаете ли вы, что Австрія будетъ всегда дружественна? Теперь она въ васъ нуждается, такъ какъ должна исправить бѣдствія, вызванные войной 1866 г., и вы одни можете ей обезпечить миръ, безъ котораго она не въ состояніи исправить своихъ финансовъ и переустроить армію. Но Австрія не можетъ отречься отъ своего прошлаго, не можетъ смотрѣть сочувственно на новаго императора Германіи...". *Бисмаркъ*: „Австрія слѣдуетъ теперь хорошей политикѣ, и я долженъ вѣрить, что она будетъ ее продолжать... Я надѣюсь, что отношенія вашего правительства съ Вѣной сдѣлаются дружественными и со временемъ даже тѣсными. Какъ бы то ни было, если вы будете воевать съ Австріей, вы съ нами не столкнетесь, но мы изъ-за этого не будемъ вести войны..."

Въ концѣ своего второго разговора съ Криспи Бисмаркъ, повторивъ, что готовъ заключить союзъ противъ Франціи, посовѣтовалъ ему повидать Андраши и постараться улучшить отношенія между Италіей и Австро-Венгріей. Криспи, готовый послѣдовать этому совѣту, поѣхалъ въ Вѣну, но Депретисъ телеграфировалъ ему, что считаетъ необходимой крайнюю сдержанность въ разговорѣ съ Андраши, и бесѣда съ нимъ Криспи ограничилась общими мѣстами.

Первый приступъ къ переговорамъ о союзѣ съ Германіей не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Вскорѣ послѣ миссіи Криспи палъ кабинетъ Депретиса, и у власти сталъ Кайроли, который не раздѣлялъ программы своего предшественника. Его трехлѣтнее управленіе представляетъ возвратъ къ офиціальнымъ тради-

ціямъ итальянскаго Risorgimento. Ломбардецъ, онъ враждебно относился къ Австріи, и его программа была окрашена даже нѣкоторымъ „ирредентизмомъ“; напротивъ того, съ Франціей онъ старался поддерживать наилучшія отношенія. Его паденіе оказалось вызваннымъ событіемъ, которое вернуло Италію на дорогу, намѣченную Депретисомъ и Криспи въ 1877 г.,— занятіемъ Туниса французскими войсками. Громадное впечатлѣніе, произведенное этимъ занятіемъ въ Италіи, хорошо извѣстно, и на немъ нѣтъ надобности останавливаться. Нѣсколько искусственные аргументы, которыми оправдывали итальянскіе государственные люди лѣваго лагеря свою вражду къ Франціи въ 70-хъ годахъ, смѣнились теперь доводомъ, который раздѣлялся всѣмъ итальянскимъ общественнымъ мнѣніемъ и который въ самомъ дѣлѣ былъ вѣскимъ. Рѣчь шла теперь не о гипотетическихъ попыткахъ возстановить во Франціи монархію, не о пресловутомъ „ультрамонтанствѣ“, а о существенномъ нарушеніи въ прямой ущербъ Италіи равновѣсія силъ на Средиземномъ морѣ. Не надо удивляться, что передъ этимъ новымъ фактомъ потускнѣли старинные счеты съ Австріей. Партія, взявшая въ свои руки руководство страной послѣ паденія Кайроли, безъ колебаній отказалась отъ борьбы на два фронта. Да впрочемъ мысль о столкновеніи съ Австріей едва ли была особенно сильна и въ эпоху перваго министерства Депретиса. „Лѣвая“ сохранила лишь свое традиціонное недоброжелательство къ Франціи и поспѣшила отвѣтить на занятіе Туниса союзнымъ договоромъ съ Бисмаркомъ.

Содержаніе заключенной въ 1882 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ кабинета Депретиса, Манчини, съ Германіей и Австро-Венгріей сдѣлки до сихъ поръ остается тайной. Вотъ, что сообщаетъ біографъ Криспи объ этомъ договорѣ: „Австрія и Германія были уже

связаны трактатомъ 7 октября 1879 г.... Присоединеніе Италіи на особыхъ условіяхъ, которыя представляютъ государственную тайну, было подписано 20 мая 1882 г.; извѣстно только, что вмѣсто уговора о взаимности нейтралитета, какъ того первоначально хотѣла Австрія, онъ содержитъ обезпеченіе территоріальной неприкосновенности трехъ державъ".

5.

Заключивъ союзъ, итальянцы нѣсколько лѣтъ въ сущности не знали, что съ нимъ дѣлать. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ въ 1890 г. Криспи такъ оцѣнивалъ исторію Тройственнаго Союза: „Это былъ первый шагъ, чтобы выйти изъ одиночества, уменьшить опасность войны. Общественное мнѣніе было имъ удовлетворено... Однако въ первые годы договоръ оставался безплоднымъ. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ не разсѣялись сомнѣнія, которыя вызывались прецедентами; итальянская политика въ ея цѣломъ, внутренняя и внѣшняя, не давала еще возможности достигнуть этого; наша искренность въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ казалась еще спорною. Такъ договоры оставались написанными на случай высшаго испытанія, но наша страна продолжала быть одинокою въ защитѣ своихъ собственныхъ интересовъ. Довѣріе родилось во второй періодъ союза и тогда оказалось полезнымъ..." Если перевести эту нѣсколько туманную характеристику на языкъ болѣе простыхъ историческихъ фактовъ, то дѣло сводилось къ слѣдующему. „Высшее испытаніе"—война съ Франціей, ради котораго Италія подписала обязательства 1882 г., не наступало и даже не угрожало Италіи; повидимому,—объ этомъ свидѣтельствуютъ итальянскіе историки,—Манчини, подписавшій договоръ противъ Франціи, ста-

рался всячески поддерживать съ нею хорошія отношенія, не безъ опаски относясь къ „высшему испытанію“. Ничего другого союзъ не давалъ. Между тѣмъ въ Италіи къ тому времени складывается совершенно опредѣленное стремленіе „найти свое мѣсто на солнцѣ“, по выраженію одного изъ преемниковъ Бисмарка, нарождается свой собственный „имперіализмъ“. А вмѣстить этотъ „имперіализмъ“ въ рамкахъ первоначальнаго тройственнаго союза не удавалось.

Откуда и какъ взялся этотъ новый факторъ итальянской политики, здѣсь изучать не мѣсто. Но и въ предѣлахъ переписки Криспи можно найти интересныя указанія. Итальянскій имперіализмъ не представляетъ ничего непонятнаго въ своемъ происхожденіи. Онъ выросъ изъ естественныхъ и здоровыхъ чувствъ патріотизма, и его развитіе было подсказано событіями. Среди бумагъ Криспи сохранилось относящееся къ 1864 г. прекрасное по мысли и по выраженію письмо тогдашняго предсѣдателя итальянской палаты депутатовъ Кассиниса, предшествующее полному объединенію Италіи. Оно служило отвѣтомъ на жалобы Криспи относительно тяжелаго положенія южныхъ провинцій королевства. „Я не думаю,—читаемъ мы въ немъ,—чтобы положеніе въ Сициліи было хуже или лучше, чѣмъ во всякой другой части Италіи. Усвоимъ себѣ, дорогой Криспи, въ первую голову эту истину: даже и въ несчастьѣ мы сдѣлаемъ большой шагъ впередъ, если будемъ объединенными и убѣдимъ себя, что, каковы бы ни были затрудненія, они общи, они равны для каждой провинціи; мы будемъ всѣ сильнѣе и объединеннѣе для того, чтобы встрѣтить бурю и спасти корабль. Знай, что, будучи умѣреннымъ, даже умѣреннѣйшимъ, я больше не смотрю ни на правыхъ, ни на лѣвыхъ, и только молю, плачу и взываю, чтобы всѣ мы, и со всѣмъ тѣмъ, что у насъ есть, сердцемъ

и умомъ взялись за то, чтобы создать Италію и вернуть эту древнюю владычицу міра на прежнее мѣсто, сдѣлать ее, если не повелительницей, то по крайней мѣрѣ сестрою и прекрасной сестрою великихъ народовъ свѣта...". Развѣ эти стремленія занять, покончивъ внутреннія распри и дѣло внутренняго объединенія, равноправное мѣсто среди великихъ народовъ не представляютъ здороваго итога усилій великаго народа завоевать свою свободу? Понятно, что они не могли умереть. Нельзя было ожидать, конечно, чтобы они сразу нашли себѣ успѣшное и умѣлое выраженіе. Школа великодержавной политики отсутствовала, и планы новой дипломатіи приходилось импровизировать.

Столь же естественно было, что ближайшее направленіе первоначальныхъ усилій подсказывалось событіями. Двѣ основныхъ задачи выдвинуты были этими событіями: равновѣсіе на Средиземномъ морѣ и тѣсно связанное и переплетающееся съ нимъ равновѣсіе на Адріатикѣ.

Обѣ эти задачи ясно складываются въ Италіи, главнымъ образомъ, въ концѣ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ и складываются путемъ довольно печальнаго для страны опыта. Мы видѣли выше, что Криспи въ разговорѣ съ Бисмаркомъ во время своей миссіи 1877 г. долженъ былъ затронуть вопросъ о занятіи Австріей Босніи и Герцеговины. Я приводилъ уже выдержки изъ этой бесѣды и приведу теперь часть, касающуюся этого вопроса, потому что она очень важна для исторіи ранняго итальянскаго имперіализма. „Мы итальянцы",—говорилъ Криспи своему собесѣднику, „не можемъ оставаться не заинтересованными, какъ вы, въ восточномъ вопросѣ [1]).

[1]) Отвѣтъ на слова Бисмарка: „Я долженъ сознаться, что въ восточномъ вопросѣ Германія не имѣетъ никакихъ интересовъ, и для насъ всякое рѣшеніе, которое не нарушитъ европейскаго мира, будетъ пріемлемо". Какъ извѣстно, таково было въ самомъ дѣлѣ отношеніе Бисмарка къ этому вопросу. Оно многократно и категорически имъ высказывалось.

Слухи, которые ходятъ, заставляютъ опасаться, что наши интересы потерпятъ ущербъ. Если великія державы согласятся воздержаться отъ всякаго рода завоеваній въ балканскихъ земляхъ, и территоріи, отнятыя у турокъ, будутъ оставлены мѣстнымъ народамъ, то намъ нечего будетъ возражать. Говорятъ однако, что Россія, для обезпеченія дружбы Австріи, предложила ей Боснію и Герцеговину. Италія не можетъ позволить, чтобы Австрія заняла эту территорію. Вы знаете, что въ 1866 г. Италія осталась безъ границы со стороны восточныхъ Альпъ. Если Австрія получитъ новыя провинціи, которыя усилятъ ее на Адріатикѣ, то наша страна будетъ окружена съ двухъ сторонъ и будетъ открыта для нападенія каждый разъ, какъ того пожелаетъ сосѣдняя имперія". Бисмаркъ отвѣтилъ Криспи отказомъ на просьбу помѣшать присоединенію Босніи и Герцеговины, но добавилъ въ утѣшеніе: „Впрочемъ, если Австрія возьметъ Боснію, Италія возьметъ Албанію или какую-нибудь другую турецкую землю на Адріатикѣ". Изъ этихъ объясненій ничего не вышло,—какъ, мы знаемъ, не вышло ничего изъ миссіи Криспи вообще. Министерство Кайроли заняло на берлинскомъ конгресѣ совершенно пассивное положеніе: Криспи горько жаловался впослѣдствіи, что Кайроли, котораго онъ просилъ, черезъ общаго друга, прочесть его переписку за время поѣздки 1877 г., не пожелалъ сдѣлать даже и этого. Какъ бы то ни было, вопросъ объ Адріатическомъ равновѣсіи былъ поставленъ, и передъ Италіей—еще въ туманѣ—стала вырисовываться Албанія.

Занятіе Туниса французами открыло вопросъ о равновѣсіи на Средиземномъ морѣ. На этотъ разъ впечатлѣніе отъ событій было громадно. Въ письмѣ Криспи, относящемуся къ 1882 г., оно выражено въ слѣдующихъ словахъ: „Если Австрія, собственница Босніи и

Герцеговины, проникнетъ въ Салоники, если Франція присоединитъ къ себѣ окончательно Тунисъ и займетъ Триполитанію, если Великобританія обезпечитъ за собой господство въ Египтѣ, то будетъ праздно скорбѣть о томъ, какъ непредусмотрительно и неразумно было допущеніе всего этого. Необходимо воспрепятствовать— и воспрепятствовать, если можно, политикой расчетливой и смѣлой,—тому, чтобы насъ окружили желѣзнымъ кольцомъ, чтобы захватили на Средиземномъ морѣ небо и море, на которыя мы имѣемъ право".

Всѣ эти, выдвинутыя событіями, новыя стремленія не находили себѣ никакого выраженія въ договорѣ Тройственнаго Союза, какъ онъ былъ заключенъ Манчини въ 1882 г. Руководители итальянской дипломатіи должны были понимать и понимали, что ни одинъ изъ основныхъ интересовъ Италіи, сознанныхъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, не обезпеченъ союзными связями съ Германіей и Австро-Венгріей. Италія вошла въ союзъ на тѣхъ условіяхъ, которыя ставили ей союзники; ее допустили потому, что она была полезна двумъ имперіямъ; она должна была довольствоваться гарантіей территоріальной неприкосновенности противъ Франціи и противъ Россіи, едва ли занятыхъ въ то время мыслью округлить свои владѣнія за счетъ итальянскаго королевства. Давнее недоброжелательство къ Франціи, досада на занятіе Туниса получали удовлетвореніе, но служить реальнымъ задачамъ итальянской политики союзъ 1882 г. не могъ.

Вся послѣдующая исторія итальянской дипломатіи заключается въ усиліяхъ извлечь изъ Тройственнаго Союза пользу для собственныхъ интересовъ страны. Союзъ превращается понемногу въ служебное средство для охраны этихъ интересовъ. Дипломаты королевства стремятся использовать его для своей политики Средиземнаго и Адріатическаго равновѣсія, и ихъ гибкій

умъ и изворотливость помогаютъ имъ постепенно достигнуть этой цѣли. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ наканунѣ возвращенія Криспи къ власти. Въ 1887 г. министръ иностранныхъ дѣлъ кабинета Депретиса Робилантъ, смѣнившій неудавшагося Манчини, возобновляя Тройственный Союзъ по истеченіи перваго его срока, добился того, что въ новый договоръ, подписанный 19 февраля 1887 г., была включена гарантія status quo на Средиземномъ морѣ и на Балканахъ. Одновременно состоялось—до сихъ поръ извѣстное лишь въ общихъ чертахъ—соглашеніе на туже тему съ Англіей, которое было облегчено посредничествомъ Бисмарка.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Криспи сдѣлался первымъ министромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Слѣдуя новому содержанію, данному акту Тройственнаго Союза, Криспи приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы вести ту „расчетливую и смѣлую политику“, о которой онъ мечталъ, критикуя Кайроли и Манчини.

Онъ былъ твердо увѣренъ въ великой пользѣ обновленнаго Тройственнаго Союза для Италіи. Въ одной изъ дипломатическихъ депешъ, имъ подписанныхъ, дана такая оцѣнка международнаго положенія Италіи: „Италія съ 1879 до 1881 г. постоянно подвергалась непріязненнымъ дѣйствіямъ французскаго правительства, ей угрожали австрійцы, ее низко ставили въ Берлинѣ. Въ 1880 г. 40-тысячное войско было готово вступить въ королевство, такъ какъ правительство терпѣло ирредентистскую агитацію. Французская пресса насъ осмѣивала, и французское правительство заняло Тунисъ. Памятны слова, сказанныя Бисмаркомъ въ 1879 г., что Италія не представляетъ серьезной военной державы и что нѣсколькихъ австрійскихъ полковъ достаточны, чтобы ее проучить. Кавалеръ Манчини просилъ, убѣждалъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, и только послѣ мно-

гихъ усилій добился принятія Италіи въ союзъ двухъ имперій. Теперь все перемѣнилось къ нашей выгодѣ, и я не позволю, чтобы Италія вернулась къ тому унизительному положенію, въ которомъ она находилась до 1881 г. вслѣдствіе своего одиночества".

6.

Переписка, которую мы изучаемъ, позволяетъ судить лишь о Криспи въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ за 1887—1890 гг. Она не касается ни второго министерства Криспи вообще, ни, въ частности, абиссинскаго похода, съ которымъ связанъ конецъ его политической карьеры. За тѣ годы, съ которыми мы знакомимся, не произошло событій, которыя дали бы Италіи возможность даже приступить къ исполненію новыхъ замысловъ: ихъ осуществленіе еще далеко впереди. Но, если мы не можемъ наблюдать результатовъ, то зато мы можемъ познакомиться съ методой, съ пріемами новой „великодержавной" дипломатіи Италіи. Правда, въ этихъ пріемахъ много индивидуальнаго для Криспи: нѣкоторая суетливость, резонерство, пожалуй, болтливость напоминаютъ отчасти навыки эмигранта 50-хъ годовъ. Тѣмъ не менѣе отличительныя особенности новой политики весьма ярки.

Прежде всего, дѣятельное стремленіе принять непосредственное участіе въ балканскихъ дѣлахъ. Криспи началъ свое управленіе поѣздкой къ Бисмарку. Это свиданіе, происходившее въ Фридрихсруэ въ сентябрѣ 1887 г. и произведшее въ свое время большое впечатлѣніе, составляетъ полную параллель свиданію 1877 г. Какъ и тогда, Криспи предлагалъ тѣснѣе связать Германію и Италію—на этотъ разъ рѣчь шла о заключеніи военной конвенціи—и говорилъ о восточныхъ дѣлахъ; какъ и тогда, Бисмаркъ весьма вяло и неохотно под-

держивалъ разговоръ на эту послѣднюю тему. Но какая разница между скромнымъ пожеланіемъ помѣшать занятію Босніи и Герцеговины 1877 г. и широкой программой балканской политики 1887 г. „Мы не можемъ считать себя не заинтересованными въ восточномъ вопросѣ,—говорилъ Криспи.—Мы не можемъ позволить, чтобы Россія взяла Константинополь. Россія въ Константинополѣ сдѣлается владычицей Средиземнаго моря; ей легко будетъ воспользоваться морями Греціи, которая, въ силу вѣроисповѣдныхъ связей, будетъ съ ней въ союзѣ... Нынѣшній безпорядокъ въ Турціи можетъ быть полезенъ Россіи, которая ждетъ, готовая нанести послѣдній ударъ Турціи. Это не отвѣчаетъ видамъ всѣхъ великихъ державъ, которыя не могутъ позволить Россіи захватить эту территорію. При такомъ положеніи дѣлъ намъ представляется выборъ: или соединиться, чтобы упорядочить турецкую администрацію и въ случаѣ надобности защищать Турцію, словомъ помѣшать ея паденію, или подготовлять основы для правительства или правительствъ, которыхъ надо поставить на мѣсто турокъ. Въ этомъ второмъ случаѣ я не усматривалъ бы ничего лучшаго, какъ, уважая автономію отдѣльныхъ земель, какъ Македонія, Албанія, старая Сербія, устроить ихъ такъ, какъ устроены Румынія, Болгарія и другія балканскія государства“. Эта программа, которую Криспи въ рѣчи, произнесенной въ Туринѣ по возвращеніи изъ Фридрихсруэ оправдывалъ ссылкой на то, что итальянскіе интересы будутъ лучше охранены путемъ содѣйствія развитію молодыхъ народовъ на Балканахъ, оставила Бисмарка довольно равнодушнымъ. Онъ опять посовѣтовалъ Криспи, какъ и въ 1877 г., сговориться съ Австріей.

Черезъ два года балканская программа Криспи еще расширилась. Пользуясь незначительнымъ затрудненіемъ въ русско-румынскихъ отношеніяхъ въ 1889 г., Криспи

выступилъ съ проектомъ балканскаго военнаго союза, который и сообщилъ Кальноки въ Вѣну. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, впрочемъ, отнесся къ нему безъ всякаго энтузіазма. Отмѣчу попутно, что въ связи именно съ планами активной политики на Балканахъ, Криспи придалъ итальянской политикѣ рѣзко враждебный въ отношеніи Россіи характеръ. Забывъ свою прежнюю ненависть къ „лживому и аристократическому“ Кавуру, онъ убѣждалъ Бисмарка въ Фридрихсруэ, что борьба съ Россіей составляетъ традицію итальянской политики послѣ 1854 г. и что Италія никогда отъ нея не отступитъ. Старинная вражда къ Франціи дополняется теперь весьма недоброжелательными чувствами къ Россіи; можно было бы привести множество примѣровъ этого настроенія: всякое выступленіе Криспи и всякая строка, имъ написанная, по дѣламъ Ближняго Востока, дышитъ имъ, и онъ вкладываетъ въ нихъ весь свой страстный темпераментъ и всю свою подвижность. Въ одномъ изъ полученныхъ имъ изъ Парижа донесеній, отражающихъ на себѣ, какъ всегда бываетъ съ донесеніями подчиненныхъ, настроеніе руководителя итальянской политики, дано курьезное описаніе возникшаго тогда сближенія между Франціей и Россіей, которое едва ли свидѣтельствуетъ о безпристрастіи и справедливости въ оцѣнкѣ совершившагося крупнаго событія. Рѣчь идетъ о министерствѣ Флуранса. „Оно слабо внутри, разсуждаетъ итальянскій дипломатъ, но показываетъ нѣкоторую энергію вовнѣ, противясь соблазнамъ Россіи. Давно уже Россія сѣетъ во Франціи и теперь видны уже плоды. Великіе князья и княгини пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ, ища симпатій въ большомъ обществѣ. Французскіе литераторы, болѣе или менѣе убѣжденные и, вѣроятно, хорошо оплаченные, переводятъ русскіе повѣсти и романы, полные грубыхъ и варварскихъ наивностей и странныхъ именъ, которыя

дѣлаютъ ихъ оригинальными. Журналисты называютъ Россію: „la Nation Soeur“. Такъ французскій народъ привыкаетъ смотрѣть на Россію, какъ на союзницу... Но правительство пока, повидимому, еще не побѣждено этимъ теченіемъ, можетъ быть, потому, что знаетъ, что будетъ покинуто, какъ только того пожелаютъ, и несмотря на то, что русскій посолъ, баронъ Моренгеймъ, не пропускаетъ случая ласкать республику...“.

Параллельно нѣсколько назойливымъ и довольно безплоднымъ усиліямъ проявить усиленную дѣятельность на Балканахъ, Криспи хлопочетъ и объ итальянскихъ интересахъ на Средиземномъ морѣ. Воспользовавшись слухомъ объ окончательномъ присоединеніи Туниса къ Франціи или, быть можетъ, самъ распустивъ этотъ слухъ, Криспи вступилъ въ 1890 г. въ переписку съ Солсбери о пріобрѣтеніи Италіей Триполитаніи. „Если перемѣна власти въ Тунисѣ, — писалъ онъ, — совершится безпрепятственно и безъ нашего вѣдома, то скоро наступитъ очередь Триполитаніи. Правительство республики стремится занять эту провинцію, какъ достаточно показываютъ постоянные захваты на границѣ... Такъ какъ Тунисъ нельзя возвратить самому себѣ и такъ какъ нельзя помѣшать протекторату превратиться въ одинъ прекрасный день въ суверенитетъ, то необходимо обезопасить себя отъ возможнаго захвата Триполитаніи Франціей, занявъ эту провинцію раньше ея. Если намъ будетъ принадлежать Триполитанія, то Бизерта не будетъ представлять опасности ни для Италіи, ни для Великобританіи...“. Выступленіе было, повидимому, неожиданнымъ для Солсбери, и Криспи получилъ въ отвѣтъ маленькій урокъ. Вотъ, что писалъ ему Солсбери: „Въ такихъ дѣлахъ, преждевременныя предосторожности представляютъ большую опасность. Если Италія заняла бы Триполитанію во время мира, безъ того, чтобы Франція предприняла

какое-либо наступательное дѣйствіе, то ее можно было бы справедливо упрекнуть въ томъ, что она открываетъ восточный вопросъ въ условіяхъ весьма неблагопріятныхъ... Если я смѣю дать совѣтъ Вашему Превосходительству, то я буду Васъ усиленно просить дѣйствовать съ большой осторожностью и большимъ терпѣніемъ въ настоящемъ дѣлѣ и избѣгать, пока планы Франціи не выяснятся окончательно, всякихъ дѣйствій, которыя насъ скомпрометируютъ передъ султаномъ...“ Несмотря на такое наставленіе, Криспи продолжалъ переписку. Онъ писалъ Солсбери, что считаетъ полезнымъ своевременно о намѣреніяхъ Италіи въ Триполитаніи извѣстить „дружескія правительства“ и въ самомъ дѣлѣ снесся въ томъ же 1890 г. съ Берлиномъ и Вѣной. Союзники не рѣшились отвѣтить отказомъ, и такимъ образомъ „преждевременная предосторожность“ его, въ самомъ дѣлѣ, довольно суетливой, политики послужила первымъ этапомъ на пути къ занятію Триполитаніи и вмѣстѣ первымъ реальнымъ плодомъ того политическаго союза, въ созданіи котораго онъ принялъ столь дѣятельное участіе. И въ этомъ лежитъ оправданіе программы Криспи: онъ сумѣлъ превратить политику, носившую первоначально чисто отрицательное содержаніе, политику тѣмъ самымъ безплодную, въ политику положительную и творческую. Ему не суждено было дожить до той минуты, когда, черезъ Тройственный Союзъ, Италія дошла до Триполи и Албаніи, но онъ, конечно, участвовалъ въ этихъ политическихъ завоеваніяхъ.

IV.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I

и

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

[1]). Д. Ѳ. Кобеко и К. А. Губастова издали, почти безъ всякихъ пропусковъ, личную, а мѣстами и совершенно интимную, переписку Императора Николая съ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ за время послѣ вступленія на престолъ перваго и до кончины второго; братья обмѣнивались мыслями по всѣмъ важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ и по дѣламъ личнымъ и семейнымъ, и ихъ взгляды и чувства находятъ себѣ здѣсь подлинное выраженіе. Особенность отношеній между ними, связанная съ обстоятельствами вступленія на престолъ Императора Николая, способствовала серьезности переписки: младшій братъ, царствовавшій по волѣ старшаго, какъ бы отдавалъ ему отчетъ въ дѣлахъ управленія Россіей.

Вполнѣ естественно, что центральное мѣсто занимаетъ въ перепискѣ Царство Польское. Цесаревичъ Константинъ былъ настолько тѣсно связанъ съ царствомъ своимъ оффиціальнымъ положеніемъ и своимъ бракомъ, что, понятно, его ближе и больше всего занимаютъ дѣла края. Можно сказать, что его дѣятельность въ царствѣ была его главнымъ жизненнымъ дѣломъ. Все значеніе для него Ц. Польскаго особенно

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества Т.т CXXXI и CXXXII, 1910—1911.

Переписка Императора Николая Павловича съ Великимъ Княземъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. I. 1825—1829 II. 1830—1831.

ясно сказалось въ минуту крушенія этого дѣла. Письма брату изъ разныхъ бѣлорусскихъ городовъ, по которымъ ему, послѣ возстанія, пришлось, въ концѣ 1830 и началѣ 1831 г.г., странствовать, свидѣтельствуютъ о глубинѣ испытанія, которое онъ пережилъ. „Лучшее, что моя безполезная личность можетъ сдѣлать, это никому не мѣшать; поэтому я медленно тащу мою безполезность по большимъ дорогамъ“, пишетъ онъ изъ Борисова 25 мая (6 іюня) 1831 г.; „Сознаюсь... я не могъ бы никуда появиться безъ стыда за ту печальную роль, которую я вынужденъ играть послѣ 36 лѣтъ службы“, отвѣчаетъ онъ брату изъ Витебска 7/19 іюня 1831 г. на приглашеніе поселиться въ Петроградѣ.

Не удивительно при такихъ условіяхъ, что Царство Польское, прежде всего, интересуетъ Цесаревича и что переписка его съ братомъ какъ за годы мирнаго осуществленія въ царствѣ порядка, созданнаго хартіей 1815 г., такъ и за мѣсяцы борьбы во время возстанія даетъ крайне любопытное освѣщеніе русской политики въ Польшѣ того времени. Письма съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ, что не недостатокъ вниманія и интереса къ польскому народу можно найти у руководителей этой политики.—Довѣріе къ населенію и глубокая преданность его интересамъ постоянно одушевляютъ Цесаревича. Когда, послѣ декабрьскихъ событій 1825 г., разслѣдованіе заговора было распространено Императоромъ Николаемъ на Польшу, Цесаревичъ всячески доказывалъ неучастіе въ немъ поляковъ. Его аргументація интересна потому, что она покоится на какъ бы апріорномъ утвержденіи, что, если русскіе способны были принять участіе въ заговорѣ, то поляки—никоимъ образомъ. „У насъ, пишетъ Цесаревичъ, 7 января 1826 г. до нынѣшняго дня все совершенно спокойно, слава Богу, и я жду Его милости, что такъ и будетъ продолжаться. Позвольте, дорогой братъ, представить

Вамъ замѣчаніе относительно всѣхъ сдѣланныхъ Вами распоряженій: мнѣ кажется, что эти несчастные русскіе вели себя, какъ недостойные этого имени, и, не видя до сихъ поръ ни одного скомпрометированнаго поляка, стараются, за отсутствіемъ доказательствъ, бросить на нихъ подозрѣніе; мой долгъ представить вамъ это соображеніе, чтобы тѣ, на комъ лежало покровительство покойнаго Императора, не сдѣлались жертвами интриги, подозрѣній и сомнѣній..“. Черезъ годъ (письмо 14/26 января 1827 г.) Цесаревичъ возвращается къ тому же аргументу. Говоря о проектѣ участія польскихъ войскъ въ турецкой войнѣ, Цесаревичъ пишетъ опять: „Я льщу себя надеждой, что на полѣ чести они съумѣютъ заслужить Ваше уваженіе и Ваше одобреніе, и я въ томъ внутренне увѣренъ, и что тѣ, кто хочетъ и любитъ представлять ихъ тѣмъ, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ не являются, отдадутъ имъ справедливость. Мысль покойнаго Императора была сдѣлать ихъ своими венгерцами, и я питаю увѣренность, что они съумѣютъ оправдать это ожиданіе“. (Письмо 20 ноября 1827 г.). Тѣмъ-же настроеніемъ проникнуто множество другихъ писемъ, и, что особенно характерно, за время возстанія. Наканунѣ его, по полученіи извѣстія о парижской революціи, Цесаревичъ спѣшитъ сообщить: „У насъ все спокойно: войско и штатскіе смотрятъ недоброжелательно на парижскія событія и бросаютъ въ нихъ камнемъ, указывая на ихъ легкомысліе и непослѣдовательность“ (письмо 2/14 августа 1831 г.). Черезъ нѣсколько дней онъ прибавляетъ: „Относительно общественнаго настроенія этой страны я могу удостовѣрить, что оно въ настоящее время хорошо у большинства, за исключеніемъ неисправимыхъ, которые не въ большинствѣ; однако не надо вдаваться въ ошибку: несмотря на благосостояніе

края, старыя pacta conventa лежатъ въ сердцахъ, т. е. что, если монархъ нарушаетъ въ чемъ-нибудь конституцію, то всѣ свободны въ отношеніи къ нему отъ клятвы вѣрности и что конфедерація тѣмъ самымъ узаконена; однако я гарантирую, несмотря на это, что Вы можете расчитывать на армію и на большинство населенія"; въ постскриптумѣ онъ еще разъ повторяетъ: „поляки Вамъ докажутъ свою вѣрность" (письмо 12/24 и 13/24 августа 1830 г.). 21 сентября (3 октября) Цесаревичъ пишетъ: „Я болѣе чѣмъ когда либо доволенъ общимъ настроеніемъ войска, которое полно усердія и добросовѣстности; тоже скажу объ общественномъ настроеніи, которое хорошо"; 22 октября (3 ноября): „здѣсь все спокойно пока, и я льщу себя надеждой, что Господь Богъ сохранитъ намъ Свою милость"; 3/15 ноября: „въ остальномъ у насъ ничего новаго; все слава Богу спокойно, и я смѣю надѣяться, что, по милости Божіей, ничто не нарушитъ спокойствія". Черезъ двѣ недѣли началось возстаніе, и 27 ноября (9 декабря) Императоръ Николай писалъ Цесаревичу: „Да исполнится Воля Божія! Я получилъ Ваши донесенія 18-го и 19-го; послѣднее дошло до меня сутками ранѣе перваго. Мы сдѣлаемъ все, чтобы Васъ спасти, но я съ тѣхъ поръ ничего отъ Васъ не получалъ и не знаю направленія, которое вы выбрали. У меня нѣтъ никакихъ новостей изъ Варшавы. Путь, которымъ Вамъ пишу, мѣшаетъ мнѣ что-либо добавить. Да спасетъ Васъ Богъ своимъ покровомъ; почему Вы ничего не сказали о Вашемъ ангелѣ—женѣ и о Павлѣ [сынъ Цесаревича]? Мы дрожимъ за Васъ, но даже, если бы намъ суждено было всѣмъ погибнуть, мы Васъ спасемъ,—таково пожеланіе преданнаго Вамъ на жизнь и на смертъ Николая" (c'est le voeu de tout à Vous *pour la vie et la mort* Nicolas). Оптимизмъ Цесаревича не былъ результатомъ простого невѣдѣнія; его питало, прежде

всего, довѣріе къ полякамъ и несомнѣнная любовь къ царству. Это лучше всего доказывается чувствами, которыя Цесаревичъ сохранилъ къ полякамъ уже послѣ взрыва возстанія, когда онъ испытывалъ самъ глубокую горечь, вылившуюся въ словахъ одного изъ писемъ къ брату: „въ 51½ лѣтъ и послѣ 35½ лѣтъ службы я не думалъ кончить мою карьеру столь печальнымъ образомъ“ (письмо 1/13 декабря 1830 г.). И тѣмъ не менѣе Цесаревичъ остается вѣрнымъ своимъ прежнимъ симпатіямъ. Въ письмѣ 3/16 декабря, въ пути, поспѣшно покидая Варшаву во главѣ русскихъ войскъ, Цесаревичъ призываетъ брата выбрать изъ двухъ „шансовъ“, которые онъ имѣетъ,—„сила и великодушіе“ (la force et la grandeur d'ame), второе. „Что меня касается, пишетъ онъ 10/22 декабря, я буду всегда повторять, что умѣренность и великодушіе сдѣлаютъ больше, чѣмъ сила“.—„Я молю заранѣе о Вашемъ снисхожденіи къ тѣмъ, кто покушался на мою жизнь и вторгся въ мой домъ; никакого чувства мести, Господь видитъ, нѣтъ въ моемъ сердцѣ“, читаемъ мы въ письмѣ 13/25 декабря. Въ письмѣ 1/13 января 1831 г., поздравляя Императора Николая съ Новымъ Годомъ, онъ выражаетъ ему пожеланія славы въ борьбѣ; „но я не сдѣлаю этого, не дерзнувъ еще разъ поручить Вашему милосердію заблудшій народъ, котораго члены не всѣ виновны, а лишь тѣ, кто ихъ повелъ по пути преступленія и всякаго рода развращенности. Милосердіе для нихъ, дорогой и лучшій братъ, и снисхожденіе ко всѣмъ,—таково пожеланіе брата, который имѣлъ несчастье провести лучшее время жизни [съ ними] и который, руководствуясь чувствомъ повиновенія, создалъ войско, къ несчастью обратившее оружіе противъ родины“. „Снисхожденіе и милость къ заблудшимъ полякамъ, которые не могли или не считали возможнымъ противостоять потоку, приведшему ихъ къ нарушенію

присяги и преступленію", повторяетъ Цесаревичъ въ письмѣ 24 января (5 февраля).

Особенно интересно въ этомъ настроеніи Цесаревича его отношеніе къ польской арміи, имъ созданной. Во время возстанія онъ какъ бы гордится ея успѣхами. „Поляки, т. е. регулярные войска, дерутся и маневрируютъ великолѣпно, и пришлось бы трудно, если бы численность была равной", размышляетъ онъ въ письмѣ 14/26 февраля 1831 г. А вотъ отзывъ объ одномъ изъ вождей революціонной Польши, генералѣ Хлопицкомъ, отзывъ, который мало вяжется съ нашимъ представленіемъ о чувствахъ военнаго и національнаго достоинства: „До сихъ поръ генералъ Хлопицкій поступаетъ умѣренно и мудро, по свѣдѣніямъ, которыя до меня доходятъ, и охраняетъ порядокъ въ Варшавѣ. Боже! если бы этотъ человѣкъ могъ сдѣлаться вторымъ Монкомъ исторіи—какую прекрасную роль онъ бы съигралъ" (письмо 13/25 декабря 1830 г.).

Нельзя, читая письма Императора Николая, не придти къ заключенію, что и онъ до возстанія готовъ былъ неприкосновенно хранить основы правового порядка, созданнаго хартіей. Правда, ему видимо многое не было по вкусу въ этой политической формулѣ, но онъ сознавалъ себя связаннымъ разъ даннымъ словомъ и никогда не покушался на устои хартіи. Онъ былъ вполнѣ искрененъ—и безпристрастному историку было бы трудно оспаривать внутреннюю правдивость этой самооцѣнки,—когда писалъ Цесаревичу въ отвѣтъ на его призывы къ „великодушію": „Но что мнѣ оставалось бы дѣлать, если въ своемъ ослѣпленіи поляки продолжали бы пребывать въ своей измѣнѣ и въ своемъ безуміи? Если два народа и два трона должны погибнуть, могу ли я минуту колебаться? Вы сами не сдѣлали ли бы того же? Мое положеніе серьезно, моя отвѣтственность

грозна, но совѣсть ни въ чемъ меня не упрекаетъ въ отношеніи поляковъ, и, могу увѣрить, что она ни въ чемъ не будетъ меня мучить,—я исполняю въ отношеніи поляковъ до послѣдней возможности всѣ мои обязанности. Я не даромъ принесъ клятву и я ее не нарушилъ. Пусть упрекъ за ужасныя послѣдствія этихъ событій, если ихъ нельзя будетъ избѣжать, падаетъ цѣликомъ на тѣхъ, кто виновенъ! Аминь".

Единственный вопросъ, по которому расходились въ польскихъ дѣлахъ оба брата до начала возстанія, касался Литвы. Поводомъ къ разногласію служилъ Литовскій корпусъ, которымъ командовалъ Цесаревичъ. Этотъ корпусъ сохранилъ рядъ особенностей, сближавшихъ его съ польскими войсками, и составъ офицеровъ и генераловъ состоялъ въ значительной своей части изъ поляковъ. Императоръ Николай Павловичъ прилагалъ старанія къ тому, чтобы ослабить связь корпуса съ Польшей, совершенно ясно сознавая, что „Литва — русская провинція" и что „она не можетъ быть возвращена Польшѣ, потому что это было бы покушеніемъ на недѣлимость Имперіи". „Я не могу допустить", сообщаетъ онъ въ другомъ письмѣ къ Цесаревичу, „никакой возможности, пока живу, чтобы мысли о присоединеніи Литвы къ Польшѣ могли бы быть поощряемы" (письмо 24 Октября/5 Ноября 1827 г.). Онъ прибавляетъ, что считаетъ долгомъ это высказать, „рискуя найти въ немъ противоположное мнѣніе". И въ самомъ дѣлѣ всѣ попытки Императора Николая встрѣчали упорное сопротивленіе Цесаревича. „Вы говорите, дорогой братъ", отвѣчаетъ, напримѣръ, послѣдній на одно изъ предположеній брата (въ письмѣ 22 Іюля/3 Августа 1827 г.), „о наборѣ, который долженъ совершиться, и Вы меня спрашиваете, хочу ли я, чтобы Литовскій корпусъ былъ вновь укомплектованъ согласно старымъ обычаямъ польскихъ провинцій? Вы

знаете мое слѣпое повиновеніе волѣ покойнаго Императора, и я считалъ бы себя ея нарушителемъ, если бы я могъ хотѣть чего либо иного, чѣмъ было въ его время. Поэтому благоволите оставить это дѣло по прежнему". Общее отношеніе Цесаревича къ этому вопросу очень ярко характеризуется слѣдующей выдержкой изъ письма 30 Марта/11 Апрѣля 1827 г.: „Вопросъ Литвы—другое дѣло, о которомъ слишкомъ долго говорить въ письмѣ... Позвольте мнѣ высказать мои мысли въ памятной запискѣ, которую я Вамъ пошлю, какъ только она будетъ готова; но я позволю себѣ сказать здѣсь, что я былъ, есть и буду русскимъ, пока буду жить, сердцемъ и умомъ, но не однимъ изъ тѣхъ слѣпыхъ и тупыхъ русскихъ, которые убѣждены, что имъ все позволено, а другимъ ничего. Матушка наша Россія беретъ добровольно, наступя на горло [по русски въ подлинникѣ] — пословица, очень распространенная у насъ, но внушавшая мнѣ всегда отвращеніе...". Даже послѣ возстанія, когда Литовскій корпусъ былъ превращенъ въ „первый" и утратилъ свою обособленность, Цесаревичъ считалъ эту мѣру для себя обидной и горько на нее сѣтовалъ (письмо 21 Марта/2 Апрѣля 1831 г.).

Но собственно польскія дѣла предметомъ принципіальныхъ разногласій между братьями не были, и они оба стояли за исполненіе „воли покойнаго Императора". Гдѣ же источникъ крушенія этой политики? Переписка Императора Николая съ Цесаревичемъ сама по себѣ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, но въ ней много матеріаловъ, которые облегчатъ будущему историку разгадку неудачи политической формулы 1815 г. Достаточно сослаться, хотя бы, на чрезвычайно характерные для методы Цесаревича въ Польшѣ эпизоды его борьбы съ Любецкимъ, въ которыхъ Императору Николаю приходилось всячески сдерживать приступы

почти дѣтскаго своеволія и капризовъ брата, на множество свидѣтельствъ того, какъ глубоко ушелъ Цесаревичъ въ внутренніе счеты и распри самого польскаго общества, и т. д.

На-ряду съ интереснѣйшимъ матеріаломъ для исторіи польской политики, переписка въ высшей степени цѣнна и для дипломатической исторіи первыхъ лѣтъ царствованія Императора Николая. Императоръ Николай писалъ брату по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ внѣшней политики, а Цесаревичъ въ свою очередь сообщалъ ему свои оцѣнки происходившаго. Оба были, въ сущности говоря, представителями двухъ разныхъ политическихъ школъ. Цесаревичъ не шелъ за братомъ въ томъ, что послѣдній внесъ новаго въ русскую внѣшнюю политику сравнительно съ Императоромъ Александромъ I, и мало понималъ это новое. Непосредственно послѣ кончины Александра I Цесаревичъ счелъ „священнымъ долгомъ“ дать Императору Николаю свой „совѣтъ“ слѣдующаго содержанія: „...Ничего не измѣнять въ томъ, что сдѣлалъ нашъ дорогой, прекрасный и обожаемой покойникъ, какъ въ самыхъ большихъ, такъ и въ самыхъ малыхъ вещахъ“. Въ частности онъ призывалъ его: „Ничего не измѣнять въ политикѣ Нессельроде, который, зная просвѣщенные взгляды Императора, поставитъ Васъ въ курсъ всего, что онъ хотѣлъ и что поставило нашу страну на высоту своей славы... Однимъ словомъ примите за правило, что Вы лишь уполномоченный покойнаго благодѣтеля и что каждую минуту Вы должны быть готовы отдать ему отчетъ въ томъ, что Вы дѣлаете и будете дѣлать“ (письмо 8/20 Декабря 1825 г.). Императоръ Николай никогда не разрывалъ цѣликомъ съ системой, которую ему рекомендовалъ Цесаревичъ; въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ о ней: „принципы нашего покойнаго Ангела, которые мнѣ служатъ катехизисомъ“ (письмо 11/23 Іюня 1827 г.). Онъ вѣрилъ

въ начала созданнаго Александромъ I консервативнаго союза. Говоря въ одномъ изъ писемъ о проектѣ конгреса, выдвигавшемся Меттернихомъ, онъ пишетъ брату: „Это значитъ, что считаютъ существующіе договоры лишенными цѣны или забытыми. Я, напротивъ того, думаю, что, если случится несчастье, то тѣ, кто до сихъ поръ нападалъ на Священный Союзъ, вернутся къ нему, какъ къ камню спасенія“ (письмо 8/20 Января 1827 г.). Но въ тоже время Императоръ Николай рѣзко измѣнилъ политику Россіи на востокѣ, въ частности въ первую очередь въ греческихъ дѣлахъ. Этотъ переворотъ былъ непонятенъ и чуждъ Цесаревичу, и онъ не скрывалъ отъ брата своей оцѣнки совершавшагося. — Отмѣчу въ этомъ отношеніи, напримѣръ, письма, которыми братья обмѣнялись по поводу Наварина. Письмо Императора Николая дышетъ восторгомъ: „Итакъ предвидѣнное случилось; парламентеры были убиты, послѣдовало уничтоженіе флота, и оно доказало удивленной Европѣ, насколько наша рѣшимость покончить съ дѣломъ была серьезной, искренней и насколько искреннимъ и откровеннымъ былъ союзъ нашихъ трехъ дворовъ въ этомъ деликатномъ дѣлѣ. Единственный случай въ исторіи: три столь несхожихъ флага—соединенные и сражающіеся, какъ братья одного народа! (Chose unique dans l'histoire, les trois pavillons les plus hétéroclites réunis et combattant comme des frères d'une même nation!)“ (письмо 12/24 Ноября 1827 г.). Цесаревичу претилъ и союзъ трехъ „pavillons hétéroclites“, и самая цѣль Наварина. Онъ пишетъ 20 Ноября/1 Декабря 1827 г.: „Что касается Наваринской побѣды, то, признавая достоинства и храбрость нашего флота и поздравляя его изъ глубины моего сердца, я не могу не оплакивать мотивовъ и результатовъ и неисчислимыхъ послѣдствій этой морской побѣды: англичанинъ, какъ истинный Макіавель, съумѣлъ воспользо-

ваться положеніемъ русскаго и француза, которые во всякомъ случаѣ, поставленные въ состояніе необходимости, не могли не принять предложенія сражаться, не будучи обвинены въ нерѣшительности или трусости. Русскій попался по своей добросовѣстности, французъ—по своей наивности и одинъ англичанинъ ради своей выгоды...“.

V.

РОССІЯ, ПРУССІЯ и ПОЛЬША

(1861—1863).

Одно за другимъ проходятъ поколѣнія, мѣняется обстановка ихъ дѣятельности и средства достиженія цѣлей, мѣняются самыя цѣли. Но въ этой смѣнѣ людей и цѣлей долго—подчасъ многими столѣтіями—живутъ тѣ основныя заданія, въ рамкахъ которыхъ протекаетъ борьба этихъ людей ради этихъ цѣлей. Нигдѣ яснѣе не наблюдаешь постоянства заданій, какъ въ той большой борьбѣ государственныхъ силъ, которую мы называемъ внѣшней политикой. Есть какъ бы неизбѣжныя, „невольныя", связи и сочетанія данныхъ, въ которыхъ ставятся и достигаются задачи внѣшней борьбы: смѣняющіяся поколѣнія сталкиваются съ ними, какъ съ формами, въ которыя необходимо выльется или ихъ вражда, или ихъ миръ.

Судьбы польскаго вопроса ярко поясняютъ сказанное. „Отъ береговъ Тихаго Океана до сѣверныхъ морей", сказано въ воззваніи Великаго Князя къ полякамъ, „движутся русскія рати. Заря новой жизни занимается для васъ...". И въ самомъ дѣлѣ, связь національнаго возрожденія поляковъ и борьбы между Россіей и Германіей—не случайное, прихотью судебъ созданное, заданіе великой войны. Нѣтъ сомнѣнія, польскій вопросъ для Россіи формально есть русскій вопросъ и долженъ остаться такимъ, но по существу судьба поляковъ—впредь до объединенія польскаго народа—неразрывно связана съ условіями нашей внѣшней политики: „заря новой жизни" дѣйствительно должна была заняться надъ Польшей тогда, когда „двинулись русскія рати". Союзъ съ Германіей такъ-же естественно исключалъ

нынѣшнюю постановку польскаго вопроса, какъ естественно борьба съ ней создала эту постановку.

Что альтернатива: національное возрожденіе поляковъ и борьба Россіи съ Германіей, или союзъ Россіи съ Германіей и отрицаніе народнаго дѣла Польши—представляетъ необходимую форму, неибѣжное заданіе, въ которыхъ ставится польскій вопросъ, есть достаточно избитая политическая истина.

Я хочу помочь освѣщенію основного международнаго „заданія“ польскаго вопроса не на высотахъ такихъ отвлеченныхъ политическихъ схемъ, а въ низахъ подлинной дѣйствительности историческаго прошлаго и избираю для этого сравнительно короткій періодъ начала шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка, время послѣдней крупной международной борьбы вокругъ судебъ Польши въ рамкахъ указанной „формальной“ альтернативы.

I.

Зимой, въ годъ освобожденія крестьянъ, въ петроградскихъ гостинныхъ встрѣтились два крупнѣйшихъ за послѣднее столѣтіе дѣятелей современной Германіи и современной Польши—Бисмаркъ и Вѣлепольскій. Въ каждомъ изъ нихъ воплощалось будущее его народа. Г. ф. Бисмаркъ-Шенгаузенъ, какъ онъ тогда именовался, посланникъ при русскомъ дворѣ, былъ еще невѣдомымъ въ большой публикѣ прусскимъ дипломатомъ, о которомъ помнили въ берлинскихъ политическихъ кругахъ, какъ о „крайнемъ правомъ“ депутатѣ прусскаго ландтага революціоннаго времени, и котораго хорошо зналъ—но не всегда признавалъ — только маленькій европейскій дипломатическій мірокъ по его дѣятельности во Франкфуртѣ на Майнѣ. Вѣлепольскій былъ отставнымъ чиновникомъ русской администраціи Царства Польскаго, знатнымъ и богатымъ польскимъ шляхтичемъ, въ которомъ тогдашній намѣстникъ царства князь Ми-

хаилъ Горчаковъ нашелъ человѣка, могущаго помочь ему справиться съ начавшимся въ 1860 г. броженіемъ польскаго общества, и который скоро разсорился съ преемниками Горчакова. Имена обоихъ у себя дома, въ тѣхъ кругахъ, которые руководили народной жизнью, не пользовались никакимъ обаяніемъ: къ обоимъ тамъ относились съ рѣзкимъ недовѣріемъ, переходившимъ въ дѣятельную ненависть. И тѣмъ не менѣе, обоимъ суждено было, открыто борясь съ народной волной, ее одолѣть и создать содержаніе всей послѣдующей жизни ихъ народовъ. Только судьба была болѣе милостива къ первому, чѣмъ ко второму: дѣло Вѣлепольскаго не только не было кончено имъ самимъ, но онъ пережилъ его крушеніе, и должно было пройти два поколѣнія, прежде чѣмъ его программа стала опредѣлять событія.

Дѣловымъ образомъ Бисмаркъ и Вѣлепольскій не сталкивались. Изъ частыхъ свѣтскихъ встрѣчъ за зимній сезонъ 1861—1862 гг. они вынесли чувства взаимнаго уваженія и, какъ бы, общности своихъ жизненныхъ положеній. „Вы знаете по опыту“, писалъ нѣсколько лѣтъ позднѣе Вѣлепольскому Бисмаркъ, отвѣчая на письмо по поводу покушенія на жизнь Бисмарка,— „образъ жизни, который я веду, его разочарованія, его неблагодарности, его лишенія, недостаточность времени и силъ при единственномъ утѣшеніи въ сознаніи того, что я исполнилъ мой долгъ и послушался призванія, Богомъ даннаго. Вы чрезъ то прошли, и я увѣренъ въ Вашемъ сочувствіи“. Но это взаимное признаніе не мѣшало тому, что Бисмаркъ и Вѣлепольскій представляли въ Петроградѣ двѣ рѣзко враждебныхъ другъ другу политики и что, защищая дѣло своей жизни, каждый изъ нихъ неизбѣжно становился въ коренное противорѣчіе и неразрѣшимый конфликтъ съ другимъ. Ихъ встрѣча была символомъ вѣковой борьбы, исходъ которой долженъ былъ не только предрѣшить судьбы

польскаго вопроса на полстолѣтіе, но и могущественнымъ образомъ отразиться на внѣшней политикѣ и Пруссіи, и Россіи.

Я не хочу сказать, что борьбу двухъ рѣшеній польскаго вопроса въ 1861—1862 гг. можно было бы свести къ нѣкоему единоборству Бисмарка и Вѣлепольскаго. Ходъ и исходъ ея опредѣляло безконечное множество условій, связанныхъ и съ тогдашнимъ настроеніемъ русскихъ правящихъ круговъ, и съ событіями въ царствѣ, и съ общей международной обстановкой того времени. Встрѣча Бисмарка и Вѣлепольскаго—только выраженіе въ яркихъ и крупныхъ образахъ двухъ боровшихся программъ. Каждый изъ нихъ на томъ историческомъ перепутьи, на которомъ находились Россія и Польша, всей силой своего таланта и воли стремился вывести первую на свою дорогу.

Прусская программа по польскимъ дѣламъ начала шестидесятыхъ годовъ, какъ и всѣ другія стремленія тогдашней оффиціальной Пруссіи, слагалась подъ вліяніемъ того, что было пережито въ только-что ушедшіе въ прошлое революціонные годы. У пруссаковъ былъ свой собственный,—меньшій по размѣрамъ, но поставленный въ исторически очень похожихъ на русскія условіяхъ,—польскій вопросъ. Вѣнскій трактатъ, отмежевавшій Пруссіи Познань, подъ именемъ великаго княжества познаньскаго, торжественно провозглашалъ, что поляки, подданные Пруссіи, получатъ представительство и національныя учрежденія. Въ воззваніи къ населенію великаго княжества 15 мая 1815 г., изданномъ вслѣдъ за присоединеніемъ края, прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III не менѣе торжественно объявилъ, что присоединеніе совершается „безъ отрицанія національности“ населенія, что край получитъ „провинціальную конституцію“, что вѣра будетъ сохранена, что „польскій

языкъ, наравнѣ съ нѣмецкимъ, получитъ употребленіе въ государственныхъ дѣлахъ", что во главѣ края будетъ поставленъ намѣстникъ—мѣстный уроженецъ и что послѣдній будетъ передавать коронѣ всѣ „желанія и потребности" жителей. Въ рамкахъ этихъ обѣщаній, мирившихся съ сословно-представительнымъ строемъ до-конституціонной Пруссіи, Познань просуществовала до 1848 г.; во главѣ провинціи стояли разные люди, ведшіе разную политику: перваго „намѣстника" поляка Радзивилла замѣнилъ „оберъ-президентъ" ф. Флоттвелль. въ которомъ нѣмцы благословляютъ предшественника эры борьбы съ „полонизмомъ", послѣ ф. Флоттвелля, насаждавшаго въ Познани нѣмецкое землевладѣніе и проповѣдывавшаго необходимость полнаго сліянія края съ остальными прусскими землями, наступила эпоха колебаній, столь характерныхъ для Фридриха-Вильгельма IV, пока не пришла революціонная волна 48 года, сразу измѣнившая положеніе. Въ Познани началось возстаніе, съ которымъ сначала не рѣшались бороться, а вели переговоры, результатомъ коихъ было образованіе, подъ предсѣдательствомъ правительственнаго коммиссара, польскаго комитета для выработки „реорганизаціи" великаго княжества на національныхъ польскихъ основаніяхъ. Это настроеніе продолжалось, однако, не долго. Къ лѣту 48 года повстанческое движеніе было подавлено, а одновременно съ тѣмъ среди нѣмцевъ познаньской провинціи возникло рѣзкое движеніе противъ включенія ихъ въ будущую „реорганизацію", и королевскимъ указомъ была проведена разграничительная линія между польской и нѣмецкой половинами края. Съ созывомъ перваго ландтага, польскіе представители Познани въ самой рѣшительной формѣ поспѣшили отмежеваться отъ прусской конституціонной реформы, выставивъ требованіе о подчиненіи великаго княжества, на основаніяхъ вѣнскаго трактата и обѣ-

щаній короля Фридриха-Вильгельма III, особому „органическому уставу“. Но уже въ первомъ, революціонномъ по своему настроенію, прусскомъ парламентѣ польскіе автономисты встрѣтились съ самымъ рѣзкимъ отпоромъ. Тоже повторилось и въ франкфуртскомъ парламентѣ, гдѣ, несмотря на всѣ протесты польскихъ депутатовъ, ссылавшихся на особыя права великаго княжества познаньскаго, въ составъ новой Германіи включены были нѣмецкія части Познани, — притомъ вопреки тому факту, что въ старый германскій союзъ провинція Познань, какъ и обѣ Пруссіи, не входили. Конфликтъ пережилъ и гибель первой прусской конституціи, и гибель дѣла парламента Павловской Церкви. При выработкѣ дѣйствующей прусской конституціи на ландтагѣ 1849 г. польскіе представители возобновили свое требованіе о признаніи особыхъ правъ Познани въ составѣ монархіи. Это требованіе не нашло себѣ никакой поддержки, а затѣмъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ была отвергнута поддерживавшаяся даже правительствомъ, болѣе умѣренная формула, по которой не-нѣмецкое населеніе Пруссіи должно было получить равноправіе языка, свободу вѣры, преподаванія, внутренняго управленія и суда. Тексты 1815 г. — правда, достаточно темные — не остановили палатъ въ ихъ стремленіи обезпечить безусловное государственно-правовое единство Пруссіи и безусловное господство нѣмецкой стихіи. „Пруссія и ея конституція знаютъ только пруссаковъ, безъ различія ихъ происхожденія“, провозгласилъ ландтагъ устами докладчика комиссіи Келлера. Прусская конституція, какъ она вышла изъ ландтага 1849 г., не признаетъ ни великаго княжества познаньскаго, ни польской народности. Въ новомъ ландтагѣ 1850 г. польское коло отказалось принести присягу этой новой конституціи. Въ заявленіи его 5 февраля говорилось: „Принимая во вниманіе,

что конституція, которой предложено присягнуть, не обезпечиваетъ ни польской народности вообще, ни великому княжеству познаньскому, какъ таковому, принадлежащихъ имъ правъ; принимая во вниманіе, что присяга при такихъ условіяхъ со стороны пословъ в. княжества познаньскаго могла бы быть истолкована въ томъ смыслѣ, будто они отреклись отъ правъ и привилегій своего края и добровольно отдались подъ вѣдомство нѣмецкаго Союза, послы не могутъ принести этой присяги и слагаютъ свои полномочія".

Начавшись братаніемъ польскихъ и берлинскихъ революціонеровъ въ мартовскіе дни 48 года, событія годовъ прусской политической смуты привели къ объявленію поляками политической войны прусскому королевству. И что всего важнѣе:—въ этой войнѣ Познань выставила не только знамя трактатовъ 1815 г., но—открыто и рѣшительно—и знамя славянства. Въ разгаръ преній ландтага 1849 г. депутатъ ксендзъ Янишевскій сказалъ, обращаясь къ палатѣ: „Ваше государство готовитъ намъ гробъ. Наши симпатіи къ этому государству были бы самоубійствомъ", а другой депутатъ, Эразмъ Стаблевскій, открыто сдѣлалъ тотъ политическій выводъ, который отсюда вытекалъ. „Если вы... лишите поляковъ всякаго ихъ права", говорилъ онъ, „если растопчете ихъ народныя чувства, если вырвете надежду на улаженіе нашихъ отношеній съ Пруссіей на пути мира, тогда, господа, мы вспомнимъ, что мы не только поляки, но еще и славяне. Какъ славяне мы имѣемъ предъ собой будущее, какъ подданные Пруссіи—никакого. Тогда мы, поляки, пойдемъ съ славянщиной. Есть-ли намъ что терять? Ровно ничего. Сила вещей толкаетъ насъ въ руки деспотизма. Деспотизмъ этотъ не вѣченъ,—да и какую цѣну мы можемъ признать за свободой, во имя которой насъ угнетаютъ? Мы найдемъ признаніе и справедливость

у тѣхъ, кого вы называете варварами. Исторія знаетъ только одну логику: либо мы найдемъ у васъ справедливость, либо станемъ вашими врагами вмѣстѣ со всѣмъ славянствомъ".

Сложившаяся въ эпоху этой борьбы программа по польскимъ дѣламъ стоявшихъ у власти прусскихъ консерваторовъ могла быть только враждебна Польшѣ. Все, что мѣшало побѣдѣ пруссаковъ въ объявленной имъ поляками войнѣ, должно было находить самый рѣзкій отпоръ. И въ первую очередь—помыслы о славянскомъ единствѣ, о томъ примиреніи Польши съ русскимъ „деспотизмомъ", призракъ котораго призывалъ Эразмъ Стаблевскій въ прусскомъ ландтагѣ 1849 г.

Никто ярче не пережилъ въ Германіи испытанія революціонныхъ лѣтъ, чѣмъ Бисмаркъ. Страстность и сила германскаго національнаго чувства сочеталась въ немъ съ холоднымъ и трезвымъ презрѣніемъ ко всякой наднародной идеологіи; ему ничего не говорили традиціи европейскаго либерализма, привыкшаго неразрывно связывать дѣло свободы и народнаго возрожденія Европы съ возрожденіемъ Польши — традиціи, которыя были сильны даже въ тогдашней передовой Пруссіи, спокойно сочетаясь тамъ съ нежеланіемъ признать народныя права прусскихъ поляковъ; изъ польскаго опыта Пруссіи въ Познани онъ могъ вынести только яркое сознаніе непримиримости традицій европейскаго либерализма съ интересами Пруссіи и германизма. Всякая тѣнь польскихъ увлеченій въ его сознаніи вызывали столь претившіе ему образы мартовскихъ дней 48 года и оскорбляли въ немъ здравый политическій смыслъ пруссака и нѣмца. Въ одномъ изъ петроградскихъ его писемъ за осень 1861 г. можно прочесть слѣдующія, какъ-бы изъ желѣза выкованныя, слова: „Каждый успѣхъ польскаго народнаго движенія

есть пораженіе Пруссіи, и мы должны вести борьбу противъ этого элемента не по началамъ гражданской справедливости, а по правиламъ войны. Полонизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ долженъ оцѣниваться нами не гуманистически и безпартійно, а враждебно... Между нами и какой-либо попыткой возстановленія Польши не можетъ быть заключено мира..." (письмо Бернсторфу 13/25 ноября 1861 г.).

Между тѣмъ событія, какъ будто, готовили съ начала 1861 г. ту новую, болѣе широкую, постановку польскаго вопроса, которой такъ боялись Бисмаркъ и съ нимъ вся оффиціальная Пруссія. Вдохновителемъ этой попытки былъ Вѣлепольскій. Хорошо извѣстно, что принесъ съ собой Вѣлепольскій, когда былъ приглашенъ послѣ начавшихся въ царствѣ польскомъ смутъ намѣстникомъ царства принять участіе въ управленіи, въ качествѣ директора комиссіи просвѣщенія и исповѣданія, и наладить отношенія съ польскимъ обществомъ. Выдвинувшій кандидатуру Вѣлепольскаго, тогдашній главный прокуроръ варшавскаго сената, Энохъ, принесъ князю Михаилу Горчакову, какъ нѣкое удостовѣреніе личности Вѣлепольскаго, его брошюру 1846 г.: „Письмо польскаго дворянина князю Меттерниху". Эта брошюра—до сихъ поръ не превзойденное по силѣ, яркости и глубинѣ выраженіе программы русско-польскаго примиренія. „Готовится новая будущность", писалъ въ ней Вѣлепольскій, „надо на что нибудь рѣшиться. Вмѣсто безпорядочнаго похода на удачу, надобно избрать здравый и указываемый событіями образъ дѣйствій посредствомъ смѣлой рѣшимости, которая не обойдется, конечно, безъ боли сердечной. Вмѣсто того, чтобы изощряться вымаливаніемъ себѣ положенія на западѣ, мы можемъ, войдя въ себя, создать себѣ будущность въ противоположномъ концѣ и проложить себѣ дорогу сквозь нѣдра колоссальной державы. Ста-

новясь болѣе и болѣе неспособными совладать съ своей судьбой, какъ политическое цѣлое, государство, мы можемъ обрести новую, какъ люди того же племени... Въ сознаніи славянскаго единства должны погаснуть и ненависти наши...“. И далѣе: „Вслѣдствіе нашего (польскаго) содѣйствія силы Имперіи получили бы громадное приращеніе. Она бы внутренне окрѣпла, освободившись отъ лихорадки, причиняемой ей нашими сопротивленіями. Она обогатилась бы всѣми умственными и нравственными способностями нашего племени, которыхъ вліяніе тотчасъ бы обнаружилось. Кто знаетъ, можетъ быть, внутреннія страданія русскаго народа облегчились бы вслѣдствіе этой примѣси польскаго элемента, и наше общее славянство вышло бы лучше и богаче, чѣмъ каждая изъ отдѣльныхъ входящихъ народностей. Наконецъ, черезъ насъ Имперія пріобрѣла бы вліяніе во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ нашими братьями, и неудержимо было бы ея обаяніе по отношенію къ славянскому населенію Юга и Запада“... (беру переводъ у Спасовича).

Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, больше сказать о Вѣлепольскомъ, чѣмъ говорили эти строки. Здѣсь союзъ Польши съ Россіей на общей почвѣ славянства — не крикъ отчаянія, не угроза, какъ въ рѣчи Эразма Сталевскаго въ прусскомъ ландтагѣ 1849 г. Это—плодъ зрѣлой и глубокой политической мысли и выраженіе непреклонной вѣры и воли.

Во имя осуществленія своей программы Вѣлепольскій вошелъ въ составъ управленія царства. Онъ сознавалъ, что дѣло, которое онъ начиналъ, было въ окружавшихъ его условіяхъ труднымъ, почти безнадежнымъ. Онъ зналъ, что его программа непопулярна въ Польшѣ, и что край по прежнему живетъ слѣпой вѣрой въ спасительность того своеобразнаго какъ бы „революціонно-дипломатическаго“ катехизиса, который сла-

гался изъ мечтаній о границахъ 1772 г., воспоминаній четырехлѣтняго сейма и походовъ Костюшки и Іосифа Понятовскаго, надеждъ на наполеоновскую Францію и на связи съ европейскими салонами и подпольными кружками. Онъ не могъ не отдавать себѣ, съ другой стороны, отчета и въ томъ, насколько трудно будетъ побѣждать недовѣріе русскихъ правящихъ лицъ.

Первые шаги на пути осуществленія „примиренія“ сдѣланы были, казалось, при счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Русскому правительству въ годъ освобожденія крестьянъ никакое обновленіе установившихся и застывшихъ политическихъ формъ не было страшнымъ. 20 марта 1861 г.[1]) министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, на томъ лощеномъ и изысканномъ, но безцвѣтномъ французскомъ языкѣ, который столь для него характеренъ, въ циркулярѣ русскимъ миссіямъ за границей, оповѣстилъ всему міру начало польской реформы. При всей банальности внѣшней формы циркуляръ важенъ, потому что хорошо обозначаетъ то настроеніе, въ которомъ въ Петроградѣ начиналось осуществленіе дѣла польской реформы, а это настроеніе было фактомъ, на которомъ строилось послѣдующее развитіе событій. „Рескриптъ Его Императорскаго Величества Государя Императора на имя Его Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ“, писалъ князь Горчаковъ, „освѣтилъ Вамъ взглядъ Нашего Августѣйшаго Монарха на послѣднія событія въ Варшавѣ...—Торжественный актъ освобожденія крестьянъ, заключавшійся въ манифестѣ 19 февраля, служитъ свидѣтельствомъ глубокаго попеченія нашего Августѣйшаго Монарха о благосостояніи народовъ, ввѣренныхъ Ему Провидѣніемъ. Россія и Европа увидѣли въ немъ доказательство, что, не уклоняясь отъ преобразованій, которыхъ требовалъ

[1]) Когда показанъ одинъ стиль—это старый

прогресъ идей и интересовъ, и, не откладывая ихъ, Его Императорское Величество беретъ на себя ихъ починъ и неуклонно ихъ осуществляетъ. — Нашъ Августѣйшій Монархъ простираетъ ту же заботливость на своихъ подданныхъ Царства Польскаго и не хотѣлъ, чтобы тяжелое впечатлѣніе (отъ событій въ Варшавѣ) удержало Его отъ исполненія Его доброжелательныхъ намѣреній. — Указъ, экземпляръ коего Вы получите [1]), дастъ Вамъ возможность ознакомиться со значеніемъ учрежденій, кои воля Государя Императора вводитъ въ Польшѣ... — Практическія послѣдствія этихъ мѣръ зависятъ отнынѣ отъ того, какъ подданные Государя Императора въ Царствѣ Польскомъ сумѣютъ оправдать довѣріе, доказательство коего Его Величество имъ являетъ. — Государь хочетъ, чтобы то, что онъ даетъ, стало правдой. Его Величество считаетъ, что выполнилъ долгъ искренней заботливости, открывъ Царству Польскому путь правильнаго прогреса. Его самое сильное желаніе видѣть сохраненіе и развитіе въ немъ этого прогреса. Онъ твердо вѣритъ, что такой результатъ будетъ достигнутъ, если Его намѣренія будутъ оцѣнены и поддержаны мудростью края".

2.

Бисмаркъ пришелъ говорить съ Горчаковымъ о польскихъ дѣлахъ еще раньше, чѣмъ былъ отправленъ этотъ циркуляръ, и раньше, чѣмъ было рѣшено въ Петроградѣ идти по пути, который намѣчалъ Вѣлепольскій. Поводомъ послужила первая крупная вспышка польской смуты, вызванная кровавымъ столкновеніемъ 14/27 февраля между войсками и варшавскимъ населеніемъ на Краковскомъ Предмѣстьѣ. 23 февраля онъ прислалъ Горчакову записку слѣдующаго содер-

[1]) Рѣчь шла объ указѣ 14 марта 1861 г.

жанія: „Его Величество Король, освѣдомившись, не знаю изъ какого источника, что одинъ изъ Великихъ Князей, по приказанію Его Величества Государя Императора, ѣдетъ въ Варшаву, приказалъ телеграфировать мнѣ, чтобы я представилъ Его Величеству Государю Императору и Вамъ, Князь, что, при существующихъ условіяхъ, всякая либеральная уступка представляется въ высшей степени опасной Королю; послѣдній хотѣлъ бы знать, въ чемъ заключается миссія, которую имѣется въ виду поручить одному изъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей. Могу ли я видѣть Васъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ? Я въ Вашемъ распоряженіи во всякій часъ дня и ночи". Свиданіе состоялось въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Горчаковъ сказалъ, что слухъ о посылкѣ Великаго Князя ложенъ и что намѣстникъ пользуется полнымъ довѣріемъ Императора Александра II; отъ упрека въ намѣреніи сдѣлать либеральныя уступки онъ отдѣлался, сославшись на предупредительное къ сардинскому правительству отношеніе Берлина, „которое является поощреніемъ революціонеровъ всѣхъ странъ". Бисмаркъ, который надо полагать, не считалъ еще положеніе слишкомъ невыгоднымъ для Пруссіи, не настаивалъ и замѣтилъ, что дѣйствительно въ Берлинѣ, кажется, „хотятъ оставить за собой монополію либеральныхъ уступокъ".

Однако, быстро выяснившаяся послѣ событій 14/27 февраля новая оріентировка русской политики въ царствѣ, выразившаяся въ принятіи адресовъ отъ населенія и въ торопливомъ и отчасти растерянномъ исканіи точекъ опоры въ умѣренныхъ кругахъ варшавскаго общества, продолжала тревожить Берлинъ, и встревожила Бисмарка. Въ самомъ началѣ марта онъ прислалъ Горчакову депешу Шлейница, прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ, гдѣ вопросъ о „либеральныхъ уступ-

кахъ“ полякамъ ставился уже на почву общей для Россіи и Пруссіи внутренней и международной опасности. Ссылаясь на „горькій опытъ“ 48 года, прусское правительство призывало Россію воздержаться отъ всякихъ уступокъ полякамъ: эти уступки, по его словамъ, немедленно обращаются въ орудіе противъ правительства, поощряя новыя требованія; онѣ подымутъ весь „польскій свистоплясъ“ (Polenschwindel); всякое снисхожденіе къ полякамъ влечетъ за собой въ конечномъ счетѣ лишь необходимость новыхъ суровыхъ мѣръ; съ истыми поляками („polonissimi“) не можетъ быть мирнаго соглашенія.—Передавъ эту бумагу, Бисмаркъ, со свойственной ему энергіей, употребилъ всѣ пріобрѣтенныя имъ за годъ пребыванія въ Россіи связи, чтобы повлять на Императора Александра II и Горчакова. Сначала ему показалось, что онъ въ этомъ успѣлъ. 1/13 марта онъ писалъ въ Берлинъ: „я не пренебрегъ никакими средствами, чтобы сдѣлать болѣе твердымъ настроеніе Государя, которое сначала, подъ вліяніемъ правильнаго чувства, что [въ Варшавѣ] дѣйствовали съ грубой неумѣлостью, было довольно мягкимъ. Мнѣ кажется, Горчаровъ поддержалъ меня въ этомъ передъ Государемъ“.

Это первое впечатлѣніе Бисмарка оказалось ошибочнымъ. Несмотря на свое, совершенно исключительное, положеніе, какъ всѣми любимаго и очень цѣнимаго самимъ Александромъ II прусскаго посланника, которому помогали всѣ традиціи династической и политической близости двухъ монархій, несмотря на все свое искусство и тонкость,—ему не удалось повліять ни на Александра II, ни на Горчакова. Уже въ томъ самомъ письмѣ къ Шлейницу отъ 1/13 марта, гдѣ онъ разсказывалъ о своемъ успѣхѣ, Бисмаркъ прибавлялъ: „Горчаковъ призналъ полезнымъ ради своихъ отношеній къ либеральнымъ кругамъ (den liberalen Coterien gegenüber)

отступить отъ своей обычной скрытности и дать большую, чѣмъ требовало дѣло, огласку моимъ, „энергичнымъ представленіямъ“,—дабы „германское вліяніе“ въ нѣкоторой степени расплачивалось за холодное отношеніе Императора къ болѣзненному крику [изъ Варшавы]“. Нѣтъ сомнѣнія, что Горчаковъ ни мало не противился польской реформѣ и разсказывалъ о представленіяхъ Бисмарка, конечно, не для отвода глазъ. Бисмарку скоро пришлось въ этомъ убѣдиться и исправлять свою оцѣнку.

Въ тотъ день, когда Бисмаркъ писалъ свое донесеніе Шлейницу, варшавскій Горчаковъ оффиціально сообщилъ представителямъ края, что реформы въ принципѣ приняты въ Петроградѣ. Черезъ двѣ недѣли онѣ были обнародованы, и Горчаковъ-министръ подписалъ приведенный выше циркуляръ, возвѣщавшій Европѣ, что программа примиренія съ Польшей принята. Одновременно въ Берлинъ отправленъ былъ и отвѣтъ на „энергичныя представленія“ Бисмарка.

Онъ изложенъ въ двухъ письмахъ: въ письмѣ Горчакова русскому посланнику въ Пруссіи, барону Будбергу, 20 марта и письмѣ Императора Александра II Королю Прусскому 23 марта. „Вы можете прочесть г. ф. Шлейницу мой циркуляръ и переводъ указа“, говорилось въ письмѣ Горчакова Будбергу. „Они успокоятъ, я думаю, опасенія берлинскаго кабинета. Государь могъ показать себя справедливымъ въ сознаніи Своей силы и въ виду полноты Своей власти. Къ тому-же, дѣло не объ уступкахъ, а о возвращеніи, и притомъ частичномъ, того, что Польшѣ по праву принадлежало, такъ какъ органическій статутъ [грамота 1832 г.] былъ за ней утвержденъ подписью Монарха и его введеніе въ дѣйствіе было задержано лишь по капризу фельдмаршала [Паскевича]“. Александръ II писалъ королю. „...Я думаю, что мой рескриптъ князю Горчакову и до-

полняющій его указъ Васъ успоили относительно моихъ намѣреній въ отношеніи Царства Польскаго... Я счелъ, что, имѣя въ рукахъ силу, я долженъ былъ оставаться справедливымъ и могъ быть милостивымъ. Я далъ улучшенія, которыя считалъ возможными. Я хочу, чтобы они были искренними и постараюсь сдѣлать ихъ дѣйствительными. Не исключая дальнѣйшаго развитія, они указываютъ границу, до которой я хочу идти. Я ее не перейду...“.

Бисмаркъ не счелъ себя побѣжденнымъ. Онъ жаловался въ Берлинѣ на неустойчивость политики Россіи, гдѣ ожидавшіяся тридцать лѣтъ реформы внезапно осуществляются „съ обратной почтой“ (письмо Шлейницу 25 марта/6 апрѣля 1861 г.). Но дѣло было сдѣлано и, когда Бисмаркъ снова пришелъ къ Горчакову сказать, какъ опасенъ выбранный въ польской политикѣ путь, онъ встрѣтилъ уже категорическія возраженія. Вотъ, какъ передаетъ Горчаковъ этотъ разговоръ въ письмѣ къ Будбергу отъ 1 апрѣля: „Бисмаркъ мнѣ сказалъ, что всякая уступка кажется ему опасной, что поляки — непримиримые враги Россіи, и что мы должны смотрѣть на нихъ какъ на пріемнаго сына, который думаетъ только о томъ, чтобы извести родныхъ дѣтей. Я спросилъ его, выводитъ ли онъ отсюда, что мы должны отнестись къ нимъ, какъ къ илотамъ, осужденнымъ, самое большее, на физическое существованіе; я сказалъ ему, что поляки, во всякомъ случаѣ, не менѣе враждебно относятся къ германскому элементу, чѣмъ къ русскому народу, но что я не вижу, чтобы въ Познани или въ Галиціи въ отношеніи ихъ усвоенъ былъ образъ дѣйствій, который намъ рекомендуютъ...“.

Бисмаркъ приписывалъ — не безъ нѣкоторой досады — вліянію Франціи совершившійся поворотъ въ польскомъ вопросѣ. Горчаковъ „по природѣ склоненъ

быть разговорчивымъ", пишетъ Бисмаркъ Шлейницу (5/17 апрѣля 1861 г.), „но всѣ свои отношенія съ Франціей онъ закрываетъ густымъ вуалемъ; это у него такъ твердо установилось, что одна его скрытность по польскимъ дѣламъ наводитъ меня на мысль, что эти дѣла надо отнести къ той категоріи, которую онъ называетъ „отношеніями къ Франціи"... Если слабость и промахи въ Варшавѣ обусловлены соглашеніемъ съ Франціей, то Горчаковъ, по вѣчному закону договора съ чортомъ, является обманутымъ, сколько бы онъ то ни отрицалъ и ни скрывалъ. Недостаточное сопротивленіе, которое здѣсь оказывается снятію военнаго положенія въ царствѣ, наводитъ на мысль, что какія то обѣщанія „мягкаго отношенія" къ полякамъ были даны. Горчаковъ дѣлаетъ видъ, что все совершающееся предусмотрѣно свободно напередъ установленной программой, и что „уклоненія" („écarts") имѣютъ слишкомъ второстепенное значеніе, чтобы разрушить въ Государѣ его давно сложившіяся намѣренія. „Россія достаточно сильна, чтобы быть великодушной" — такова тема, которую онъ безъ конца повторяетъ при обсужденіи дѣла".

Бисмаркъ былъ правъ, нащупывая связь польскаго дѣла съ франко-русскими отношеніями. Императоръ Александръ II и Горчаковъ, въ самомъ дѣлѣ, воспользовались рѣшенными ими измѣненіями политики въ Царствѣ Польскомъ, чтобы окончательно помириться съ Наполеономъ III.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Петрограда Бисмаркъ сравнивалъ стремленіе русскаго правительства установить хорошія отношенія съ Тюильріями съ той данью, которую большія европейскія государства когда-то платили варварійскимъ маленькимъ странамъ на сѣверномъ берегу Африки за неограбленіе ихъ кораблей: онъ объяснялъ эти стремленія желаніемъ Россіи откупиться отъ той поддержки, которую наполеоновская

Франція оказывала польской эмиграціи. Такое пониманіе было неправильнымъ. Польская реформа не была вызвана „договоромъ съ чортомъ“, не была „варварійской данью“; но, несомнѣнно, въ тотъ моментъ, какъ на нее рѣшились, сдѣлана была попытка извлечь изъ русско-французскихъ отношеній тотъ элементъ, который ихъ всегда отравлялъ,—разорвать связи Наполеона III съ польскимъ движеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго парижскаго конгреса и изъ Петрограда, и изъ Парижа исходили стремленія установить тѣсную близость русской и французской политикъ: для насъ она была цѣнной съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ на Востокѣ, для Франціи — съ точки зрѣнія ея интересовъ европейскихъ. Но всякій разъ, какъ два правительства сталкивались съ польскимъ вопросомъ, налаживавшееся соглашеніе падало. На этотъ разъ, казалось, почва была, наконецъ, расчищена. Обмѣномъ писемъ между Наполеономъ III и Александромъ II было условлено, что Франція не будетъ мѣшать, поддержкой польскихъ домогательствъ, осуществленію дѣла маркиза Вѣлепольскаго въ царствѣ польскомъ.

Польское дѣло было такъ налажено, что на нѣсколько мѣсяцевъ Бисмаркъ долженъ былъ сложить оружіе. Но онъ выжидалъ возможности возобновить борьбу при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Для этого надо было воспользоваться первыми признаками колебанія русскаго правительства въ усвоенной съ марта политикѣ въ царствѣ польскомъ. Такимъ признакомъ послужила намѣтившаяся осенью 1861 г., послѣ смѣны нѣсколькихъ намѣстниковъ (смерть Горчакова, назначеніе Сухозанета, потомъ Ламбера и опять Сухозанета), рознь между маркизомъ Вѣлепольскимъ и русской высшей мѣстной администраціей царства. Уже въ октябрѣ 1861 г. Будбергъ писалъ Горчакову, что во время празднествъ коронаціи король Вильгельмъ много

разъ спрашивалъ его о положеніи дѣлъ въ Варшавѣ и высказывалъ свою тревогу. Горчаковъ успокаивалъ посланника прежними общими мѣстами, выдержанными теперь въ тонѣ философической грусти. „Вы знаете, дорогой баронъ, мой девизъ—умѣренный прогресъ съ сильной властью. Слѣдуйте по одной дорогѣ и къ одной цѣли, безъ уклоненія вправо и влѣво. Успѣхъ въ рукахъ Божіихъ“... (письмо 20 октября 1861 г.). Пріѣздъ Вѣлепольскаго въ Петроградъ послѣ подачи Сухозанету прошенія объ отставкѣ, вызванной непрерывными съ нимъ столкновеніями, заставилъ Бисмарка немедленно насторожиться. Онъ послалъ Горчакову, на третій день пребыванія въ Петроградѣ вызваннаго Императоромъ Александромъ II, послѣ подачи прошенія объ отставкѣ, Вѣлепольскаго, — послалъ, очевидно въ качествѣ прусскаго оффиціальнаго комментарія этого событія,—копію донесенія прусскаго консула въ Варшавѣ (тогда консула въ Варшавѣ энергично занимались политикой), донесенія, говорившаго объ опасности сохраненія маркиза у власти. „Конечно, желательно, чтобы таланты Вѣлепольскаго“, читалъ Горчаковъ, а за нимъ и Императоръ Александръ II въ этомъ документѣ, „нашли себѣ употребленіе. Но въ качествѣ главы гражданскаго управленія онъ повлечетъ за собой явную опасность. Онъ стремится къ автономіи, онъ — кандидатъ англичанъ, работающихъ надъ ослабленіемъ Россіи и уже празднующихъ побѣду“... (донесеніе 3 ноября 1861 г. н. ст., сообщенное Горчакову 30 октября).

Въ двацатыхъ числахъ октября—Вѣлепольскій выѣхалъ изъ Варшавы 22-го—Бисмаркъ снова заговорилъ съ Горчаковымъ о польскихъ дѣлахъ и на этотъ разъ ушелъ отъ него удовлетвореннымъ. Заявленія министра, начинавшіяся обычными сентенціями о необходимости сочетанія „прогреса“ и „порядка“, кончились жалобами на Вѣлепольскаго и свидѣтельствовали, что подпольная

работа противъ руководителя польской реформы не прошла безслѣдно. Въ письмѣ на имя Будберга, написанномъ 24 октября 1861 г., Горчаковъ сводитъ къ слѣдующему смыслъ своихъ словъ Бисмарку, добавляя, что они „успокоили“ послѣдняго. Русская политика по польскимъ дѣламъ руководится двумя положеніями— не переходить границъ дарованныхъ милостей и продолжать неустанно и твердо возстановлять порядокъ. Къ сожалѣнію, возникло новое и непріятное обстоятельство: „административное поведеніе маркиза Вѣлепольскаго не получило одобренія Государя. Онъ позволилъ себѣ уклоненія (des déviations), которыя не могутъ быть терпимы. Личныя его отношенія къ генералу Сухозанету обострили положеніе... Вѣлепольскій не представляетъ намъ достаточныхъ гарантій, и его поведеніе въ послѣднее время даетъ намъ справедливыя сомнѣнія относительно чистоты его намѣреній... Когда Его Величество его увидитъ, онъ приметъ рѣшеніе, но никакъ не въ сторону ослабленія законной власти или поощренія надеждъ, которыя Государь Императоръ рѣшилъ не осуществлять“. Въ томъ же смыслѣ говорилъ съ Бисмаркомъ въ концѣ октября и самъ Императоръ Александръ II. Въ Берлинѣ были весьма довольны, и новый министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Бернсторфъ, писалъ одному изъ прусскихъ посланниковъ, что русское правительство намѣрено энергично возстановлять порядокъ въ Царствѣ Польскомъ и не сдѣлаетъ новыхъ уступокъ на почвѣ либеральныхъ учрежденій.

Но все это продолжалось не долго. Уже 1/13 ноября 1861 г. Бисмаркъ въ письмѣ Бернсторфу сообщалъ: „Графъ Вѣлепольскій страннымъ образомъ взятъ здѣсь подъ покровительство нѣмецкими кругами, за исключеніемъ военныхъ; онъ ежедневно бываетъ у Мейендорфа и Нессельроде и въ частности г-жа Мейендорфъ, дѣятельная представительница австрійскихъ и католи-

ческихъ пожеланій, является его защитницей. Я не придаю этому слишкомъ большого значенія, пока умному поляку не удастся перетянуть на свою сторону князя Горчакова, чему онъ положилъ начало тонкой и ловкой лестью". Опасеніе было основательно. Вѣлепольскій быстро и умѣло нашелся въ новой для него обстановкѣ. Ему удалось связать на минуту оборвавшіеся концы польской реформы. Начатое въ мартѣ 1861 г. дѣло получило дальнѣйшее развитіе, притомъ съ полнотой и твердостью, которой до пріѣзда маркиза въ Петроградъ не хватало. Насколько успѣшно боролся Вѣлепольскій за свое дѣло, лучше всего можно измѣрить на Горчаковѣ. Поверхностный и тщеславный, Горчаковъ ловилъ настроенія, которыя складывались вокругъ него, заботясь, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы искусно облечь ихъ въ гладкіе періоды своихъ французскихъ писаній. Сохранилось его письмо къ Будбергу, написанное въ концѣ перваго мѣсяца пребыванія Вѣлепольскаго въ Петроградѣ (18 ноября), которое, при сопоставленіи съ строгостью тона по адресу маркиза въ изложенномъ выше письмѣ 24 октября, лучше всего свидѣтельствуетъ, что вѣтеръ дулъ въ другую сторону. „Скажу Вамъ откровенно", писалъ Горчаковъ, „что изученіе, которому я подвергъ этого человѣка, заставляетъ меня жалѣть объ отсутствіи его сотрудничества въ настоящее критическое время. Это — замѣчательное дарованіе и человѣкъ, который прекрасно понимаетъ, что составляетъ элементы власти. Отмѣчаю, что къ нему хорошо отнеслись Ихъ Величества и наши большіе административные тузы. Лично и какъ частный человѣкъ, онъ можетъ покинуть насъ безъ горечи".

3.

Съ конца 1861 г. Вѣлепольскій и Польша исчезаютъ на время со страницъ дипломатической переписки. Это

исчезновеніе—лучшее свидѣтельство временнаго торжества начатаго Александромъ II въ Польшѣ дѣла: прусскіе дипломаты мирятся съ тщетой своихъ стараній подорвать русско-польскій миръ.

Крушеніе политики Вѣлепольскаго было вызвано не дипломатіей. Его обусловилъ тотъ болѣзненный, безславный и тяжелый, историческій процесъ, который мы называемъ польскимъ возстаніемъ 1863 г.

Спасовичъ сравнивалъ это возстаніе съ злокачественною сыпью, покрывшей Царство Польское. И въ самомъ дѣлѣ, оно состояло изъ множества мелкихъ стычекъ маленькихъ инсуррекціонныхъ бандъ — которыя въ революціонной польской печати того времени именовались „корпусами“ и которыя современный польскій историкъ рѣшается назвать только „корпусиками“— появлявшихся во всѣхъ уголкахъ царства, лишенныхъ отвѣтственныхъ и сколько нибудь трезвыхъ руководителей, умственно питавшихся политическими сплетнями изъ Тюильрій и кончившихъ грабежами и погромами мирнаго населенія.

И поверхъ этой безсмысленной и мрачной анархіи, вызывавшей безчисленныя страданія и жертвы, большой европейскій политическій міръ велъ другую борьбу, правда, безкровную, но въ существѣ столь же безплодную. Нѣтъ надобности напоминать, какъ въ 1863 г. дипломатическая борьба по польскому вопросу возобновилась,—при томъ въ неизмѣримо болѣе крупныхъ размѣрахъ,—послѣ годового перерыва: хорошо извѣстно, какъ западныя государства, во главѣ съ Наполеономъ III, предприняли походъ противъ Россіи, ведшійся во имя обезпеченія трактатной автономіи Польши и приведшій къ окончательному упраздненію польскаго вопроса, какъ вопроса формально международнаго. Эта борьба влекла за собой огромный вредъ для поляковъ: ноты, которыя составляли и посылали въ Петроградъ

Друэнъ де Луи, Рессель и Рехбергъ, поддерживали возстаніе, все проникнутое тѣмъ „революціонно-дипломатическимъ“ катехизисомъ, о которомъ я уже говорилъ. Среди бумагъ Вѣлепольскаго сохранилось обращеніе къ западно-европейскому общественному мнѣнію, написанное, повидимому, по его указаніямъ или имъ самимъ. Оно кончалось слѣдующими словами: „О, почему я не могу внушить вамъ сдержанность, если не молчаніе, показавъ вамъ горестную картину народа въ агоніи! Видя трауръ, которымъ я окруженъ, вы поняли бы, что толкать легковѣрное и экзальтированное населеніе на безнадежную борьбу, безотвѣтственными и лишенными всякихъ послѣдствій обѣщаніями, значитъ совершать преступленіе противъ человѣчества. Передъ ужаснымъ зрѣлищемъ, которое вотъ уже шесть мѣсяцевъ наполняетъ меня скорбью, вы, безъ сомнѣнія, поняли бы, что тотъ одинъ имѣетъ право поднять голосъ за Польшу, кто можетъ и хочетъ представить въ ея распоряженіе милліарды и пятьсотъ тысячъ штыковъ“.

Большая европейская борьба вокругъ польскаго вопроса въ годъ возстанія была безплодной для поляковъ, но она имѣла неисчислимыя послѣдствія для европейскаго политическаго равновѣсія. Она окончательно опредѣлила политическую оріентировку Россіи на нѣсколько слѣдующихъ дѣсятилѣтій, закрѣпивъ ея распрю съ Австріей, безъ остатка ликвидировавъ начатое послѣ парижскаго конгреса ея сближеніе съ Франціей и создавъ ея крѣпкія связи съ Пруссіей не мало содѣйствовавшія и Садовѣ, и образованію германской имперіи. Пожалуй, только Англія, изъ всѣхъ участницъ борьбы, вышла безъ ущерба: Бисмаркъ писалъ про Рысселя, что онъ ему напоминаетъ „скорѣе гуманитарнаго апостола свободы, нежели англійскаго министра“; но политическое доктринерство Рысселя, вызывавшее по-

стоянную досаду въ практичной и умной королевѣ Викторіи, имѣло одну хорошую сторону: Рессель сознавалъ и честно ни отъ кого не скрывалъ, что за его польскими разсужденіями не стояло тѣхъ „пятисотъ тысячъ штыковъ“, о которыхъ писалъ Вѣлепольскій. Естественно, его поученія встрѣчали спокойно и скоро вездѣ забыли.

Ставшій на очередь со вспышкой возстанія, въ самомъ началѣ января 1863 г., польскій вопросъ открывалъ для Бисмарка его первую, со времени появленія осенью предшествующаго года во главѣ прусскаго министерства, большую дипломатическую кампанію. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ петроградской миссіи, были ярки и живы. Онъ зналъ по опыту, что его призывы къ объединенію русской и прусской политики по польскимъ дѣламъ выслушивались только тогда, когда у руководящихъ русскихъ дѣятелей, вслѣдствіе событій въ царствѣ, складывалось сознаніе невозможности довести до конца польскую реформу. То, что онъ наблюдалъ въ моментъ первой отставки Вѣлепольскаго послѣ столкновенія съ Сухозанетомъ, повторялось въ новыхъ, гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ, въ моментъ начала возстанія.

На этотъ разъ Бисмаркъ сдѣлалъ все, чтобы успѣть закрѣпить въ свою пользу плоды тѣхъ чувствъ досады и негодованія, которыя неминуемо должны были родиться въ Петроградѣ, при первомъ извѣстіи о нападеніи бандъ на русскія войска. Онъ сдѣлалъ это необыкновенно быстро и рѣшительно. Въ ночь съ 10 на 11 января началось возстаніе, а черезъ десять дней въ Петроградъ уже ѣхалъ прусскій генералъ Альвенслебенъ съ личнымъ письмомъ короля Вильгельма къ Императору Александру II и предложеніемъ заключить конвенцію о совмѣстной борьбѣ съ польскими революціонерами. 25 января привезенный проектъ соглашенія

былъ уже представленъ Государю, и 27 января подписанъ Альвенслебеномъ и Горчаковымъ.

Эта конвенція, когда-то составлявшая предметъ безконечныхъ догадокъ для всей Европы, сама по себѣ лишена интереса. Въ ней говорилось о взаимномъ содѣйствіи стоявшихъ около границы военныхъ силъ въ борьбѣ съ бандами, а въ секретной статьѣ, сверхъ того, о взаимномъ сообщеніи свѣдѣній относительно „политическихъ происковъ", связанныхъ съ царствомъ польскимъ и Познанью. Но не въ этомъ, конечно, былъ основной смыслъ миссіи Альвенслебена. Тогдашній русскій посланникъ въ Берлинѣ, Убри, объяснялъ ее „склонностью Берлина преувеличивать серьезность положенія" въ Польшѣ (письмо Горчакову 22 января 1863 г.). Очевидно, Бисмаркъ внушалъ ему это толкованіе, которое должно было подготовить почву для Альвенслебена. Но у насъ есть и подлинное изображеніе задачи, которую связывалъ Бисмаркъ съ заключеніемъ конвенціи Альвенслебена.

Въ письмѣ къ Бернсторфу, тогда посланнику въ Лондонѣ, написанномъ 9 марта н. ст., т. е. примѣрно черезъ мѣсяцъ послѣ подписанія конвенціи, онъ говорилъ: „...въ Россіи дружественная полякамъ партія, съ Горчаковымъ и Вѣлепольскимъ во главѣ, которая желаетъ создать въ томъ или иномъ видѣ болѣе или менѣе польскую Польшу въ Варшавѣ, есть въ то же время партія Франціи и честолюбивой Россіи съ ея восточными замыслами. Противоположную партію я назвалъ бы консервативной (не старо-русской, которая ближе къ первой). Къ ней сердцемъ принадлежитъ Императоръ, генералы, государственные люди—нѣмцы; они не довѣряютъ Франціи и видятъ невозможность мирнаго соглашенія съ польскими національными притязаніями... Путемъ заключенія нашей конвенціи, которое состоялось при сильномъ противодѣйствіи Гор-

чакова, по прямому приказанію Государя, мы, поскольку это отъ насъ зависѣло, доставили побѣду антипольской и антифранцузской партіи въ кабинетѣ Императора, и колеблющіяся до того рѣшенія послѣдовали въ смыслѣ рѣшительнаго подавленія возстанія". Въ общихъ чертахъ тоже объясненіе, съ нѣкоторыми, не вполнѣ достовѣрными, добавленіями, повторилъ Бисмаркъ много лѣтъ спустя въ своихъ „Мысляхъ и Воспоминаніяхъ". Онъ выразилъ здѣсь антитезу двухъ политикъ Россіи такъ: „дѣло шло о томъ, что будетъ господствовать въ русскомъ кабинетѣ—полнофильское-ли или антипольское направленіе, стремленіе-ли къ панславистскому, противонѣмецкому соглашенію между русскими и поляками или взаимная близость русской и польской политикъ".

Императоръ Александръ II остался чрезвычайно довольнымъ миссіей Альвенслебена и привезенной имъ конвенціей. Въ день подписанія послѣдней онъ отправилъ благодарственное письмо королю прусскому, гдѣ говорилъ, что сознаніе солидарности интересовъ Россіи и Пруссіи ему особенно дорого. Горчаковъ долженъ былъ послѣдовать тому же примѣру: въ письмѣ къ Бисмарку отъ конца января онъ говорилъ, что „поставлены серьезныя вѣхи на пути соглашеніи" и что „этотъ починъ получитъ дальнѣйшее развитіе во всѣхъ направленіяхъ". Но Бисмаркъ хорошо зналъ Горчакова и основательно подозрѣвалъ искренность такихъ заявленій.

У насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы выяснить источники нѣкотораго несочувствія Горчакова новому курсу русской политики, которое вскорѣ обнаружилось. Документы свидѣтельствуютъ одно. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ „другъ Бисмаркъ" („l'ami Bismarck"), какъ писалъ Будбергъ, сталъ первымъ министромъ Пруссіи, Горчаковъ не пропускалъ случая, чтобы сказать по его адресу какую нибудь колкость. Какъ часто отзывы

второстепенныхъ дѣятелей о людяхъ крупныхъ, эти колкости Горчакова забавны. Въ одномъ изъ писемъ къ Убри въ концѣ 1862 г., говоря о внутреннемъ прусскомъ конфликтѣ, Горчаковъ говорилъ, напримѣръ: „мы льстимъ себя надеждой, что сознаніе государственнаго интереса одолѣетъ азартъ Бисмарка. Рискованный путь, на который онъ думаетъ кинуться, намъ кажется полнымъ опасности“. Конвенція Альвенслебена дала новый поводъ къ этимъ колкостямъ. Бисмаркъ не прочь былъ подчеркнуть въ разныхъ европейскихъ центрахъ установленную конвенціей близость съ Россіей и поспѣшилъ, даже не предупредивъ Горчакова, разрѣшить своему посланнику показать актъ Наполеону III. Бисмаркъ несомнѣнно плохо расчиталъ послѣдствія этого шага. Въ Парижѣ конвенцію истолковали почти какъ прямой вызовъ Франціи. Русскій и прусскій представители поспѣшили протелеграфировать домой, что надо успокоить Наполеона. Бисмаркъ не на шутку встревожился. 15 февраля онъ позвалъ Убри и спросилъ его, настаиваетъ ли русское правительство на сохраненіи конвенціи въ силѣ, а тогда готова ли она на вѣроятную войну съ Франціей, Австріей и, можетъ быть, Англіей. Горчаковъ кисло отвѣтилъ: „Такъ какъ Пруссія видитъ свой интересъ въ отказѣ отъ соглашенія, то Государь не возражаетъ“, а на слѣдующій день писалъ къ Убри: „Государь, Вы знаете, соглашается на то, чтобы соглашеніе Альвенслебена было признано несостоявшимся. Я никогда не придавалъ этому акту практическаго значенія, хотя и не отрицалъ за нимъ моральной цѣнности. У васъ, въ Берлинѣ, были весьма не ловки, когда столь громко трубили о конвенціи, но я не жалуюсь, настолько я огорченъ униженіемъ, которое испыталъ нашъ другъ Бисмаркъ“. Въ самомъ дѣлѣ, опасенія Бисмарка были очень преувеличены, и уже 18 февраля король Вильгельмъ условился съ Убри, что

конвенція будетъ сохранять силу; на телеграммѣ объ этомъ посланника Императоръ Александръ II надписалъ карандашомъ: „Да будетъ такъ...“.

Но эти слѣды досады Горчакова не имѣли сколько-нибудь ощутительныхъ результатовъ. Миссія Альвенслебена произвела на Александра II слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобы Горчаковъ могъ рѣшиться на что либо другое, кромѣ невинныхъ колкостей. Къ тому же событія создавали условія, при которыхъ помощь Пруссіи пріобрѣтала новою цѣну. Рѣчь шла уже не о пограничныхъ постахъ, охранѣ таможенъ и почтовыхъ учрежденій на границѣ, какъ въ конвенціи Альвенслебена, а о томъ дипломатическомъ походѣ на Россію, который открылся нотами Франціи, Англіи и Австріи отъ 10 апрѣля н. ст. Еще пока эти ноты составлялись, Горчаковъ писалъ Убри: „Мы хотѣли бы, чтобы политическіе недосмотры Бисмарка ни въ чемъ не уменьшали нашего тѣснаго соглашенія съ Пруссіей и чтобы мы были, какъ рука и перчатка“. Это—послѣднее напоминаніе. Отнынѣ Горчаковъ, не оборачиваясь, слѣдуетъ по пути, который намѣчала конвенція Альвенслебена. Иного ждать было трудно. Въ лѣтніе мѣсяцы 1863 г. между Императоромъ Александромъ II и королемъ Вильгельмомъ шла переписка о заключеніи союза противъ Франціи и, если союзъ и не понадобился, то окончательно сложилась та близость двухъ державъ, которая оставалась непоколебленной до того времени, какъ императоръ Вильгельмъ II взялъ въ свои руки руководство судьбами Германіи.

Когда подписывалась конвенція Альвенслебена, французскій посолъ, герцогъ Монтебелло, писалъ, что видитъ въ ней „свидѣтельство роковой силы тѣхъ узъ, которыя связываютъ между собой державы, раздѣлившія Польшу“. Замѣчаніе тонкаго француза лучше всего объясняетъ историческій эпизодъ, который я раз-

сказывалъ, и я готовъ видѣть длящееся поученіе послѣдняго въ подмѣченной имъ необходимой связи общей политики Россіи и ея политики польской.

Примѣчанія.

1. Документы, на которыхъ покоится изложеніе, частью обнародованы, частью нѣтъ. *Обнародованные*: Bismarck, Gedanken und Erinnerungen; Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen; Briefwechsel mit Schleinitz; Bismarck Jahrbüchern, V (переписка съ Гольцомъ), VI (переписка съ Бернсторфомъ); Charles-Roux, Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III; ср. общія сочиненія: Sybel, Begründung, II (3-е и 4-е изданія); Ollivier, L'Empire libéral, VI; Lenz, Bismarck; Lenz, Kleine historische Schriften, 429 слл.; Spencer Walpole, Lord John Russel; Friedjung, Kampf um die Vorherrschaft, I; Татищевъ, Императоръ Александръ II. Сочиненія, посвященныя Польшѣ 1861—1863 гг., какъ польскія, такъ и русскія, довольствуются, поскольку рѣчь идетъ о внѣшней политикѣ, лишь общеизвѣстными фактами; впрочемъ біографіи Вѣлепольскаго, Спасовича и Лисицкаго (Lisicki, Alexander Wielopolski), весьма цѣнны, первая — потому, что она написана Спасовичемъ, а вторая — по содержащимся въ ней матеріаламъ. Для характеристики польской политики Пруссіи: Rakowski, Dzieje W. Ksienstwa Poznanskiego; Geffcken, Preussen, Deutschland und die Polen; Komierowski, Kola Polskie w Berlinie 1847—1860. Ср. также старое сочиненіе Noah, Die staatsrechtliche Stellung Polen in Preussen, 2-e Aufl. 1864. *Необнародованные*: Дѣла Петрогр. Главн. Арх. М. И. Д., Prusse и Berlin, 1861—1863.

2. Текстъ записки Бисмарка Горчакову 23 февраля 1861 г.:

23 Février [1861] Jeudi.

Sa Majesté le Roi, ayant appris, je ne sais de quelle source, qu'un des Grands Ducs d'ordre de S. M. l'Empereur se rendrait à Varsovie, me fait télégraphier de représenter à Sa Majesté l'Empereur et à vous, mon Prince, que sous les circonstances actuelles toute concession libérale paraissait extrêmement dangereuse au Roi, qui désire beaucoup savoir de quelle nature serait la mission à confier à un de Leurs Altesses

Impériales les Grands Ducs. Puis-je Vous voir ce soir ou demain matin. Je suis à Votre disposition à toute heure du jour ou de la nuit.

Mille hommages

v. Bismarck.

3. Текстъ выдержки изъ письма Шлейница Бисмарку 1861 г.:

[рукою князя Горчакова]: particulière Schleinitz à Bismark.

[рукою имп. Александра II]: Vous savez ce que vous avez à lui répondre.

[рукою Бисмарка]:

Auszug:

Die durch diese Betrachtungen und die obigen über Oestreichs Zukunft, hervorgerufene Stimmung (Allerh. Orts) ist durch die Warschauer Dinge erheblich gesteigert worden. Es scheint dort unter den Local-Behörden ein Mangel am Voraussicht und schliesslich eine Schwache an den Tag gelegt worden zu sein, die allerdings für ernstere Schwierigkeiten nichts Gutes prognostieren. Eine Adresse wie die an S. M. den Kaiser abgesandte ist für Russland ein bedeutungsvolles novum, und ein besorglicher Zeichen der Zeit, wenn angesichts einer so bittern Ausdrucks nationaler Feindseligkeit, die Aufgabe Ordnung zu erhalten durch ein Compromiss von den Kaiserl. Truppen uuf die Bürgschaft übertragen wird, und die Studenten die Waffen beziehn, wie in unsern Märztagen 48. Der König ist sehr in Sorge, dass den Polen nationale Concessionen gemacht werden könnten; durch solche wurden nicht nur unsre Posener und die auswärtige Emigration ermutigt werden, sondern dieselben werden auch auf die Aufweckung der polnischen Frage in England und Frankreich unwillkommene Einwirkung haben den ganzen „Polen schwindel“ mit Hoffnung beleben. Deshalb wünscht der König, dass Sie keine Gelegenheit versaumen, bei S. M. dem Kaiser geltend zu machen, wie nach unsern saürlichen Erfahrungen alle Concessionen und versöhnlichen Schritte, — immer sofort als Waffe gegen die Regierung und als Grundlage neuer, unmöglicher Ansprüche benutzt worden sind. Unsere Polen werden seit zwei Menschenaltern so gerecht und regelmässig regirt, wie jede andre Provinz; der Wohlstand hat bei ihnen gewaltige Fortschritte gemacht, und der Bauer ist ein zufriedener und treuer Unterthan; aber mit den „polonissimi“ ist kein Friedensbasis zu erfinden, und jede Weichheit gegen ihre Auflehnungen wird

nur zur Mutter spatrer Härte, indem sie Folgen provocirt, die zu starkeren Zwange nöthigen.

4. Конвенція Альвенслебена.

Les Cours de Russie et de Prusse, prenant en considération que les évènements survenus dans le Royaume de Pologne portent de graves atteintes à la propriété publique et privée et peuvent affecter les intérêts de l ordre dans les provinces limitrophes Prussiennes, sont convenues:

que sur la réquisition du Commandant de l'armée Russe dans le Royaume de Pologne ou sur celle de M-r le Genéral d'Infanterie Werder, Commandant en chef les 1-r, 2-d, 5-e, et 6-e Corps d'armée Prussiens, soit aussi à la demande des autorités limitrophes des deux pays, les Chefs des détachements Russes et Prussiens seront autorisés à se prêter un mutuel concours et, en cas de besoin, à franchir la frontiere, afin de poursuivre les rebelles qui passeraient d'un pays dans un autre.

Des officiers spéciaux seront envoyés de part et d'autre, tant aux quartiers généraux des deux armées qu'auprès des Chefs des Corps détachés dans le but d'entretenir pratiquement cette entente.

Ces officiers seront tenus au courant des dislocations militaires, afin de les communiquer à leurs Chefs respectifs.

Le présent arrangement restera en vigueur aussi longtemps que l'état des choses l'exigera et que les deux Cours le jugeront à propos.

Fait à St. Pétérsbourg, le $\frac{\text{vingt-sept Janvier}}{\text{huit Février}}$ mil huit cent soixante trois.

Gortchacow — v. Alvensleben.

Generallieutenant u. General-Adjutant.

(печать) — (печать)

Article secret.

Les Cours de Russie et de Prusse s'engagent à se communiquer réciproquement, par la voie de leurs organes militaires et civils, tous les indices de menées politiques se rattachant soit au Royaume de Pologne soit au Grand Duché de Posen.

Fait à St. Pétersbourg, le $\frac{\text{vingt-sept Janvier}}{\text{huit Février}}$ mil huit cent soixante trois.

Gortchacow — v. Alvensleben.

Generallieutenant u General-Adjutant.

(печать) — (печать)

5. Письмо Императора Александра II Королю Вильгельму I, 27 Января 1863 г.

Mon cher Oncle, Le Prince Radziwill et le Gl. d'Alvensleben m'ont remis les lettres que Vous leur avez confiées. Votre recommandation assurait au P-ce Radziwill un accueil amical; J'espère qu'il en aura été satisfait. J'apprécie la part affectueuse que Vous prenez à tout ce qui nous intéresse et je Vous en remercie cordialement. Il m'a été très agréable de voir le Prince Albert et de pouvoir rendre justice au mérite militaire qu'il a déployé dans les rangs de mon armée du Caucase.

Quant au Gl. d'Alvensleben, la mission que Vous lui avez confiée a été au devant de mes voeux. J'ai accepté avec empressement toutes les propositions qu'il m'a faites en Votre nom et j'ai été heureux d'y voir non seulement la preuve de nos sentiments personnels, mais encore celle des liens étroits qui unissent nos intérêts Tout a été convenu; les mesures vont être prises pour que nos armées se concertent et se prêtent mutuellement concours pour la répression des désordres actuels et la saisie de ceux qui les causent.

Le télégramme, que je viens de recevoir de Varsovie, et qui signale une attaque des insurgés contre vos troupes, dans les environs de Strasbourg, prouve l'urgence de ces mesures.

Le Gl. d'Alvensleben s'entendra avec Kostia pour les détails d'exécution Rien ne sera négligé de notre part pour que cette entente soit pratiquement utile à nos deux pays. Je vous remercie, mon cher Oncle, d'en avoir eu la pensée; la conviction de notre solidarité d'intérêts m'est précieuse et je suis heureux de voir que Vous la partagez.

L'Impératrice a été tres sensible à Votre bon souvenir. Elle me charge de ses compliments pour ma Tante. Tous deux nous avons pris une vive part à l'indisposition qui Vous a éprouvé et nous nous réjouissons d'apprendre qu'elle n'a pas eu de suites.

6. Письмо Императора Александра II Королю Вильгельму I, 20 Мая 1863 г.

Zarskoe-Selo, $\frac{20 \text{ mai}}{10 \text{ juin}}$ 1863.

Mon cher Oncle, Malgré les efforts que je fais et continuerai de faire pour le maintien de la paix, il m'est impossible de méconnaître combien la situation politique s'aggrave. J'attends de nouvelles propositions. Je les écouterai et les discuterai dans un esprit de conciliation, avec le désir sincère d'arriver à une en-

tente. Mais je prévois que dans le nombre il y en aura auxquelles je ne pourrais souscrire sans manquer à ma dignité et à l'honneur de mon pays. A celles-ci,—mon parti est pris,—je répondrai par un refus. Or, un refus peut amener la guerre. Le seul énoncé de propositions semblables indique l'idée arrêtée de me placer dans une alternative qui conduirait à ce résultat. D'après les nouvelles que je reçois, l'entente à ce sujet, adoucie pour la forme par l'influence plus modérée du Cabinet de Vienne, serait déjà très avancée quant au fond entre Londres et Paris, et l'on prévoit que le mois d'août de cette année pourrait être le moment où éclaterait la guerre.

Sans renoncer à l'espoir de l'empêcher, mon devoir est de m'y préparer. Je n'ai pas besoin de Vous signaler combien il sera difficile de la circonscrire.—Sans parler de la difficulté qu'éprouverait la Prusse, en sa qualité de grande Puissance Européenne, à rester en dehors de pareils évènements,—sans parler des liens d'amitié et d'intérêts traditionnels qui nous unissent, sa position et celle de l'Allemagne y seraient trop directement, trop immédiatement intéressées pour qu'elles puissent y demeurer indifférentes ou étrangères. La plus simple prévoyance indique que, commencée dans la Baltique ou sur la Vistule, la lutte pourrait se dénouer sur le Rhin.

Dans cette situation, mon cher Oncle, j'éprouve le besoin de m'adresser à Vous en toute franchise. Je Vous demande la confidence du point de vue sous lequel Vous envisagez Vos devoirs et Vos intérêts, ceux de la Prusse et de l'Allemagne en face de cette éventualité.

J'ai toujours pensé que dès le début une attitude ferme et unie de la Prusse, de l'Autriche et de l'Allemagne aurait conjuré cette crise, retenu l'Angleterre et paralysé les vues agressives de la France. J'ai sincèrement regretté que la position prise par le Cabinet de Vienne, dans une intention que j'apprécie, eut affaibli l'espoir de cet accord.—En voulant prévenir la guerre, je crains que l'Autriche n'eut augmenté les chances de ceux qui la recherchent.—Si elle éclate, quelle sera Votre marche, qu'attendez-Vous de l'Allemagne, que prévoyez-Vous de l'Autriche? Je sais que je puis compter sur Vous; mais dans quelles éventualités et dans quelle mesure Vos intérêts Vous porteront-ils à un concours actif?

Ce n'est point une ouverture diplomatique que je Vous adresse; c'est un appel, que je fais à Votre loyale amitié. La défiance est le mal de notre époque et la principale force de nos adversaires.—Grâce à Dieu, elle n'existe pas entre nous. J'ai foi en Vous, Vous

savez que Vous pouvez compter sur moi L heure est trop solennelle pour que tous deux nous ne nous gardions pas de toute illusion. J'ai besoin de connaître Vos résolutions pour mesurer dans toute son étendue la position qui m'est faite, les chances qu'elle m'offre, les devoirs qu'elle m'impose et les sacrifices qu'elle me commande pour sauvegarder, avec l'aide de Dieu, l'honneur et les intérêts de la Russie.

Je me féliciterais sincèrement si les inspirations de Votre sagesse Vous amènent à la glorieuse fraternité d'armes qui a uni nos deux peuples, et si Votre influence peut rattacher l'Autriche à ce faisceau de résistance nécessaire au salut de tous. Car il serait puérile de se dissimuler que la crise honteuse et funeste à l'Europe du commencement de ce siècle se reproduit depuis dix ans sous d'autres formes, avec un autre nom et d'autres moyens. Aujourd'hui, comme alors, je n'y vois d'autre remède que l'intime alliance à laquelle l'Europe a dû son indépendance. Je souhaite que nos générations actuelles n'aient point dégénéré de leurs devancières, car les périls qui les attendent et l'audace de leurs ennemis ne sont pas moins grands. Si la Russie doit renouveler l'exemple de 1812, elle est prête à en subir l'épreuve. Puisse celui de 1813 n'être pas oublié!

Recevez, mon cher Oncle, l'assurance de mon invariable attachement.

7. Письмо Короля Вильгельма I Императору Александру II, 5/17 іюня 1863.

10 juin

[рукою Императора Александра II]:

Lisez le et rapportez le moi à midi vous même.

Schloss Babelsberg.

Ce 5/17 juin 1863.

Mon cher Neveu, Le Colonel de Loen mon Aide de Camp, que Vous aviez chargé d'une si bonne et importante lettre pour moi, aura l'honneur de Vous remettre cette réponse. Les questions graves que Vous abordez dans Votre lettre m'ont également occupé bien sérieusement depuis longtemps. J'y réponds donc avec toute la franchise qui est le privilège de l'amitié intime et confiante qui nous unit depuis si longtemps et qui nous met à même de suppléer aux travaux de nos diplomates, par l'épanchement immédiat de nos sentiments. Nos relations personnelles ont l'avantage d'être à l'abri des effets de cette défiance, que à juste titre Vous signalez comme la force principale de nos ennemis; en même temps les intérêts de nos peuples sont libres de tout élement de

divergence naturelle et assez sérieuse pour servir d'obstacle au rapprochement le plus intime en présence d'un danger commun.

Ce danger Vous le signalez en appelant mon attention à l'analogie frappante de la crise actuelle et de l'époque par laquelle l'Europe a passé au commencement de ce siècle. Je souscris pleinement à cette appréciation, et comme Vous, je n'y vois pas d'autre remède que l'entente intime des puissances, qui dans l'isolement se trouvent exposées à des agressions arbitraires. Guidé par cette considération, j'ai taché de rallier l'Autriche à la même manière de voir.

J'y ai eu à combattre cette défiance enracinée qui était le résultat naturel du passé, de la rivalité des deux grandes puissances de l'Allemagne. Je crois cependant avoir réussi à faire renaître les germes de la confiance, dont le développement est retenu surtout par la crainte de s'exposer au ressentiment de la France, sans retrouver auprès des anciennes alliances l'appui loyal et durable, dont l'Autriche aurait besoin dans ce cas.

A l'heure qu'il est je me tiens assuré, que dans le cas où mes provinces allemandes seraient attaquées, l'Autriche remplirait de bonne foi les stipulations du pacte fédéral, et qu'alors les autres gouvernements allemands suivraient cet exemple en joignant leurs forces aux notres. De plus je suppose, que dans le cas d'une descente française sur les côtes de la Baltique, il me serait possible de disposer le cabinet de Vienne à faire parti d'un système de neutralité favorable à la Russie, et renfermant des garanties propres à sauvegarder les intérêts des trois puissances copartageantes, par rapport à leurs possessions polonaises Si, en suivant de prime abord les inspirations de mon coeur et de nos souvenirs, je voulais, sans une entente préalable avec l'Autriche, Vous prêter un concours actif, dès que la Russie serait attaquée, ce procédé constituant au point de vue fédéral une agression dirigée par la Prusse contre une puissance étrangère, fournirait à l'Autriche et à la conféderation un prétexte spécieux pour se soustraire à toutes obligations découlant du pacte fédéral, et me priverait, quelque fût après le théâtre de la guerre, du droit d'exiger l'assistance de mes confédérés.

En même temps il est difficile à dire, si la coopération de la Prusse s e u l e serait de nature à améliorer les chances d'une guerre défensive contre la France, sans préjuger l'influence que l'entrée en guerre de la Prusse pourrait avoir sur les déterminations de l'Angleterre et de l'Autriche, la tâche de la France même deviendrait plus f a c i l e, si au lieu de s'attaquer aux d i f f i-

cultés que lui oppose la situation géographique de la Russie, l'agression pouvait se diriger dès dabord contre mes provinces limitrophes de la France.

Il m'est difficile de croire, que l'Empereur Napoleon puisse songer à entreprende cette année-ci une expédition dans la Baltique, la saison étant trop avancée; mais supposons qu'il le fasse. Si son attaque, tout en s'abstenant du territoire féderal, se dirigeait contre nous deux,—notre alliance se ferait d'elle même. Si au contraire il n'attaquait que la Russie, de manière que pour participer à la guerre, je devrais, quant à la forme, procéder à l'agression, je prendrais à tâche de disposer l'Autriche et l'Allemagne à une entente ayant pour but d'observer une neutralité bienveillante jusqu'au jour où je pourrais amener mes confédérés à la conviction, qui dès aujourd'hui est la mienne, savoir que dans la situation actuelle de l'Europe, tous les intérêts particuliers des gouvernements légitimes doivent se subordonner au besoin impérieux de repousser par des efforts solidaires toute attaque dirigée contre l'un d'entre eux par une puissance, qui se constitue l'allée de toutes les révolutions.

Toute ma sollicitude étant vouée à cette tâche, j'ai lu avec une vive satisfaction le passage de Votre lettre, où Vous prononcez franchement Votre adhésion au principe de l'alliance à laquelle l'Europe a dû son indépendance. Puissiez Vous trouver les moyens d'inspirer à Vienne cette conviction, que je puise moi dans Vos paroles et dans la foi sans réserve que j'ai en Vous, la conviction qu'à St.-Pétersbourg tout projet d'alliance française est condamné sans retour, et que l'Autriche pourra, sans risquer de s'isoler, renoncer à ce système de bascule qui fausse la position de tout le monde.

Il est vrai sans doute, que les traditions de la politique autrichienne obligent à une grande précaution ceux qui ont affaire au cabinet de Vienne; mais malgré la réserve que m'imposent les abus de confiance dont j'ai eu à me plaindre récemment, je ne cesse pas de faire mes efforts, à ramener l'Autriche à l'appréciation de ses intérêts qui sont identiques aux notres. J'ai voulu attendre avant de Vous répondre, le résultat d'ouvertures confidentielles que j'avais fait faire à Vienne; les rapports qui me sont parvenus depuis, me portent à croire, que mes démarches ne seront pas infructueuses. J'ai l'intention de faire proposer à l'Empereur François Joseph par une voie indirecte la garantie réciproque de nos provinces polonaises. Je prévois qu'en reponse on va me demander celle de la Vénétie, pour le cas ou l'agression

italienne serait soutenue par la coopération de la France. Je serais prêt à donner cette garantie pour une époque limitée, à condition que la Russie fasse la même chose. Y seriez Vous disposé, dans l'intention de rétablir à ce prix la grande alliance défensive, qui se compléterait par les états de la confédération germanique, dès que l'entente des trois puissances en fournirait la base? Aussi longtemps qu'au lieu de cette base il existe chez les gouvernements allemands l'appréhension de voir un jour l'Autriche méconnaître les conditions de son propre avenir au point de reprendre la déplorable politique qui lui a si mal réussi pendant la guerre d'Orient, l'action de l'Allemagne sera paralysée par la division et par la défiance mutuelle des dynasties

Je joins à cette lettre l'extrait d'un rapport du Baron de Werther, pour Vous faire voir sous quel jour se moutrent les vues du C-te Rechberg dans des entretiens qui comportent peut-être plus d'abandon que ceux qu'il peut avoir avec M. de Balabine. Vous jugerez Vous même, jusqu'à quel point il pourra Vous convenir de faire à Vienne des démarches plus directes que je serais toujours prêt à seconder

Toutes mes résolutions s'inspirent de la conviction, qu'entre Vous, l'Empereur d'Autriche et moi, nous ne puissions pas admettre la défaite de l'un des trois, sans que les deux autres à coup sûr y passent tout de même. Je Vous ai indiqué les considérations qui dans notre intérêt commun m'imposent des ménagements; il y en a encore une que je ne puis passer sous silence, c'est l'opposition que fait l'opinion publique en Prusse, à l'alliance Russe. La ligne de conduite adopté par mon gouvernement à l'intérieur, Vous prouve que je ne plie pas à des exigences arbitraires de cette opposition; mais je crois certain, que cette impopularité qui ne laisse pas d'être une entrave de nos relations, feront place à des sentiments tout à fait contraires, s'il y avait à espérer que l'intimité politique des deux gouvernements mènerait à une amélioration des rapports de commerce qui existent ou qui pourraient exister entre les deux pays.

Voilà, mon cher Sacha, ma manière de juger les graves complications que l'insurrection en Pologne nous a amené; il est bien regrettable que Vos troupes toujours braves et toujours victorieuses, n'ont point encore réussi de devenir maître de ce soulèvement révolutionnaire, qui agite maintenant toute l'Europe!

Je fini par Vos paroles: Que Dieu soit avec nous! Croyez toujours à l'invariable amitié que je Vous porte.

Votre tant dévoué Oncle et ami Guillaume.

8 Письмо Императора Александра II Королю Вильгельму I, 30 Іюня 1863 г.

Zarskoe-Selo, $\frac{30 \text{ juin}}{12 \text{ juillet}}$ 1863.

Mon cher Oncle, J'ai un peu tardé à répondre à la lettre amicale que le Col. Loen m'a remise de Votre part, parce que les sujets que Vous abordez en réponse à mes demandes étaient d'une nature trop grave pour être résolus avant que la situation politique ne se fut prononcée. Aujourd'hui je suis à même de les traiter avec une connaisance plus précise des éléments qui s'offrent à nos combinaisons. Je Vous transmets ci-près une copie des dépêches des trois Cours et des réponses que je viens d'arrêter. Elles Vous mettront au fait du status quo officiel. Mais je Vous dois en outre la confidence du fond de ma pensée. Vous êtes parfaitement dans le vrai, mon cher Oncle, en disant que le noeud de la situation est dans la défiance qu'il s'agit de calmer de la part du Cabinet de Vienne, afin de le ramener à une appréciation plus juste de ses propres intérêts. Les dernières nouvelles que j'ai reçues de Vienne me donnent quelque espoir d'y réussir. Du moins mon Ministre m'a fait savoir que le Gouvernement Autrichien adhère complètement à la combinaison que je propose d'une entente entre les trois Cours limitrophes sur les questions concernant l'administration de leurs provinces Polonaises, tout en exprimant un doute quant à l'accueil que cette marche rencontrera auprès des Cours Occidentales. Je ne négligerai aucun soin pour maintenir le Cabinet de Vienne dans ces dispositions conformes aux précédents historiques et à la nature des choses et qui, poursuivies avec quelque fermeté, peuvent conduire à une solution pacifique et rationnelle. Je compte sur Votre concours amical pour atteindre ce but. Quant aux éventualités qui peuvent surgir de la crise actuelle, je comprends les motifs qui Vous recommandent une attitude de réserve en cas de complications dans la Baltique; mais je doute qu'une neutralité, quelque bienveillante qu'elle soit pour nous, suffise pour sauvegarder la sécurité de l'Allemagne et les intérêts solidaires des trois Cours. Il me paraît évident que tôt ou tard la force des choses amènera une situation sur laquelle il eût été bon de s'entendre d'avance. J'attendais de Votre amitié, mon cher Oncle, la confidence du résultat des tentatives que Vous avez faites dans ce but à Vienne. Autant que je puis en juger par l'allusion contenue dans Votre lettre, les bases sur lesquelles elles reposent,—celles d'une garantie réciproque des possessions territoriales,—répondraient dif-

ficilement à l'urgence du moment. L'expérience nous a malheureusement éclairés sur le peu de valeur pratique de ces garanties sur papier. Elle nous a appris à compter plutôt sur le courage et la force de nos braves armées. Si notre état de possession était menacé, c'est là que pour ma part je chercherais avant tout la garantie de l'intégrité de mon pays. Mais cet état de possession n'est pas en question jusqu'à présent. Ce dont il s'agit c'est de me contraindre à subir un Royaume de Pologne dans des conditions d'existence qui y établiraient en permanence la révolution et la guerre. Voilà le danger contre lequel je dois me défendre et je crois qu'il ne menacerait pas les Etats voisins à un moindre degré. C'est pourquoi je ne saurais m'expliquer quant à présent sur l'éventualité d'une garantie de la Vénétie à l'Autriche. Cette garantie m'obligerait à prendre une position très avancée hors de la sphère de mes intérêts directs, sans que je puisse trouver une compensation suffisante dans la garantie de mes possessions Polonaises. — Une pareille combinaison ne pourrait trouver place que dans une entente des trois Cours sur des bases plus larges.—La situation actuelle offre deux catégories distinctes de questions: l'une immédiate et spéciale qui affecte les intérêts limitrophes des trois Puissances dans leurs possessions Polonaises et établit entre elles une solidarité qui doit les conduire à une entente locale, — l'autre plus générale se rattache à l'ensemble d'une situation politique qui depuis dix ans a mis le repos de l'Europe et la sécurité de chacune des grandes Puissances à la merci de l'ambition d'une seule et des entreprises révolutionnaires. Celle-là peut conduire les trois Cours à se demander s'il n'est pas temps de faire taire les défiances qui les séparent et les divergences qui les divisent, afin d'opposer à ces débordements la ferme barrière d'une résistance commune fondée sur des intérêts majeurs et communs. Je suis prêt à l'une comme à l'autre et je vois avec une vive satisfaction que dans cet ordre d'idées Vos sentiments sont d'accord avec les miens. Cette affinité des intérêts politiques de nos deux pays m'est trop chère pour que je n'apprécie pas l'importance de la cimenter par le lien des intérêts commerciaux. J'ai fait mettre cette question à l'étude et Vous pouvez être certain que tout ce qui est possible sera fait dans cette direction.

Recevez, mon cher Oncle, l'assurance de mon invariable et sincère affection.

VI.

ИЗЪ ПРОШЛАГО ФРАНКО-РУССКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

[1]) Значеніе Собранія трактатовъ Ф. Ф. Мартенса давно уже нашло себѣ справедливую оцѣнку. Оно служитъ незамѣнимымъ пособіемъ по исторіи русскихъ внѣшнихъ сношеній и, благодаря огромному, почти необозримому, архивному матеріалу, положенному въ основаніе историческихъ очерковъ, сопровождающихъ тексты договоровъ, даетъ во многихъ случаяхъ единственный ключъ къ важнѣйшимъ страницамъ русской исторіи. Тѣмъ горестнѣе сознаніе, что на пятнадцатомъ томѣ обрывается многолѣтній трудъ покойнаго ученаго. Въ предисловіи къ нему Ф. Ф. Мартенсъ писалъ: „Съ слѣдующимъ, XVI-мъ томомъ должна начаться послѣдняя, пятая, серія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ Оттоманской Имперіей. Если здоровье и обстоятельства позволятъ, то надѣюсь продолжить это единственное въ своемъ родѣ изданіе, на которое мною уже положены тридцать пять лѣтъ трудовой жизни“ (V). Надеждамъ этимъ не было суждено осуществиться, но и то, что было сдѣлано, настолько значительно, что, по справедливости, можетъ стать въ первомъ ряду крупныхъ научныхъ заслугъ покойнаго профессора.

Пятнадцатый томъ обнимаетъ договоры между Россіей и Франціей за 1822—1906 гг. Историческіе очерки, посвященные сношеніямъ двухъ странъ, кончаются 1856 г.

---

[1]) *Ф. Мартенсъ.* Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Т. XV. Трактаты съ Франціею 1822—1906. С.-Пб. 1909.

Остановимся на этихъ историческихъ очеркахъ. Они цѣликомъ относятся къ любопытному, надлежащимъ образомъ еще не изученному, періоду въ исторіи русской внѣшней политики, періоду служенія Россіи „великому союзу", созданному во имя охраны консервативныхъ началъ въ Европѣ. Отношенія между Россіей и Франціей въ высшей степени важны для характеристики этого періода, какъ потому, что съ судьбами Франціи связаны главные моменты исторіи „великаго союза", такъ и потому, что изъ Франціи былъ нанесенъ ему смертельный ударъ. Собранные Ф. Ф. Мартенсомъ въ XV томѣ матеріалы, поэтому, въ высшей степени цѣнны для уясненія общаго смысла и отдѣльныхъ эпизодовъ указаннаго періода русской и европейской международной исторіи.

Совершенно конкретная по своимъ задачамъ, проникнутая политическимъ реализмомъ, коалиція противъ наполеоновской Франціи, по окончаніи борьбы, превращается въ своеобразное, отвлеченное и, отчасти, мистическое въ своей характеристикѣ, политическое образованіе. Европа, прежде разрозненная и сдѣлавшася поэтому жертвой революціоннаго нашествія, начинаетъ мыслиться какъ организованное, единое цѣлое, подчиняющееся непреложному международному закону. Центръ новой организаціи—пять великихъ державъ, стоящихъ на стражѣ этого международнаго правопорядка и образующихъ въ своей совокупности „великій союзъ" (la grande alliance). Новый правопорядокъ обнимаетъ внѣшніе и внутренніе вопросы въ жизни европейскихъ державъ. Задачи въ обоихъ отношеніяхъ охранительныя: въ области международной жизни—поддержка договоровъ 1815 г. и въ области внутренней жизни—борьба съ „революціей". Таковъ замыселъ главныхъ дѣятелей эпохи конгресовъ, покоящійся на своей собственной исторической философіи—убѣжденіи, что политическая

жизнь Европы цѣликомъ сводится къ борьбѣ двухъ отвлеченныхъ „принциповъ“, принципа революціоннаго и принципа охранительнаго. Повидимому, этотъ замыселъ нигдѣ не былъ систематически и догматически обоснованъ; во всякомъ случаѣ, не актъ священнаго союза служилъ ему выраженіемъ;—но онъ лежитъ въ основѣ всей дипломатической переписки, всѣхъ соглашеній и всей борьбы той эпохи европейской исторіи.

Императоръ Александръ I вложилъ въ служеніе этой идеѣ всю свою энергію. Шатобріанъ передаетъ слѣдующія, сказанныя ему императоромъ въ Веронѣ, слова: „Не можетъ быть больше политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской; есть только общая политика, которая должна, для общаго спасенія, быть сообща принятой народами и государями. Мнѣ первому надлежитъ показать себя проникнутымъ началами, на которыхъ я обосновалъ союзъ“. Сношенія съ Франціей въ началѣ 20-хъ годовъ, обозрѣніемъ которыхъ открывается XV томъ собранія Мартенса, вращаются вокругъ политическаго вопроса, въ которомъ Императоръ Александръ видѣлъ особенно яркій поводъ къ приложенію на дѣлѣ идей „великаго союза“. Рѣчь идетъ объ испанской революціи. Позиція, которую заняло русское правительство, опредѣлилась еще въ 1820 г. Ф. Ф. Мартенсъ приводитъ выдержки изъ двухъ депешъ, одной—Поццо ди Борго въ Петербургъ, другой—Каподистріи къ герцогу Ришелье, главѣ въ то время французскаго правительства, повидимому скрестившихся по дорогѣ (къ сожалѣнію, дата первой не ясна, ибо не обозначенъ стиль) въ іюлѣ 1820 г. и характерныхъ тожествомъ своего содержанія. Первый писалъ, что „конфедераціи бунтовщиковъ“ великія державы должны противопоставить „соединеніе свѣтилъ и воли союзныхъ кабинетовъ—хранителей соціальнаго порядка въ Европѣ“; второй — рекомендовалъ французскому правительству

выбрать между двумя политическими теченіями, которыя охватили Европу: съ одномъ стороны, „утѣшительное зрѣлище настоящаго братства между всѣми государствами и прогресивнаго усовершенствованія общественныхъ учрежденій, съ другой—страшное царство анархіи и революціоннаго деспотизма со всѣми ужасами *diwide et impera* старой политики“ (здѣсь и ниже пользуюсь переводомъ Ф. Ф. Мартенса). Съ этой минуты и вплоть до того времени, когда французскія войска подъ начальствомъ герцога Ангулэмскаго перешли Бидассоа, русское правительство не переставало самымъ настойчивымъ образомъ добиваться, чтобы Франція взяла на себя возстановленіе „законнаго порядка“ въ Испаніи. Колебанія Вильеля, стоявшаго во главѣ французскаго управленія во время кризиса, вызывали въ Александрѣ I самое рѣзкое негодованіе. Найдя союзника въ новомъ, назначенномъ въ началѣ 1823 г., министрѣ иностранныхъ дѣлъ — Шатобріанѣ, русское правительство ухватилось за него, и не было тѣхъ похвалъ, которыя не расточались по его адресу. Въ рѣшительную минуту, когда могло казаться, что испанская экспедиція способна повлечь за собою для Франціи столкновеніе съ Англіей, гдѣ Каннингъ дѣятельно ликвидировалъ наслѣдіе государственныхъ людей 1815 г., императоръ Александръ безъ всякихъ колебаній далъ французскому правительству письменное обязательство, что будетъ разсматривать нападеніе на Францію, какъ нападеніе на „всѣхъ союзниковъ“. Самое крупное политическое предпріятіе французской реставраціи тѣсно связано, такимъ образомъ, съ именемъ Императора Александра I и съ его концепціей „великаго союза“, союза, который, послѣ отпаденія Англіи, именовался нѣсколько болѣе скромно, но все же торжественно „великимъ континентальнымъ союзомъ“. Недаромъ же Карлъ X, тотчасъ по вступленіи на престолъ, поспѣ-

шилъ увѣрить Поццо ди Борго, что „спасеніе Европы онъ усматриваетъ только въ силѣ этого союза, который представлялъ непреодолимыя препятствія всякимъ опаснымъ нововведеніямъ и революціоннымъ посягательствамъ“.

Ф. Ф. Мартенсъ склоненъ былъ весьма враждебно оцѣнивать политическую программу эпохи конгресовъ. Мы читаемъ у него такую оцѣнку одной изъ депешъ Нессельроде, относящейся къ переговорамъ между Франціей и Россіей по поводу испанскихъ событій: «Нѣтъ возможности болѣе рельефно выразить всю пустоту и явную фальшь знаменитой теоріи „права вмѣшательства“ во внутреннія дѣла чужихъ народовъ, которая господствовала въ началѣ истекшаго столѣтія. Въ основаніе этого „права“ были положены пустыя слова, имѣвшія единственную цѣль—отуманить здравый смыслъ и скрыть возмутительный произволъ и грубое насиліе. Напримѣръ, шаткій союзъ трехъ или четырехъ европейскихъ монарховъ называется громкимъ титуломъ „континентальнаго союза“». Такая оцѣнка, до сихъ поръ широко распространенная, ведетъ свое происхожденіе отъ традицій Каннинга и дѣятелей революціи 1848 г. Быть можетъ, наступила пора ее забыть: эпоха конгресовъ не дѣлается болѣе для насъ понятной отъ того, что мы до сихъ поръ смотримъ на нее глазами поколѣнія, которое боролось съ ея порядками и наградило насъ своею ненавистью къ нимъ. Несмотря на свою „пустоту и фальшь“, „теорія вмѣшательства“, идея „великаго континентальнаго союза“ наполняютъ собою цѣлую эпоху европейской исторіи. Мѣрить прошлое на современный аршинъ значитъ заранѣе закрыть себѣ возможность понять это прошлое. И каковы бы ни были прегрѣшенія политической философіи эпохи конгресовъ, въ основѣ ея лежала несомнѣнно крупная мысль.

Дипломатическая переписка съ Франціей во вторую половину царствованія Императора Александра I создала весьма любопытную традицію въ русско-французскихъ отношеніяхъ, унаслѣдованную Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и разрушенную не ранѣе Альмы и Севастополя. Мы наблюдаемъ ее въ указанной перепискѣ по поводу испанскаго революціоннаго движенія. Она сводится къ постоянной потребности русскаго правительства преподавать Франціи уроки политической морали. Бойкое перо и острый умъ Поццо ди Борго въ первую очередь служатъ этой цѣли: онъ снабжаетъ петербургскую канцелярію необходимымъ матеріаломъ, и изъ Россіи періодически отправляются подписанныя Нессельроде депеши, полныя „предостереженій“ и „совѣтовъ“ по дѣламъ внѣшней и внутренней политики Франціи. Умный Поццо, повидимому, соблюдаетъ нѣкоторую осторожность въ пользованіи резонерскимъ краснорѣчіемъ петербургскихъ депешъ и избѣгаетъ назойливости, но, все же, часть инструкцій онъ бывалъ вынужденъ выполнять. Этотъ, постепенно превращающійся въ традицію, тонъ переписки съ Франціей отравляетъ на цѣлыя дѣсятилѣтія русско-французскія отношенія, ибо, во-первыхъ, онъ не можетъ не вызывать постоянной досады въ Парижѣ и, во-вторыхъ, гипнотизируетъ само русское правительство, внушая ему потребность постоянно ворчать на Францію и постоянно подчеркивать свое несочувствіе французскимъ государственнымъ порядкамъ и французской политикѣ.

За описываемый въ историческихъ очеркахъ Ф. Ф. Мартенса періодъ самою свѣтлою страницею въ исторіи русско-французскихъ отношеній является несомнѣнно короткое царствованіе Карла X, къ которому Императоръ Николай I питалъ несомнѣнныя симпатіи. Правда, и здѣсь возникали поводы къ неудовольствію и читалась мораль (характерны, напримѣръ, выдержки изъ депеши

Нессельроде отъ 15/27-го апрѣля 1830 г., гдѣ предписывалось Поццо совѣтовать Карлу X не покушаться на хартію),—но все же, въ глазахъ Имп. Николая Павловича, Карлъ X оставался всегда монархомъ, честно относившимся къ тѣмъ консервативнымъ задачамъ, которымъ русскій императоръ служилъ. Но съ паденіемъ старшей линіи Бурбоновъ всѣ неблагопріятныя послѣдствія сложившейся еще при Александрѣ I традиціи начинаютъ сказываться.

Мартенсъ приводитъ рядъ любопытныхъ выдержекъ изъ документовъ, дающихъ новыя подробности относительно исторіи признанія іюльской монархіи. Императоръ Николай Павловичъ отнесся къ іюльскому перевороту съ нескрываемой ненавистью, и первой мыслью его было, что пришелъ часъ рѣшительной борьбы „великаго союза“ съ возвращающимся призракомъ революціи. Поццо ди Борго и Нессельроде пришлось приложить чрезвычайныя усилія къ тому, чтобы удержать императора и настоять на признаніи Луи Филиппа. На подробномъ докладѣ Нессельроде въ этомъ смыслѣ Императоръ Николай Павловичъ написалъ: „Сдаюсь на Ваше разсужденіе, но призываю Небо во свидѣтели, что это сдѣлано и останется противъ моей совѣсти и что это одно изъ самыхъ тяжелыхъ усилій которое я когда либо дѣлалъ. Я это отмѣчаю. Николай“. И Имп. Николай Павловичъ обставилъ признаніе такими условіями, которыя были несомнѣнно оскорбительны для Франціи. Я не буду приводить здѣсь очень извѣстныхъ фактовъ, лишній разъ подтверждаемыхъ въ перепискѣ, опубликованной Мартенсомъ, но вотъ одна характерная выдержка. Въ Петроградъ доходитъ извѣстіе, что пріемъ чрезвычайнаго посла Луи Филиппа и отвѣтныя письма Имп. Николая Павловича королю произвели неблагопріятное впечатлѣніе. Нессельроде пишетъ по этому поводу Поццо: „Сожа-

лѣнія, вызванныя въ королѣ французовъ и его министрахъ результатами миссіи генерала Аталэна, нисколько не удивляютъ Государя. Его Императорское Величество даже ихъ, нѣкоторымъ образомъ, ожидалъ, потому что онъ склоненъ думать, что Палэ-роялькій кабинетъ достаточно знаетъ свое положеніе, чтобъ понять, что не довольно добиться признанія своего титула со стороны другихъ дворовъ, но что его собственная польза требуетъ внушить имъ надлежащее довѣріе и быть принятымъ въ интимныя отношенія, которыя между ними существуютъ". Не мудрено, при такомъ тонѣ переписки, что временно замѣнявшій Поццо въ Парижѣ графъ Медемъ въ началѣ 1832 г. долженъ былъ констатировать и донести Нессельроде: „насъ не любятъ и никогда насъ во Франціи не полюбятъ". Мартенсъ подробно слѣдитъ за послѣдующимъ развитіемъ отношеній между Николаемъ Павловичемъ и Франціей Луи Филиппа. Весьма интересны данныя объ извѣстномъ изъ мемуаровъ Гизо конфликтѣ 1842—1843 гг., когда оба правительства взаимно обмѣнялись облеченными въ тонкія дипломатическія формы грубостями: французскій повѣренный въ дѣлахъ Перье заболѣлъ въ день принесенія поздравленій русскому императору 6-го декабря, а русскій Киселевъ—въ день принесенія поздравленій французскому королю 1-го января. Фигура посла Николая I, преемника Поццо, графа Палена, вѣрнаго хранителя консервативныхъ формулъ своего повелителя, испросившаго себѣ отпускъ, только бы не быть вынужденнымъ въ качествѣ старѣйшины дипломатическаго корпуса привѣтствовать въ Новый Годъ Луи Филиппа,— что̀ и послужило поводомъ къ инциденту,—выступаетъ съ большою яркостью изъ приводимыхъ Мартенсомъ выдержекъ.

Враждебныя Луи Филиппу манифестаціи били дальше

цѣли. Если въ служеніи охранительному идеалу „великаго союза“ Императоръ Александръ I шелъ до конца, то, напротивъ того, особенностью внѣшней политики Императора Николая I было стремленіе локализировать дѣйствіе началъ „великаго союза“ предѣлами чисто европейскихъ дѣлъ, а на Востокѣ рѣшать возникающіе вопросы независимо отъ „европейскаго концерта“. Трезвая восточная программа плохо мирилась, однако, на дѣлѣ съ общей европейской политикой Императора. Натянутыя отношенія съ Франціей въ Европѣ влекли за собою рѣзкіе конфликты на Востокѣ, и тотъ крупный факторъ въ рѣшеніи ряда возникавшихъ тамъ политическихъ проблемъ, какимъ была Франція, оказывался, за все царствованіе Луи Филиппа, факторомъ рѣзко враждебнымъ. Въ концѣ концовъ вдохновлявшееся враждою къ правительству Луи Филиппа, и въ частности къ Тьеру, котораго Императоръ Николай I ненавидѣлъ болѣе другихъ министровъ іюльской монархіи, стремленіе изолировать Францію въ египетскомъ вопросѣ побуждаетъ Императора пожертвовать лучшей частью своей политической программы и, попадая въ западню, приготовленную умѣлыми руками Пальмерстона, подписать первый коллективный, такъ называемый „четверной“, договоръ 1840 г. о проливахъ. Данныя, которыя собраны въ XV томѣ Собранія Мартенса для исторіи восточнаго вопроса въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, не представляютъ того огромнаго интереса и новизны, который представляли книги Собранія, посвященныя Австріи, Германіи и Англіи, но все же и въ немъ многое цѣнно для правильнаго пониманія отдѣльныхъ эпизодовъ этой исторіи.

Съ гибелью іюльской монархіи условія русско-французскихъ отношеній, сложившіяся послѣ 1830 г., остаются въ силѣ. Правда, Императоръ Николай I, какъ справедливо отмѣчаетъ Мартенсъ, принципіально отка-

зывается, послѣ февральской революціи, отъ вмѣшательства во внутреннія французскія распри, но этотъ отказъ отнюдь не знаменуетъ измѣны основамъ „консервативной“ политики. Напротивъ того, традиціи 1815 г. продолжаютъ вдохновлять русскую политику. Возстановленіе имперіи служитъ поводомъ къ новой дипломатической кампаніи Императора Николая, близко напоминающей mutatis mutandis кампанію при установленіи режима Луи Филиппа. Эффектъ такой политики остается прежнимъ — враждебныя отношенія со второй имперіей пагубно отражаются на русскихъ интересахъ на Востокѣ. Только на этотъ разъ Россіи приходится имѣть дѣло уже не съ вялымъ режимомъ буржуазной монархіи, а режимомъ, написавшимъ на своемъ знамени борьбу съ „трактатами 1815 г.“ и ищущимъ возможности, въ борьбѣ съ символизирующимъ консервативную Европу русскимъ императоромъ, обновить лавры наполеоновской имперіи. Конечный итогъ вызванной Императоромъ Николаемъ борьбы старой европейской программы съ новою подводится крымской войною.

Историческіе очерки, посвященные франко-русскимъ отношеніямъ за 1848 — 1856 гг., представляютъ центральный интересъ XV тома Собранія Мартенса. Въ большей своей части они раскрываютъ до сихъ поръ почти неизвѣстныя страницы въ исторіи европейской политики. Сюда относятся, прежде всего, документальныя данныя относительно сношеній Императора Николая съ правительствомъ второй республики непосредственно вслѣдъ за февральскимъ переворотомъ. Эти данныя существенно восполняютъ матеріалъ недавней монографіи о Ламартинѣ, какъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, (Quentin-Bauchart, 1907) и воспоминаній другого выдающагося министра иностранныхъ дѣлъ второй республики Токвиля. Послѣдующія сношенія

передъ крымской войной были уже достаточно освѣщены до Мартенса въ весьма интересной публикаціи Тувенеля (Nicolas I et Napoléon III, 1891), а почти одновременно съ появленіемъ XV тома въ русской литературѣ вышла работа Заіончковскаго (Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой, т. I, 1908), гдѣ въ приложеніи изданы документы, на которыхъ основывается разсказъ Мартенса. Историческіе очерки снова пріобрѣтаютъ громадный интересъ съ приближеніемъ къ парижскому конгресу. Для исторіи послѣдняго и переговоровъ, непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ, разбираемый томъ Собранія является (если не считать Жомини) единственной работой, основанной на русскихъ архивныхъ данныхъ. Остается лишь пожалѣть, что Мартенсъ не остановился на документахъ, касающихся парижскаго конгреса, съ нѣсколько большей подробностью. Исторія этого конгреса весьма затруднена тѣмъ, что протоколы его составлялись весьма искусственно и не даютъ картины истиннаго хода переговоровъ. Тѣмъ болѣе цѣнными были бы подробности, почерпнутыя изъ депешъ Орлова и Бруннова.

VII.

РИМЪ и НАПОЛЕОНЪ III.

[1]) Нѣтъ, можетъ быть, ни одного эпизода въ дипломатической исторіи Европы XIX столѣтія, который представлялъ бы большій интересъ и являлся болѣе запутаннымъ, нежели судьба римской политики Наполеона III. Безспорно, съ одной стороны, что вокругъ него вертятся причины историческихъ явленій, очень, на первый взглядъ, отдаленныхъ, и что онъ отражается на всемъ ходѣ международной борьбы середины XIX вѣка. Съ другой стороны, онъ складывается изъ сѣти историческихъ недомолвокъ и противорѣчій, въ которыхъ разобраться не такъ то легко; и это тѣмъ болѣе, что лица, принимавшія въ немъ участіе, сдѣлали все, чтобы запутать потомству возможность правильно оріентироваться въ исторіи вопроса и правильно установить роль, которую играло каждое изъ нихъ.

Буржуа и Клермонъ одинаково проникнуты какъ сознаніемъ важности вопроса съ исторической точки зрѣнія, такъ и его крайней осложненности, благодаря указаннымъ свойствамъ историческихъ источниковъ. Въ результатѣ такого сознанія явились двѣ особенности ихъ коллективнаго труда, особенности, которыя дѣлаютъ его несомнѣнно выдающимся явленіемъ въ новѣйшей литературѣ дипломатической исторіи XIX вѣка. Съ одной стороны, они поставили свою работу въ широкую рамку общеевропейской исторіи, слѣдуя

[1]) Emile Bourgeois et E. Clermont. Rome et Napoléon III (1849—1870). Etude sur les origines et la chute du second Empire. Paris. 1907.

въ этомъ отношеніи урокамъ великаго учителя всей французской молодой исторической школы — Альбера Сореля. Съ другой стороны, они отнеслись съ тщательнѣйшимъ вниманіемъ, къ чтенію тѣхъ документовъ, на которыхъ основана работа: пользованіе этими документами доведено до почти „математической“ точности; всякое положеніе доказывается почти такъ, какъ доказываются математическіе выводы; показаніе одного свидѣтеля провѣряется показаніями другого, и къ оцѣнкѣ всякаго документа прилагается здравый и правильный скептицизмъ. Это качество отнюдь не общераспространенно въ работахъ французскихъ ученыхъ аналогичнаго характера; объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ самъ Эмиль Буржуа, предыдущія работы котораго отличались необыкновенною поспѣшностью выводовъ и необыкновенно поверхностнымъ отношеніемъ къ документамъ.

Авторы раздѣлили свою работу на двѣ части: первую половину взялъ на себя Клермонъ, разработавшій исторію оккупаціи папской области въ 1849 году, вторую половину написалъ Буржуа, обратившій центральное вниманіе на событія 1869 и 1870 г.г. Между этими двумя частями лежитъ перерывъ, заполненный лишь наскоро составленной главой, занимающей 18 страницъ и посвященной исторіи всего періода между 1849 и 1869 годами, періода, полнаго интереса и отражающагося непосредственнымъ образомъ на окончательномъ рѣшеніи римскаго вопроса. Въ этомъ несомнѣнный недостатокъ работы, но онъ вполнѣ простителенъ, если принять во вниманіе, что обѣ центральныхъ части работы выполнены превосходно.

Никому не удавалось до сихъ поръ съ такою ясностью и такою логическою силою вскрыть запутанную и полную противорѣчій исторію оккупаціи Рима войсками второй французской республики, какъ Клермону, въ

первой части разбираемой книги. Политическій вопросъ, который ставился передъ французскимъ правительствомъ въ 1849 году, имѣлъ весьма сложное заданіе. Въ Римѣ только что была провозглашена республика, водворенная на смѣну реакціоннаго режима папы Пія IX. Пій IX удалился въ Гаету и собиралъ вокругъ себя всѣ итальянскія и европейскія реакціонныя силы, готовыя оружіемъ возстановить его свѣтскую власть въ Римѣ. Во Франціи боролись два теченія—съ одной стороны только что вышедшіе изъ реакціоннаго взрыва республиканское правительство и республиканскій парламентъ, и, съ другой, „принцъ-президентъ“, готовившійся къ государственному перевороту во имя возстановленія имперіи. Желаніе помѣшать реакціонной Европѣ помимо воли Франціи водворить папу въ Римѣ влекло къ вмѣшательству въ происходившую на берегу Тибра борьбу указанные первые элементы тогдашней Франціи; для нихъ задачей вмѣшательства не было и не могло быть возстановленіе папской власти и разрушеніе римской республики; имъ дорога была идея, которую символизировало имя Маццини. Принцъ-президентъ, напротивъ того, видѣлъ въ этомъ вмѣшательствѣ, прежде всего, средство пріобрѣсти поддержку клерикально настроенной французской арміи и французскаго вліятельнаго духовенства и сознательно искалъ возстановленія папской свѣтской власти. Обѣ тенденціи, прямо противоположныя другъ другу, развиваются параллельно: по мѣрѣ того, какъ вѣсы склоняются во Франціи въ пользу то одного, то другого изъ борющихся элементовъ, колеблется и политика въ Римѣ. Въ концѣ концовъ, въ Парижѣ побѣждаетъ вліяніе принца-президента, и французскій оккупаціонный корпусъ, встрѣченный Римомъ, какъ отрядъ „республиканскихъ братьевъ“, водворяетъ Пія IX въ Ватиканѣ. Двусмысленность каждаго шага, сопровождающаго оккупацію,

слабость парижскаго республиканскаго большинства, двойная игра всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, фатальность грустнаго исхода кампаніи,—все это съ большою яркостью и мастерствомъ изображено авторомъ первой части разбираемаго сочиненія.

Не менѣе занимательной представляется и исторія переговоровъ вокругъ римскаго вопроса въ концѣ наполеоновскаго царствованія. Сознавая въ концѣ 60-хъ годовъ, что война съ Пруссіей сдѣлалась неизбѣжною, и затѣмъ легкомысленно начавъ ее въ 1870 г., французскіе государственные люди того времени продолжаютъ все время думать объ оборонѣ свѣтской власти папства, а тѣмъ самымъ подрываютъ въ концѣ возможность найти союзниковъ въ Европѣ. Несмотря на всю внутреннюю слабость наполеоновскаго режима, эти возможные союзники безспорно существовали въ лицѣ Италіи и Австріи. Во что бы то ни стало стремясь сохранить власть Пія IX, Франція закрываетъ себѣ возможность ихъ помощи. Италія,—при всемъ желаніи Виктора Эммануила помочь Наполеону III,—не можетъ сдѣлать этого, пока послѣдній мѣшаетъ ей занять Римъ. Австрія готова идти съ Италіей, но одна не рѣшается рисковать борьбой съ Пруссіей и стоящей за нею Россіей. Отказываясь измѣнить политикѣ 1849 года, наполеоновское правительство, наканунѣ тяжелыхъ испытаній войны 1870—1871 г.г., съ легкимъ сердцемъ отказалось отъ помощи двухъ великихъ державъ, въ искренности которыхъ въ ту минуту оно не могло сомнѣваться. И это было бы, можетъ быть, не столь трагичнымъ, если бы дѣло шло только объ испытаніяхъ на восточномъ фронтѣ; нѣтъ, одновременно съ пораженіями у Седана и Меца, происходитъ крушеніе и того дѣла, которому Наполеонъ десятки лѣтъ служитъ безкорыстно и вѣрно, дѣло свѣтской власти папъ. Эвакуація Рима французскимъ оккупаціоннымъ корпу-

сомъ и затѣмъ Venti Settembre, черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ, во имя охраны власти Пія IX, Франція отказалась отъ двухъ полезнѣйшихъ внѣшнихъ союзовъ, служатъ, не менѣе Седана и Меца, характерными признаками гибели всего политическаго зданія, которое построилъ во Франціи и въ Европѣ племянникъ великаго Наполеона.

Описаніе этого процеса требуетъ еще большаго вниманія со стороны историка, нежели описаніе исходнаго пункта римской эпопеи второй имперіи. Секретные переговоры, предшествовавшіе войнѣ и возобновившіеся въ моментъ ея открытія, были извѣстны лишь въ небольшихъ обрывкахъ. Буржуа удалось дать полную картину всего лабиринта этихъ переговоровъ. Она полна захватывающаго драматизма, и невольно заражаешься тѣмъ чувствомъ патріотической скорби, которымъ проникнуты изысканія автора, дающія впервые возможность оцѣнить всю глубину легкомыслія и самонадѣянности министерства Эмиля Оливье.

VIII.

КОРОНА и ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА ВЪ АНГЛІИ ПРИ КОРОЛЕВѢ ВИКТОРІИ.

Королева Викторія исторіи не боялась. Послѣ смерти мужа, принца-супруга, она приняла дѣятельное участіе въ изданіи его біографіи, сливавшейся на пространствѣ двухъ десятковъ лѣтъ съ ея собственной біографіей, и снабдила автора цѣнными, иногда интимнѣйшими документами; она дважды сама печатала выдержки изъ своего дневника и любила дарить ихъ съ надписью: „отъ скромнѣйшей изъ писательницъ“. Сынъ покойной королевы, король Эдуардъ VII, слѣдовалъ ея завѣтамъ и издалъ переписку своей матери за первую половину ея жизни [1]). Опубликованные документы представляютъ величайшій интересъ: вся англійская и отчасти европейская исторія за 1837—1861 гг. находитъ въ нихъ краснорѣчивое и авторитетное отраженіе. Исчерпать этотъ матеріалъ въ его цѣломъ невозможно въ краткомъ очеркѣ. Мы ставимъ себѣ болѣе скромную задачу и постараемся отвѣтить, на основаніи переписки, на вопросъ о томъ, какъ королева училась дѣлу конституціоннаго монарха и каковы были достигнутые ею къ серединѣ царствованія результаты.

Королева вступила на престолъ въ 1837 г., будучи 18-ти лѣтъ отъ роду, и скончалась въ 1901 г., восьмидесяти-одного года и восьми мѣсяцевъ. Ей выпало на долю стоять во главѣ Англіи въ теченіе болѣе чѣмъ шести десятилѣтій, во время которыхъ произошли круп-

---

[1]) „The letters of Queen Victoria. Published by authority of His Majesty the King“. Первое изданіе 1907; второе, удешевленное, 1908.

нѣйшія событія въ исторіи страны и родилась современная Англія. Только за эти десятилѣтія окончательно выросъ и окрѣпъ тотъ политическій порядокъ, которымъ мы привыкли издали любоваться, въ которомъ мы привыкли искать свои политическіе идеалы и который кажется намъ верхомъ гармоніи и изящества. Въ созданіи этого строя королевѣ Викторіи безспорно принадлежатъ существенныя заслуги. Если роль короны въ Англіи рисуется намъ въ эту минуту въ краскахъ, правда, не яркихъ, но во всякомъ случаѣ мягкихъ и не рѣжущихъ глаза, если мы видимъ въ коронѣ историческій и небезполезный вѣнецъ англійской государственной постройки, то не слѣдуетъ забывать, что это цѣликомъ дѣло королевы Викторіи. Англійская корона въ XVIII-мъ и за первыя дѣсятилѣтія XIX-го вѣка представляется намъ скорѣе источникомъ внутренней анархіи и смуты; она лишена обаянія и служитъ предметомъ рѣзкихъ нападокъ и подчасъ острой ненависти. Переворотъ произошелъ не сразу, но королева Викторія вложила въ дѣло столько доброй воли и столько стараній, что онъ совершился. Въ этомъ смыслѣ жизнь королевы Викторіи — часть англійской конституціонной исторіи. Изучая переписку, опубликованную королемъ Эдуардомъ, перевертываешь страницы любопытной и важной главы въ книгѣ политическихъ судебъ великой страны.

Королева записала въ своемъ дневникѣ въ день смерти Вильгельма IV и своего вступленія на престолъ (20 іюня 1837 г.): „Разъ Провидѣнію угодно было поставить меня на это мѣсто, я все сдѣлаю, чтобы исполнить мой долгъ въ отношеніи моей страны; я очень молода и, можетъ быть, во многихъ, но не во всѣхъ отношеніяхъ, неопытна, но я увѣрена, что лишь немногіе имѣютъ больше дѣйствительной доброй воли и

больше желанія дѣлать то, что полезно и справедливо, чѣмъ я". За день до того королева, тогда еще принцесса Викторія, писала своему дядѣ и ближайшему другу, бельгійскому королю Леопольду I [1]): „Я смотрю впередъ на событіе, которое, кажется, скоро будетъ имѣть мѣсто [воцареніе], спокойно и увѣренно: однако я надѣюсь, что съ доброй волей, честностью и смѣлостью я во всякомъ случаѣ съ нимъ справлюсь" (19 іюня 1837 г.). Король отвѣчалъ: „Увѣренность въ успѣхѣ часто является причиной успѣха, и вы хорошо сдѣлаете, если сохраните это чувство" (23 іюля 1837 г.).

Король былъ правъ: залогъ успѣха былъ на лицо. Отсутствіе сколько-нибудь преувеличеннаго представленія о своихъ способностяхъ и подготовкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хладнокровное спокойствіе тамъ, гдѣ, казалось бы, его всего меньше можно было бы ожидать— эти качества помогли королевѣ Викторіи справиться съ возложенной на нее событіями задачей. Чувство долга и добрая воля сдѣлали остальное.

То, что королева получила отъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, весьма осложняло ея миссію. Довѣріе къ коронѣ было глубоко поколеблено, и ей очень скоро пришлось считаться съ этимъ фактомъ. Первые полтора года царствованія прошли болѣе или менѣе безмятежно. Королева унаслѣдовала либеральное министерство лорда Мельбурна и очень скоро прониклась самымъ живымъ сочувствіемъ къ нему. Мельбурнъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, чтобы завоевать ея симпатіи, съ отеческою нѣжностью руко-

[1]) Выдающійся государственный человѣкъ, одинъ изъ создателей современной Бельгіи, Леопольдъ I, будучи еще принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, женился на англійской принцессѣ Шарлоттѣ, дочери Георга IV, считавшейся наслѣдницею англійскаго престола, но рано умершей. До избранія на бельгійскій престолъ онъ жилъ въ Англіи.

водя каждымъ шагомъ молодой королевы. Въ 1839 г. консервативной оппозиціи, во главѣ которой стоялъ государственный человѣкъ неизмѣримо болѣе крупный, нежели Мельбурнъ — „великій коммонеръ“, серъ Робертъ Пиль,—удалось нанести либеральному кабинету пораженіе по вопросу о пріостановкѣ дѣйствія законодательнаго собранія на Ямайкѣ. Королева была глубоко огорчена и разстроена. Въ одномъ изъ писемъ къ лорду Мельбурну, проникнутомъ чѣмъ-то дѣтскимъ и наивнымъ, она пишетъ: „Королева думаетъ, что лордъ Мельбурнъ, можетъ быть, хотѣлъ бы знать, какъ она чувствуетъ себя сегодня утромъ [1]); королева немного спокойнѣе; она была вчера въ ужасномъ состояніи до девяти часовъ вечера, когда она постаралась думать съ меньшею грустью объ этой ужасной перемѣнѣ, и ей удалось успокоиться, пока она не ушла спать и спала хорошо; но когда она сегодня проснулась, все, все, что случилось за одинъ короткій, но богатый событіями день, съ силою вновь пришло ей на умъ и вернуло ее къ ея горю. Теперь королева чувствуетъ себя лучше, но она не могла прикоснуться къ ѣдѣ ни вчера вечеромъ, ни сегодня. Королева надѣется, что лордъ Мельбурнъ хорошо спалъ, хорошо себя чувствуетъ и сегодня утромъ придетъ ровно въ одинадцать часовъ“ (8 мая 1839 г.)... Дѣлать было, однако, нечего; установившійся порядокъ требовалъ перемѣны министерства, и серъ Робертъ Пиль получилъ порученіе составить кабинетъ. Торіи сразу поставили условіемъ своего вступленія въ управленіе перемѣну состава двора молодой королевы. Требованіе это лишь отчасти отвѣчало яснымъ конституціоннымъ прецедентамъ; при перемѣнѣ министерства составъ придворныхъ лордовъ всегда измѣнялся, но

---

[1]) Переписка между королевой и министрами, даже чисто личнаго характера, ведется всегда въ третьемъ лицѣ.

вопросъ о придворныхъ дамахъ былъ спорнымъ. «Серъ Робертъ—пишетъ королева въ своемъ дневникѣ—сказалъ: „Теперь о дамахъ“, на что я отвѣтила, что не могу отказаться ни отъ одной изъ моихъ дамъ, и никогда объ этомъ и не помышляла. Онъ спросилъ, намѣрена ли я сохранить всѣхъ. Я сказала: „всѣхъ“.—„The Mistress of the Robes and the Ladies of the Bedchamber?“ [1]) Я отвѣтила: „всѣхъ“. Онъ указалъ, что онѣ—жены представителей оппозиціи, упомянувъ о лэди Норманби въ особенности, какъ о женѣ одного изъ бывшихъ министровъ. Я сказала, что никогда не говорю съ ними о политикѣ, что многія изъ нихъ въ родствѣ съ торіями, и перечислила ихъ среди моихъ Bedchamber women и Maids of Honour; онъ сказалъ, что думалъ о Mistress of the Robes и о Ladies of the Bedchamber; на что я отвѣтила, что послѣднія важнѣе первыхъ, что я не могу согласиться и что это прежде никогда не дѣлалось. Онъ сказалъ, что я—царствующая королева, и это составляетъ разницу. „Не въ этомъ отношеніи“, сказала я,—и настаивала на своемъ правѣ“» (9 мая 1839 г.). Пиль не согласился составить, при этихъ условіяхъ, министерство, и Мельбурнъ вернулся ко власти послѣ рѣшенія виговъ поддержать королеву въ вопросѣ о придворныхъ дамахъ. Этотъ, когда-то знаменитый, инцидентъ (the Bedchamber question), отодвинувшій на два года переходъ власти къ Пилю, на первый взглядъ мало понятенъ: зачѣмъ надо было крупному государственному человѣку во что бы то ни стало смѣнить нѣсколькихъ придворныхъ дамъ, къ которымъ королева относилась съ большой симпатіей? Объясненіе легко найти въ перепискѣ королевы. Леопольдъ I пи-

---

[1]) Придворныя званія, которыя трудно перевести на русскій языкъ: буквально первое значитъ „начальница платьевъ“, второе—„дамы спальни“.

шетъ ей черезъ нѣсколько дней по окончаніи кризиса: „Пиль, предъявивъ свое требованіе, дурно судилъ о васъ; онъ помнилъ о Георгѣ IV и о покойномъ королѣ, и ему мерещились придворныя вліянія лицъ, стоящихъ около монарха. Вы же имѣете большое достоинство, за которое нельзя достаточно васъ хвалить: вы въ высшей степени честны и порядочны въ своихъ дѣйствіяхъ. Еслибы вы удержали Пиля, вы бы дѣйствовали по отношенію къ нему честно, при чемъ никакая дама не имѣла бы ни малѣйшихъ шансовъ причинить ему какой-либо вредъ“ (17 мая 1839 г.). Это письмо, кончающееся нѣкоторымъ поученіемъ, даетъ ключъ къ инциденту съ придворными дамами. Вліятельная партія настолько мало довѣряла коронѣ, настолько боялась придворныхъ интригъ, что была вынуждена отказаться отъ власти изъ-за вопроса о близко стоящихъ къ королевѣ дамахъ.

Королева на этотъ разъ восторжествовала, но та атмосфера рѣзкаго взаимнаго недовѣрія между короной и представителями одной изъ парламентскихъ партій, въ которой инцидентъ разыгрался, повидимому произвела огромное на нее впечатлѣніе. Въ первую минуту она считала себя правой. „Я нашла и буду находить поддержку въ моей странѣ, которая относится съ большимъ энтузіазмомъ къ происшедшему и громко аплодировала мнѣ, когда я ѣхала въ церковь въ субботу“,—писала она послѣ возвращенія Мельбурна (14 мая 1839 г.). Но мало-по-малу сознаніе опасностей, сопряженныхъ съ этой атмосферой, ясно предстало передъ королевой. Борьба за личный режимъ ей была не подъ силу, и она никогда о ней не помышляла. Изъ чувства благоразумія надо было помириться съ торіями, и королева честно пошла на встрѣчу этой необходимости. Это было трудно, потому что торіи ничего не сдѣлали, чтобы облегчить примиреніе. Напротивъ того,

по выраженію королевы, „они вели себя очень дурно“ въ томъ близкомъ для королевы вопросѣ, рѣшеніе котораго могло отъ нихъ зависѣть. Въ 1840 г. королева объявила о своемъ намѣреніи выйти замужъ за принца Альберта Саксенъ-Кобургскаго. Будущему принцу-супругу надо было назначить ежегодное содержаніе; Мельбурнъ внесъ билль объ ассигнованіи 50.000 фунтовъ: торіи, соединившись съ радикалами, въ самой рѣзкой формѣ протестовали и настояли на уменьшеніи этой суммы до 30.000 фунтовъ. Пренія были, по выраженію короля Леопольда, въ высшей степени „вульгарны и непочтительны“. „Я не понимаю торіевъ,—прибавлялъ онъ,—люди, которые защищаютъ достоинство короны, такъ трактуютъ своего суверена, въ такую минуту!“ (31 января 1840 г.).

Не смотря на все это, когда въ 1841 г. стало яснымъ, что милое сердцу королевы, но безцвѣтное министерство лорда Мельбурна должно пасть, королева, не дожидаясь развязки, поспѣшила первая заранѣе заявить о своей готовности отказаться отъ плодовъ своей побѣды 1839-го года. Въ памятной запискѣ секретаря принца Альберта мы находимъ слѣдующую запись, представляющую рѣзкій контрастъ съ приведенной выше выдержкой о скорби королевы по поводу перспективы разлуки съ Мельбурномъ двумя годами ранѣе. „Видѣлъ лорда Мельбурна послѣ его свиданія сегодня утромъ съ королевою. Онъ сказалъ, что ея величество была совершенно спокойна и разсудительна, и казалась вполнѣ готовой къ отставкѣ правительства. Онъ сказалъ, что она согласна, если потребуется, уступить по вопросу о дамахъ, но очень хотѣла бы, чтобы этотъ пунктъ былъ предварительно установленъ переговорами съ серомъ Р. Пилемъ, дабы избѣжать всякихъ споровъ или несогласій“ (5 мая 1841 г.). По приказанію королевы тотъ же секретарь отправился къ серу Роберту и

заявилъ ему, что королева готова по собственной своей иниціативѣ отказаться отъ придворныхъ дамъ, на уходѣ которыхъ онъ прежде настаивалъ, но не желаетъ, чтобы вопросъ былъ поставленъ въ формѣ требованія при составленіи министерства. Пиль поспѣшилъ успокоить королеву. „Я скорѣе откажусь отъ всякой претензіи на должность,—сказалъ онъ,—нежели допущу, чтобы принятіе ея мною было сопряжено съ какимъ-либо личнымъ униженіемъ для королевы". Отказъ отъ придворныхъ званій со стороны трехъ дамъ, связанныхъ родствомъ съ вигами, его вполнѣ удовлетворилъ, и онъ просилъ королеву указать ему, кого она желаетъ назначить на ихъ мѣсто (9 мая 1841 г.).

Гораздо позднѣе Биконсфильдъ, говоря объ отношеніяхъ между королевой и Гладстономъ, никогда не отличавшихся особенной теплотой, выразился такъ: „Гладстонъ обращается съ королевой какъ съ казеннымъ учрежденіемъ, я же отношусь къ ней какъ къ женщинѣ". Полный глубокаго такта и высокой порядочности отвѣтъ Пиля на проявленную королевой готовность мирно уладить вопросъ о дамахъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ смыслѣ онъ былъ ближе къ своему будущему врагу, нежели къ своему ученику и другу. Результаты обоюдной уступчивости не замедлили сказаться. Примиреніе съ торіями въ 1841 г. знаменуетъ собою поворотный пунктъ въ англійской исторіи: корона вернула себѣ то довѣріе, которое пошатнулось при послѣднихъ Георгахъ, вернула его, сознательно и, вѣроятно, навсегда отказавшись отъ какихъ бы то ни было попытокъ мѣшать правильному функціонированію парламентскаго управленія. Въ душѣ королевы не сохранилось никакой горечи. Въ 1846 г., разставаясь съ Пилемъ, королева писала ему, что „выражаетъ свое глубокое огорченіе по поводу конца его службы"; „въ какомъ положеніи ни находился бы серъ Робертъ Пиль

мы всегда будемъ смотрѣть на него какъ на добраго и вѣрнаго друга и навсегда сохранимъ глубокое уваженіе къ нему, какъ къ министру и частному человѣку“ (1 іюля 1846 г.). Шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ инцидента 1839 года, королева, вспоминая о немъ, сказала: „я была очень молода тогда, и возможно, что я поступила бы совершенно иначе, еслибы все пришлось продѣлать вновь“.

Много разъ послѣ паденія министерства Пиля пришлось королевѣ переживать перемѣны въ составѣ правительства; передъ нею прошли всѣ крупные политическіе люди современной Англіи—лордъ Джонъ Рессель, лордъ Дерби, лордъ Абердинъ, лордъ Пальмерстонъ, снова Дерби, снова Пальмерстонъ, снова Рессель, въ третій разъ Дерби, Дизраэли, Гладстонъ, снова Дизраэли, снова Гладстонъ, Солсбери, въ третій разъ Гладстонъ, во второй разъ Солсбери, въ четвертый разъ Гладстонъ, Розбери, въ третій разъ Солсбери. Каждый разъ перемѣна кабинета вызывала въ королевѣ напряженное волненіе, и она никогда не оставалась пассивною зрительницею происходившаго; зачастую составленіе министерства сопряжено было съ немалыми затрудненіями, и бывали минуты, когда, казалось, положеніе было безвыходнымъ. Достаточно вспомнить кризисъ, вызванный паденіемъ коалиціоннаго министерства лорда Абердина въ 1855 г., въ самый разгаръ крымской войны. Партіи были раздроблены: консервативная группа, ослабленная такъ называемой „измѣной“ Пиля въ 1846 г. и образованіемъ промежуточной группы „пилитовъ“ съ Гладстономъ во главѣ, еще не успѣла сформироваться, подъ предводительствомъ Дизраэли, въ ту сильную партію, которая такъ часто держала въ своихъ рукахъ управленіе Великобританіей въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка; либералы были разъединены благодаря присутствію двухъ равноправныхъ вождей, въ лицѣ лорда Джона Росселя и лорда Пальмерстона; пилиты

еще не превратились въ либераловъ гладстоновскаго типа. Цѣлую недѣлю шли безуспѣшные переговоры съ отдѣльными политическими дѣятелями, и только въ концѣ концовъ удалось, благодаря благородной поддержкѣ уходившаго въ отставку перваго министра, создать жизнеспособное цѣлое, въ видѣ кабинета Пальмерстона. Въ этомъ и во всѣхъ остальныхъ, менѣе осложненныхъ положеніяхъ помыслы королевы всецѣло были направлены на то, чтобы облегчить функціонированіе системы кабинета. Она приносила при этомъ въ жертву всѣ свои личныя симпатіи и антипатіи, напряженно стараясь обезпечить необходимыя условія для образованія по возможности прочныхъ политическихъ комбинацій. Переписка по поводу образованія кабинета Пальмерстона въ 1855 г. служитъ прекрасной тому иллюстраціей. Королева, по причинамъ, о которыхъ скажу ниже, не любила Пальмерстона и была убѣждена, что его дѣятельность приноситъ вредъ странѣ; наоборотъ, она высоко цѣнила Абердина и связана была съ нимъ узами тѣсной дружбы,—и тѣмъ не менѣе она самымъ добросовѣстнымъ образомъ работала надъ переходомъ власти отъ второго къ первому, видя въ этомъ единственное средство создать сильное министерство. Вотъ свидѣтельство этихъ стараній королевы въ письмѣ, написанномъ принцемъ-супругомъ Абердину, въ самый разгаръ затрудненій: „Дорогой лордъ Абердинъ, для королевы будетъ большимъ облегченіемъ, если вы согласитесь на предложеніе, которое, какъ мы понимаемъ, будетъ вамъ сдѣлано, войти въ составъ новаго правительства, и тѣмъ побудить мистера Гладстона, мистера Сидней Герберта и сера Джемса Грехема сдѣлать тоже“ (6 февраля 1855 г.). Послѣдствіемъ этого письма было рѣшеніе названныхъ въ немъ „пилитовъ“ войти въ составъ кабинета Пальмерстона, благодаря чему новое министерство и могло образоваться.

Минуты перехода власти отъ одного кабинета къ другому дѣлаютъ роль короны въ конституціонномъ государствѣ гораздо болѣе яркою, нежели она представляется въ годы безмятежной власти того или иного министерства. Послѣ тяжелаго опыта столкновенія съ торіями въ началѣ царствованія, королева всегда ясно сознавала въ эти минуты свой высокій долгъ конституціоннаго монарха. Принося въ жертву ему свои личныя чувства, она научилась служить тому идеалу, о которымъ она писала въ своемъ дневникѣ въ день восшествія на престолъ.

И съ какою грустью говоритъ королева о тѣхъ случаяхъ, когда политическая комбинація не позволяла ей найти дѣйствительно цѣлесообразный выходъ изъ трудныхъ положеній. Въ 1852 г. отставка лорда Джона Ресселя заставила ее призвать ко власти лорда Дерби, главу консерваторовъ. Вотъ, что пишетъ она Леопольду I по этому поводу: „Большія и не очень пріятныя событія случились съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писала. Я знаю, что Ванъ-де-Вейеръ (бельгійскій посланникъ въ Лондонѣ) увѣдомилъ васъ обо всемъ, о дѣйствительно (до послѣдняго дня) нежданномъ пораженіи и о принятіи управленія лордомъ Дерби, съ очень плачевнымъ кабинетомъ [1]). Я считаю, однако, необходимымъ, чтобы они

[1]) Взглядъ королевы оказался ошибочнымъ: въ составъ кабинета вошелъ, въ качествѣ канцлера казначейства и лидера палаты общинъ, Дизраэли, сразу превратившійся изъ эксцентричнаго литератора и честолюбиваго homo novus въ руководителя судебъ Англіи. Впрочемъ, самъ Дерби говорилъ о своихъ товарищахъ: „Я чувствую себя весьма хорошо съ моими ребятами (babies)“. Мало-по-малу королева научилась цѣнить Дизраэли и, повидимому, ставила его выше всѣхъ другихъ своихъ первыхъ министровъ. Могила Дизраэли украшена поставленной королевою доской съ надписью: „Дорогой и высокой памяти Бенжамена графа Биконсфильда поставленъ этотъ памятникъ его благодарнымъ сувереномъ и другомъ Викторіей К. И.“ (королевой-императрицей).

попытали свои силы, и поэтому примирилась съ этимъ. Разъ страна останется спокойной и они будутъ осторожны въ своей внѣшней политикѣ, я отнесусь къ этому опыту настолько терпѣливо, насколько могу..." (24 февраля 1852 г.).

Было бы большою ошибкою думать, что сознательное и честное подчиненіе системѣ парламентскаго правительства знаменовало собою для королевы полный отказъ отъ участія въ государственномъ управленіи. Мы слишкомъ склонны довѣрять Беджготу въ его классическомъ описаніи англійской королевской власти, какъ чисто „орнаментальной" части англійской конституціи. Болѣе глубокій знатокъ исторіи этой конституціи [1]) предостерегаетъ отъ увлеченія такимъ тезисомъ: „Немногіе— говоритъ онъ—на самомъ дѣлѣ знаютъ, много или мало вліяютъ на ходъ управленія личныя желанія королевы. Я сильно подозрѣваю, что въ общихъ представленіяхъ ея вліяніе скорѣе преуменьшается, нежели преувеличивается". Переписка королевы краснорѣчиво подтверждаетъ правильность этого мнѣнія.

Въ области чисто внутренняго управленія королева съ самаго начала царствованія склонна была довѣрять своимъ конституціоннымъ совѣтникамъ и рѣдко брала на себя иниціативу какихъ-либо новыхъ мѣропріятій или критику того, что дѣлали ея министры. За исключеніемъ, повидимому, лишь вопроса объ ирландскомъ гомрулѣ, выдвинутаго во второй половинѣ ея царствованія, королева была чужда какого-либо предвзятаго консерватизма или страха реформъ. Она прониклась тѣми коренными свойствами, которыя отличаютъ государственное творчество Англіи: отсутствіемъ политическаго доктринерства, готовностью жить по старому образцу, пока жизнь не потребуетъ его измѣненія, твер-

[1]) F. W. Maitland.

дою рѣшимостью въ ту минуту, когда выяснилась необходимость преобразованія, отказаться отъ традиціи, забыть вчерашнюю политическую программу и смѣло пойти на встрѣчу новшеству. Достаточно прочесть обширную переписку королевы по поводу крупнѣйшей внутренней реформы первой половины царствованія—отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ 1846 г.,—чтобы въ этомъ убѣдиться. Королева слѣдитъ съ живѣйшимъ вниманіемъ за судьбой этой реформы, и всѣ ея симпатіи на сторонѣ Пиля, смѣло, вопреки своей собственной программѣ, стремленіямъ значительной части своей собственной партіи и своимъ личнымъ политическимъ выгодамъ, рѣшившагося разорвать съ традиціоннымъ англійскимъ протекціонизмомъ. „Пиль — пишетъ королева своему постоянному корреспонденту, королю Леопольду—находится въ очень странномъ положеніи, и только сила обстоятельствъ и громадная энергія могутъ помочь ему пережить сессію. Онъ дѣйствуетъ, конечно, съ величайшей незаинтересованностью, ибо, еслибы онъ не чувствовалъ (что всякій, вполнѣ знакомый съ истиннымъ положеніемъ страны, долженъ чувствовать), что политика, которой онъ слѣдуетъ, единственная правильная и и единственная трезвая съ точки зрѣнія блага страны, онъ никогда бы не подвергъ себя всѣмъ непріятностямъ и огорченіямъ разрыва съ друзьями“ (3 марта 1846 г.).—Можно сказать, что въ области внутренней политики королева пережила и сакціонировала все, что пережилъ и чему подчинился рядовой англичанинъ за ея царствованіе; здѣсь она никого не вела за собою и не пыталась вести, а слѣдовала, какъ этотъ рядовой англичанинъ, за признанными вождями своего народа.

Иначе складывалось отношеніе королевы къ политикѣ внѣшней. Здѣсь роль ея была гораздо болѣе дѣятельной и яркой. Королева связана была близкимъ родствомъ съ большею частью царствующихъ въ Европѣ

династій и поддерживала съ большинствомъ европейскихъ монарховъ постоянныя сношенія. Это служило первымъ источникомъ того живого интереса, съ которымъ она относилась къ европейскимъ событіямъ. Въ этомъ отношеніи близость къ королю Леопольду, стоявшему во главѣ государства, судьба котораго въ 30-хъ и отчасти даже въ 40-хъ годахъ составляла крупную политическую проблему, съиграла немалую роль. Черезъ него сложились ея связи съ Луи-Филиппомъ, съ одной стороны, и Германіей, съ другой. Принцъ-супругъ сталъ для нея вторымъ звеномъ съ континентомъ, а позднѣе тому же служилъ бракъ старшей и любимой ея дочери, Викторіи, съ наслѣдникомъ прусскаго престола (будущимъ императоромъ германскимъ Фридрихомъ III). Разъ завязанныя связи никогда не прерывались, и королева—больше, можетъ быть, чѣмъ всѣ ея министры,—самымъ внимательнымъ образомъ слѣдила за всѣмъ, что происходило на континентѣ. Въ ея оцѣнкахъ происходившаго не было ничего дѣланнаго или навязаннаго ей извнѣ; она никогда не поддавалась въ этомъ отношеніи своимъ родственнымъ чувствамъ и всегда умѣла смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія интересовъ своей страны. Стараясь оріентироваться вполнѣ самостоятельно, она умѣла внести въ свои оцѣнки много здраваго смысла и большую проницательность.

Интересна характеристика, данная ею, въ письмѣ къ королю Леопольду, Императору Николаю Павловичу, посѣтившему Англію въ 1845 г.: „Онъ строгъ и суровъ, съ совершенно опредѣленными принципами долга, которому измѣнить ничто на землѣ его не заставитъ; очень умнымъ я его не нахожу, и его умъ лишенъ всякой культуры; его образованіе весьма недостаточно; политика и войско представляютъ единственное, чѣмъ онъ очень интересуется; къ искусствамъ и ко всякимъ

мягкимъ занятіямъ онъ равнодушенъ; но онъ искрененъ, я въ этомъ увѣрена, искрененъ даже въ самыхъ своихъ деспотическихъ актахъ... Онъ слишкомъ, я скажу, откровененъ и съ трудомъ можетъ сдерживать себя... Онъ несчастливъ, и меланхолія, которая чувствуется въ его поведеніи, подчасъ на меня дѣйствовала; суровость его взора значительно ослабляется и измѣняется въ зависимости отъ того, чувствуетъ ли онъ себя хорошо (а онъ можетъ очень конфузиться), или нѣтъ... Чтобы покончить, одно-два слова о его внѣшности. Онъ очень напоминаетъ своихъ и нашихъ двоюродныхъ братьевъ Вюртембергъ, и имѣетъ много общаго съ этой семьей. Онъ старъ теперь, но въ своей кавалергардской формѣ все еще великолѣпенъ и очень поражаетъ...“ (11 іюня 1845 г.).

Вполнѣ естественно, что интересъ королевы къ дѣламъ континента и близкое знакомство съ ними заставляли ее внимательно слѣдить за внѣшней политикой своихъ послѣдовательныхъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь она требовала, чтобы ея участіе не было номинальнымъ. Политика однихъ министровъ ее удовлетворяла, политика другихъ—нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ она вступала въ борьбу и съ чрезвычайной настойчивостью отстаивала свое вліяніе на ходъ дѣлъ, вліяніе, оказывать которое она считала своимъ правомъ.

Было бы трудно учесть, насколько личныя воззрѣнія королевы отражались на самомъ дѣлѣ на судьбахъ внѣшней политики Англіи за ея царствованіе; для этого пришлось бы предварительно изучить огромное количество большею частью не опубликованныхъ архивныхъ документовъ. Но въ перепискѣ королевы имѣется достаточно данныхъ, чтобы судить, по отдѣльнымъ примѣрамъ, о характерѣ участія ея во внѣшнихъ дѣлахъ Англіи. Для этого достаточно взять два эпизода: съ

одной стороны, пятилѣтнюю борьбу королевы съ лордомъ Пальмерстономъ въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, съ другой — отношеніе ея къ политикѣ лорда Джона Ресселя въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ.

Лордъ Пальмерстонъ представлялъ любопытное сочетаніе весьма консервативнаго англійскаго „вигизма“ въ области внутренней политики и весьма радикальныхъ тенденцій и далеко идущаго либеральнаго „имперіализма“ (тогда слово это еще не было придумано) въ области политики внѣшней. Можетъ быть именно благодаря этому сочетанію, рѣдко какой-либо другой министръ пользовался такое огромной популярностью въ Англіи за прошлое столѣтіе. Королевѣ, напротивъ того, чужды были въ равной мѣрѣ оба свойства политическаго кругозора Пальмерстона. Антагонизмъ не замедлилъ обнаружиться послѣ того, какъ Пальмерстонъ вошелъ, въ качествѣ государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ, въ составъ вигскаго министерства лорда Джона Ресселя (1846).

Вотъ первые признаки зарожденія конфликта. Португалія служила въ первой половинѣ прошлаго вѣка театромъ постоянной гражданской войны. Въ серединѣ 40-хъ годовъ королева Марія вызвала своей политикой возстаніе части страны. Лордъ Пальмерстонъ не замедлилъ заявить себя сторонникомъ инсургентовъ. Нижеслѣдующее письмо рисуетъ отношеніе королевы къ этой политикѣ: „Королева только-что получила проектъ депеши лорда Пальмерстона на имя м-ра Соутерна (повѣренный въ дѣлахъ въ Лиссабонѣ) и должна замѣтить, что не вполнѣ одобряетъ ея тонъ, ибо онъ способенъ только разсердить, не произведя никакого впечатлѣнія. Если спрашиваютъ нашего мнѣнія, оно должно быть высказано въ духѣ безпристрастія и справедливости. Депеша лорда Пальмерстона производитъ такое впечатлѣніе, будто мы цѣликомъ беремъ сторону

мятежниковъ, поведеніе которыхъ, по меньшей мѣрѣ, незаконно и подлежитъ осужденію. Лордъ Пальмерстонъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, будто народъ и оппозиція — одно и то же. На чемъ мы можемъ настаивать, это — возвращеніе къ конституціонному правительству. И совѣтовать мы можемъ соглашеніе съ оппозиціей. Какое министерство должно быть образовано—это слѣдуетъ предоставить самимъ португальцамъ. Такъ какъ сегодня 28-ое, то королева боится, что депеша была уже отправлена вчера. Королева надѣется, что на будущее время лордъ Пальмерстонъ не будетъ лишать ея возможности высказывать свое мнѣніе, пока еще не поздно..." (28 ноября 1846 г.).

Лордъ Пальмерстонъ весьма рѣдко проявлялъ сговорчивость и шелъ на встрѣчу желаніямъ королевы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ королева шлетъ ему новый репримандъ. „Королева много разъ просила лорда Пальмерстона, черезъ лорда Джона Росселя и лично, слѣдить за тѣмъ, чтобы проекты депешъ къ нашимъ представителямъ за границею не посылались ранѣе поднесенія ихъ королевѣ. Тѣмъ не менѣе, это до сихъ поръ не дѣлается. Королева вновь выражаетъ свое желаніе, чтобы лордъ Пальмерстонъ предупредилъ возобновленіе подобной практики" (17 апрѣля 1847 г.). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя—новое письмо такого-же содержанія (9 октября 1847 г.). 1848-ой годъ еще болѣе обостряетъ отношенія. Пальмерстонъ считалъ себя призваннымъ играть крупную роль въ европейскихъ событіяхъ этого года: при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ англійскіе представители получали приказаніе вмѣшиваться во внутреннюю распрю въ той или другой европейской странѣ и поддерживать революціонное движеніе или оппозицію. Политика эта не приводила къ положительнымъ результатамъ: движенія 1848-го года всюду заканчивались торжествомъ правительствъ,

сохранявшихъ чувства рѣзкой вражды къ лорду Пальмерстону. Королевѣ эта политика была совершенно непонятна и вызывала въ ней постоянное негодованіе. Въ теченіе всего революціоннаго періода она стремилась сдерживать своего министра; въ рядѣ случаевъ ей это удавалось, но часто строптивый Пальмерстонъ успѣвалъ вести свою линію, къ искреннему горю королевы.

Отношенія были настолько натянуты, что уже въ 1848-мъ году королева выразила премьеру желаніе, чтобы лордъ Пальмерстонъ передалъ свой постъ Кларендону (будущему министру иностранныхъ дѣлъ во время крымской войны), а самъ получилъ другой портфель. Лордъ Джонъ Рессель не рѣшился сдѣлать это, не безъ основанія опасаясь разрыва съ Пальмерстономъ. Полемика министра съ королевой продолжалась въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ. Въ 1850-мъ году Пальмерстонъ, казалось, уступилъ: между нимъ и монархиней состоялось соглашеніе, изложенное въ нижеслѣдующемъ, весьма интересномъ для характеристики объема королевской власти въ Англіи, письмѣ королевы къ лорду Джону Ресселю (12 августа 1850 г.): „Ссылаясь на бесѣду о лордѣ Пальмерстонѣ, которую королева только-что имѣла съ лордомъ Джономъ Ресселемъ, и на заявленіе лорда Пальмерстона, что онъ не имѣлъ въ виду проявить неуваженіе къ ней тѣми разнообразными выраженіями невниманія (neglects), на которыя она такъ долго и такъ часто имѣла случай жаловаться,—она считаетъ полезнымъ, во избѣжаніе всякихъ ошибокъ на будущее время, вкратцѣ изложить, что ожидаетъ отъ своего статсъ - секретаря по иностраннымъ дѣламъ. Она требуетъ: 1) чтобы онъ точно указывалъ, что онъ предлагаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ, дабы королева могла знать столь же точно, на что она даетъ свою королевскую санкцію; 2) чтобы, разъ она дала свою санкцію на какую либо

мѣру, эта мѣра не подверглась произвольному измѣненію со стороны министра; такой актъ она должна считать отсутствіемъ искренности по отношенію къ коронѣ и могущимъ по справедливости вызвать примѣненіе ея конституціоннаго права уволить министра. Она ожидаетъ, что ей будетъ извѣстно все происходящее между нимъ и иностранными представителями. прежде чѣмъ будутъ приниматься на основаніи этихъ переговоровъ какія-либо важныя рѣшенія, что она вовремя будетъ получать иностранныя депеши и что проекты инструкцій будутъ посылаться на ея одобреніе, дабы она могла знакомиться съ ихъ содержаніемъ прежде ихъ отправленія. Королева считаетъ необходимымъ, чтобы лордъ Джонъ Рессель показалъ это письмо лорду Пальмерстону". Такъ и было сдѣлано, и лордъ Пальмерстонъ письменно заявилъ Ресселю, что „снялъ копію съ меморандума королевы и не преминетъ подчиниться указаніямъ, въ немъ заключающимся".

Въ этомъ договорѣ между королевой и Пальмерстономъ особенно любопытно стремленіе избѣгать всякихъ прямыхъ указаній на то, кому же изъ двухъ принадлежитъ въ концѣ концовъ власть рѣшать вопросы внѣшней политики. Можетъ-быть, именно вслѣдствіе этого свойства договора онъ не положилъ конца борьбѣ. Слѣдующій годъ снова полонъ рѣзкой полемики, и лишь въ концѣ 1851 года лордъ Джонъ Рессель рѣшается на отставку Пальмерстона. Иниціативу беретъ на себя самъ Рессель, послѣ того какъ обнаружилось, что Пальмерстонъ, не посовѣтовавшись съ кабинетомъ и лордомъ Джономъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ заявилъ французскому послу Валевскому, что англійское правительство вполнѣ одобряетъ государственный переворотъ, произведенный Луи-Наполеономъ.

При назначеніи преемника Пальмерстона королева

заявила, что сохраняетъ за собою неограниченное право одобрить или не одобрить выборъ министерства иностранныхъ дѣлъ (письмо къ лорду Джону Рёсселю 20 декабря 1851 г.). Выборъ палъ на лорда Гранвилля, который пользовался довѣріемъ королевы.

Гораздо менѣе энергичная, но равнымъ образомъ не лишенная интереса борьба велась королевой съ лордомъ Джономъ Рёсселемъ, вошедшимъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, въ кабинетъ лорда Пальмерстона въ 1859 г. Рёссель былъ представителемъ той же школы, что и Пальмерстонъ, поскольку дѣло шло о народныхъ движеніяхъ въ чужихъ странахъ. Событія 1859—1860 гг. въ Италіи давали ему въ этомъ отношеніи благодарную тему. Но у него не хватало той энергіи, которая составляла слабость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и силу пальмерстоновской политики. Его попытки вліять на континентъ носили болѣе или менѣе академическій и, во всякомъ случаѣ, вялый характеръ совѣтовъ политическаго доктринера. Этотъ типъ политики также былъ не по вкусу королевѣ, и она всячески старалась удержать Рёсселя въ рамкахъ трезваго отношенія къ событіямъ на континентѣ. Это было не такъ легко, и переписка королевы съ Рёсселемъ принимала иногда весьма рѣзкій характеръ. Однажды королева усумнилась, не слишкомъ ли пренебрежительно трактовалъ Рёссель Австрію въ качествѣ обладательницы сѣверной Италіи. На это Рёссель отвѣтилъ: „Лордъ Джонъ Рёссель позволяетъ себѣ сказать, что доктрины революціи 1688 г., доктрины, которыя поддерживали Фоксъ, Питтъ, герцогъ Веллингтонъ, лордъ Кастльри, Каннингъ и лордъ Грей, едва ли могутъ быть въ настоящее время оставлены теперешними совѣтниками вашего величества. Согласно этимъ доктринамъ, вся власть монарховъ можетъ быть ими утрачена вслѣдствіе ихъ дурного поведенія, и каждый народъ является

судьей своего внутренняго управленія! Трудно ожидать отъ лорда Джона Ресселя отказа отъ этихъ убѣжденій или дѣйствій вопреки имъ“ (11 января 1860 г.). Королева отвѣтила въ тотъ же день, что не понимаетъ, какое отношеніе доктрины 1688 г. имѣютъ къ дѣлу. Въ другой разъ, когда королева совѣтовала Ресселю воздержаться отъ выраженія сочувствія итальянской политикѣ Наполеона III въ моментъ присоединенія Савойи, онъ отвѣтилъ: „Лордъ Джонъ Рессель, къ несчастью, не раздѣляетъ мнѣній вашего величества въ отношеніи Италіи. Онъ не имѣетъ намѣренія затруднять ваше величество ненужнымъ изложеніемъ своихъ воззрѣній... Каковы бы ни были послѣдствія, освобожденіе итальянскаго народа отъ иностраннаго ига, въ глазахъ лорда Пальмерстона и лорда Джона Ресселя, является увеличеніемъ свободы и счастья, которому, какъ доброжелатели человѣческаго рода, они могутъ только радоваться“ (9 февраля 1860 г.). Королева вернула письмо лорду Джону Ресселю черезъ Пальмерстона, замѣтивъ, что она ни словомъ не касалась освобожденія Италіи, что не считаетъ себя вычеркнутой изъ числа „доброжелателей человѣческаго рода“, что она можетъ въ силу конституціи требовать доклада ей соображеній министерства и признаетъ письмо Ресселя несовмѣстимымъ съ уваженіемъ, на которое она имѣетъ право (10 февраля 1860 г.). Рессель поспѣшилъ извиниться.

Внѣшняя европейская политика, въ глазахъ королевы Викторіи, была тою областью, въ которой она считала себя въ правѣ, если не приказывать—слѣдовъ такого воззрѣнія мы не находимъ, и оно чуждо приведенному выше „соглашенію“ съ лордомъ Пальмерстономъ,—то во всякомъ случаѣ совѣтовать и даже направлять. Но отсюда не слѣдуетъ заключать, что другія сферы внѣшней дѣятельности Великобританіи ее мало интересовали. Напротивъ того, она слѣдила съ постоян-

нымъ вниманіемъ за колоніальной политикою Англіи и за всѣми вопросами, связанными съ государственной обороной. Яркія доказательства этому мы находимъ въ ея перепискѣ. Въ колоніальной политикѣ ее интересовали не столько тонкости управленія автономныхъ или полуавтономныхъ колоній, сколько судьбы тѣхъ земель, гдѣ Англія на самомъ дѣлѣ властвуетъ и распоряжается милліонами подданныхъ низшей культуры. Мы не находимъ, напримѣръ, почти никакихъ слѣдовъ интереса къ тому крупному политическому движенію, которое привело къ введенію парламентскаго правительства въ Канадѣ (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) и послужило прототипомъ послѣдующаго освобожденія главныхъ англійскихъ колоній. Наоборотъ, королева съ интересомъ слѣдитъ за всѣми крупными событіями въ Индіи, находится въ постоянной перепискѣ съ руководителями индійскаго управленія и въ Лондонѣ, и въ Калькуттѣ, и обращаетъ вниманіе ихъ на то, что, по ея мнѣнію, надо и чего не надо дѣлать. Въ письмахъ, относящихся ко времени возстанія въ Индіи въ 1857 г., все остальное отходитъ на второй планъ; чувствуется, что королева нервно и глубоко переживаетъ со всею Англіей это тяжелое испытаніе. Она постоянно напоминаетъ министерству о необходимости посылки войскъ, убѣждаетъ его забыть на минуту объ экономіи, строить планы обороны береговъ Англіи, и т. д.

Переписка, обнародованная королемъ Эдуардомъ VII, обрывается на 1861 годѣ и такимъ образомъ не даетъ матеріала для общей характеристики той роли, которую королева Викторія съумѣла себѣ отмежевать въ управленіи страною. Но, если даже взять только результаты, достигнутые за эту первую, меньшую часть царствованія, то все изложенное выше, казалось бы, съ несомнѣнностью доказываетъ, что, быстро и твердо оріентировавшись въ сложной машинѣ парламентскаго

управленія и признавъ безспорными и для себя обязательными рамки этого режима, королева въ тоже время твердо отмѣрила свою долю участія въ государственномъ управленіи. Сложившійся такимъ образомъ порядокъ даже издали не напоминалъ систему „личнаго управленія“, послѣдніе остатки которой были живы еще въ моментъ вступленія на престолъ королевы Викторіи. Установился истинно-конституціонный и парламентскій режимъ, не превращавшій монархію въ пустой символъ и вмѣстѣ обезпечивавшій полноту народныхъ правъ.

IX.

КЪ ИСТОРІИ АНГЛО-ЯПОНСКАГО СОЮЗА.

Лѣтомъ 1913 года въ японской газеты „Дзидзи“ [1]) были обнародованы дипломатическія воспоминанія графа Хаяси, бывшаго японскаго посланника въ Петроградѣ и Лондонѣ и министра иностранныхъ дѣлъ послѣ русско-японской войны. Записки эти передъ смертью графъ Хаяси передалъ редакціи вышеназванной газеты, которая и поспѣшила ихъ напечатать. Японское правительство сдѣлало попытку остановить обнародованіе, но газета тѣмъ не менѣе довела публикацію до конца.

Записки представляютъ несомнѣнно крупный историческій интересъ, затрогивая важныя событія дипломатической исторіи новѣйшаго времени. Онѣ распадаются на двѣ неравныхъ части: одна изъ нихъ, болѣе крупная по своимъ размѣрамъ, посвящена переговорамъ по заключенію перваго англо-японскаго договора, которые пришлось Хаяси вести въ качествѣ представителя Японіи въ Лондонѣ; другая—по размѣрамъ своимъ и содержанію скорѣе отрывокъ—касается переговоровъ между Россіей и Японіей объ отозваніи русскихъ инструкторовъ и финансоваго совѣтника изъ Кореи въ 1897 г.

До появленія въ свѣтъ записокъ графа Хаяси исторія возникновенія англо-японскаго союзнаго договора 1902 г., въ сущности говоря, была совершенно неизвѣстной. Кромѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній въ книгѣ Аса-

---

[1]) 18 и 19 іюля и 21 августа (н. ст.). Русскій переводъ въ Извѣстіяхъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1913, кн. V, 322—337.

кавы о русско-японской распрѣ [1]), пользовавшагося, повидимому, японскими оффиціальными данными, былъ хорошо извѣстенъ лишь одинъ фактъ, который, конечно, только затруднялъ пониманіе событій, фактъ совпаденія во времени возникновенія союза съ заграничной миссіей маркиза, впослѣдствіи князя, Ито, въ частности съ его пребываніемъ въ Петроградѣ и переговорами съ русскимъ правительствомъ. Союзный договоръ былъ подписанъ 17/30 Января 1902 г., а Ито пріѣхалъ въ Петроградъ 10/23 Ноября 1901 г. и пробылъ тамъ около двухъ недѣль. Это сопоставленіе давно уже обращало на себя вниманіе, и изъ него часто выводилось, что между миссіей Ито и возникновеніемъ союза существовала нѣкоторая причинная связь. Одна изъ распространенныхъ гипотезъ, объяснявшихъ эту связь, заключалась въ томъ, что вызванная русской дипломатіей того времени неудача попытки маркиза Ито столковаться съ Россіей повлекла за собой рѣшеніе японскаго правительства заключить союзъ съ Англіей, вредъ котораго для русскихъ интересовъ въ то время стоялъ внѣ спора. Въ небольшой, вышедшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ и не прошедшей совершенно незамѣченной, книгѣ

---

[1]) A s a k a w a, The Russo-Japanese Conflict, its causes und issues, Westminster, 1904, 199: „Suggestions for such an agreement are known to have been made by Great Britain to Japan under the Ito Cabinet in April, 1901, and again under the present Katsura Cabinet in July, but it was not till October of that year that definite negotiations were opened by Japan. The Premier, Viscount Katsura, seems to have ascertained in December that the elder Statesmen of the empire were in hearty accord with the agreement toward which the negotiations had pointed. . .“ („Извѣстно, что попытки къ такому соглашенію съ Японіей были сдѣланы Великобританіей при кабинетѣ Ито въ апрѣлѣ 1901 г. и потомъ при настоящемъ кабинетѣ Кацуры въ іюлѣ, но не ранѣе октября того же года Японія начала рѣшительные переговоры. Премьеръ виконтъ Кацура, повидимому, высказался въ декабрѣ, что старшіе государственные дѣятели Имперіи сердечно сочувствовали соглашенію, къ которому клонились переговоры . . .“).

Морского, Разочарованія въ частномъ маклерствѣ, Т. Рузвельтъ и Портсмутскія совѣщанія (Москва, 1911) можно, напримѣръ, прочесть слѣдующія разсужденія о миссіи Ито и англо-японскомъ союзѣ: „Министерство иностранныхъ дѣлъ не съумѣло направить (отношенія къ Японіи) въ русло содружества, котораго добивался Ито, такъ какъ только разочарованія въ предупредительности Петербургскаго кабинета заставили японскихъ уполномоченныхъ искать сближенія съ Англіею... Какъ извѣстно, маркизъ Ито посѣтилъ Петербургъ въ концѣ 1901 г. съ цѣлью установленія дружественнаго соглашенія по дальне-восточнымъ дѣламъ, путемъ непосредственныхъ устныхъ переговоровъ, но наше министерство иностранныхъ дѣлъ вздумало трактовать en quantité négligeable. Не добившись опредѣленнаго отвѣта на свои „инвиты“, Ито отправился непосредственно вслѣдъ затѣмъ въ Англію, былъ тамъ принятъ съ распростертыми объятіями, а вскорѣ былъ оборудованъ и японо-англійскій союзъ“ [1]).

Чтеніе записокъ Хаяси убѣждаетъ, что такое, очень распространенное, представленіе объ англо-японскомъ союзѣ, какъ о непосредственномъ результатѣ „неудачи“ миссіи Ито, да и самая мысль, будто была на лицо какая-то „неудача“ этой миссіи, являются исторической легендой. При помощи записокъ японскаго дипломата и нѣкоторыхъ другихъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи документовъ можно въ совершенной точности воспроизвести подлинный обликъ историческихъ событій. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ я сдѣлаю попытку изобразить эти событія такъ, какъ въ самомъ дѣлѣ они происходили.

Хаяси указываетъ, что онъ получилъ первое при-

---

[1]) Стр. 12. Повторено у Глинскаго, Легенды о Портсмутскомъ договорѣ, Ист. Вѣстн., 1913, апр., 262.

казаніе изъ Токіо начать предварительныя объясненія о союзѣ съ англійскимъ правительствомъ 16 апрѣля 1901 г., т. е. за семь мѣсяцевъ до пріѣзда маркиза Ито въ Петроградъ. Эта дата только на первый взглядъ можетъ показаться неожиданной. Общая политическая обстановка конца 1900 г. и первыхъ мѣсяцевъ 1901 г. свидѣтельствовала, что въ Японіи складывалась въ то время рѣшимость дѣятельной борьбы съ русской политикой на Дальнемъ Востокѣ. Это ясно обнаружилось и въ корейскомъ вопросѣ, и въ вопросѣ о судьбѣ Маньчжуріи.

Графъ Ламздорфъ сознавалъ, что послѣ боксерскаго возстанія и оккупаціи Маньчжуріи японское правительство естественно будетъ стремиться къ пересмотру дѣйствовавшихъ въ то время русско-японскихъ соглашеній о Кореѣ. Какъ извѣстно, соглашенія эти—протоколъ Веберъ-Комура 2/14 мая 1896 г., московская конвенція Лобановъ-Ямагата 28 мая 9 іюня 1896 г. и протоколъ Розенъ-Нисси 13/25 апрѣля 1898 г.—въ общемъ обезпечивали равноправіе двухъ державъ въ Кореѣ съ нѣкоторымъ признаніемъ преимущественнаго положенія Японіи въ дѣлахъ торговыхъ и промышленныхъ; въ особенности существенное значеніе имѣли въ этомъ отношеніи секретныя статьи московской конвенціи 1896 г., предусматривавшія совмѣстную оккупацію Кореи русскими и японскими войсками съ нейтральной зоною между ними [1]). Японскій представитель въ

---

[1]) Вотъ текстъ этихъ секретныхъ статей: I. Si la tranquillité et l'ordre étaient troublés ou gravement menacés en Corée par quelque cause intérieure ou extérieure et si les gouvernements russe et japonais jugeaient, d'un commun accord, indispensable de venir en aide aux autorités locales par l'envoi de troupes, en sus de celles qui sont chargées de veiller à la sécurité de leurs nationaux et à la préservation des lignes télégraphiques, les deux gouvernements Impériaux, en vue de prevenir tout conflit entre leurs forces armées, définiront les sphères réservées à leur action respective

Петроградѣ въ теченіе лѣта 1900 г. говорилъ съ графомъ Ламздорфомъ о необходимости пересмотра соглашеній 1896 — 1898 гг., но затѣмъ прекратилъ эти объясненія. Графъ Ламздорфъ рѣшилъ пойти на встрѣчу Японіи, и осенью 1900 г., воспользовавшись исходившимъ отъ корейскаго императора проектомъ нейтрализаціи его страны, поручилъ русскому посланнику въ Токіо А. П. Извольскому начать переговоры по корейскимъ дѣламъ. Переговоры эти не привели къ цѣли.

---

de maniére à laisser entre les troupes des deux Governements un espace libre de toute occupation, — II. Jusqu'à la formation en Corée des troupes indigènes, mentionées à l'article II des clauses ostensibles du présent protocole, l'arrangement provisoire signé par la Conseiller d'Etat Actuel de Waeber et Mr. Komura au sujet du droit de la Russie et du Japon d'entretenir un nombre égal de troupes dans le royaume resteia en vigueur. Quant à la sécurité personnelle du Roi, l'ordre de choses existant actuellement dans ce but, sera également maintenu, en attendant la création d'un détachement indigène spécialement destiné à ce service". (I. „Если спокойствіе и порядокъ въ Кореѣ были бы нарушены или подверглись серьезной опасности вслѣдствіе какой-нибудь внутренней или внѣшней причины и если Русское и Японское Правительства, по взаимному соглашенію, сочли бы необходимымъ придти на помощь мѣстнымъ властямъ посредствомъ присылки войскъ, сверхъ того количества, которое необходимо для безопасности ихъ подданныхъ и для охраны телеграфныхъ линій, то оба Императорскихъ Правительства, желая предотвратить всякое столкновеніе между ихъ военными силами, опредѣлятъ районъ дѣйствій, назначенный для каждаго, такъ, чтобы между войсками обоихъ правительствъ оставалось пространство, свободное отъ всякой оккупаціи. II. До сформированія въ Кореѣ нужныхъ войскъ, упомянутыхъ въ ст. II гласныхъ постановленій сего протокола предварительное соглашеніе, подписанное Д. С. С. Веберомъ и Г. Комура касательно права Россіи и Японіи содержать равное количество войскъ въ Королевствѣ, остается въ силѣ; что касается личной безопасности Короля, то установленный для этой цѣли порядокъ будетъ равнымъ образомъ сохраненъ, впредь до сформированія отряда туземныхъ войскъ, спеціально предназначеннаго для этой службы". Остальные акты, о которыхъ упомянуто въ текстѣ, см. въ Сборникѣ договоровъ и дипломатическихъ документовъ по дѣламъ Дальняго Востока, 1905, 146, 159, 346.

Полученное въ Токіо извѣстіе о заключеніи между цзянь-цзюнями мукденскимъ и гириньскимъ и русскимъ военнымъ начальствомъ въ Маньчжуріи соглашеній о взаимныхъ отношеніяхъ между русскими войсками и мѣстной администраціей, получившее неправильное освѣщеніе, вызвало пріостановку начатыхъ А. П. Извольскимъ объясненій. 4 января 1901 г. посланникъ донесъ, что японское правительство предпочитаетъ отложить переговоры о нейтрализаціи Кореи до того, какъ окончательно выяснится положеніе Маньчжуріи.

Все вниманіе японской дипломатіи было перенесено въ самомъ дѣлѣ на китайскія дѣла. Въ хорошо извѣстномъ сборникѣ англійской дипломатической переписки объ оккупаціи Маньчжуріи, переданномъ въ февралѣ 1904 г. парламенту [1]), обнародовано письмо маркиза Ландсдоуна отъ 12 января 1901 г. (н. ст.), по времени почти совпадающее съ телеграммой А. П. Извольскаго о прекращеніи переговоровъ по корейскимъ дѣламъ, которое свидѣтельствуетъ, какое значеніе придано было въ Токіо слухамъ о заключеніи русско-китайскихъ соглашеній о Маньчжуріи. Вотъ это письмо: „Японскій министръ сегодня посѣтилъ министерство и увѣдомилъ Г. Берти, что его правительство освѣдомилось у русскаго правительства, правда ли, что, какъ сообщаютъ, между русскимъ правительствомъ и китайскими властями было установлено соглашеніе о переговорахъ съ китайскимъ министромъ въ Петербургѣ касательно урегулированія маньчжурскихъ дѣлъ и въ утвердительномъ случаѣ, какой выработанъ методъ для

[1]) China № 2 (1904). Correspondence respecting the russian occupation of Manchuria and Newchwang.—Переводы всѣхъ напечатанныхъ въ этой книгѣ документовъ на русскій языкъ даны Гиппіусомъ, О причинахъ нашей войны съ Японіей, 1905, XI сл.

предложеннаго соглашенія. Баронъ Хаяси сказалъ, что для интересовъ Великобританіи и Японіи важно получить всѣ возможныя свѣдѣнія по этому вопросу и что онъ имѣетъ инструкцію указать на то, что дѣйствія японскаго правительства по этому предмету, вѣроятно, будутъ имѣть болѣе удовлетворительный результатъ, если тождественный запросъ будетъ сдѣланъ правительствомъ Его Величества“ [1]).

Этотъ первый шагъ японской дипломатіи, направленный къ вытѣсненію Россіи изъ Маньчжуріи, открываетъ собой почти трехлѣтнюю дипломатическую кампанію противъ русской оккупаціи, которая съ большой энергіей велась Японіей совмѣстно съ Англіей и Американскими Соединенными Штатами. Въ февралѣ 1901 г. въ рукахъ иностранныхъ дипломатовъ находился текстъ—не вполнѣ точный—предложеннаго графомъ Ламздорфомъ китайскому правительству проекта договора о Маньчжуріи, и англійскій государственный секретарь совмѣстно съ японскимъ посланникомъ и германскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ обсуждалъ средства помѣшать заключенію этого договора. Въ мартѣ японскій посланникъ въ Петроградѣ заявилъ графу Ламздорфу, что японское правительство усматриваетъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ русскаго проекта соглашенія съ Китаемъ противорѣчіе съ началами китайскаго суверенитета и неприкосновенности и что оно проситъ сообщить проектъ до его подписанія другимъ державамъ. Графъ Ламздорфъ отвѣтилъ, что „соглашеніе касается двухъ суверенныхъ странъ и должно быть заключено безъ вмѣшательства какихъ либо другихъ державъ“, и вѣжливо, но твердо отклонилъ предложеніе“ [2]).

---

[1]) Correspondence, 4.

[2]) Такъ передаетъ разговоръ англійскій посолъ въ Петербургѣ серъ Чарльзъ Скоттъ маркизу Ландоуну въ телеграммѣ 25 марта 1901 г.—Correspondence, 16.

Русское правительственнос сообщеніе 23 марта 1901 г. оповѣстило объ отказѣ китайскаго представителя въ Петроградѣ подписать проектъ соглашенія о Маньчжуріи; „по полученнымъ свѣдѣніямъ, говорилось тамъ, къ заключенію такового соглашенія съ Россіею китайскому правительству созданы были серьезныя препятствія, вслѣдствіе чего и безотлагательное принятіе имѣвшихся въ виду мѣръ для постепенной эвакуаціи Маньчжуріи оказалось неисполнимымъ". Снятіе съ очереди перваго маньчжурскаго соглашенія создавало перерывъ въ начатой противъ Россіи дипломатической кампаніи; казалось, открывалась возможность вернуться къ начатымъ по почину графа Ламздорфа переговорамъ по корейскимъ дѣламъ. Но этотъ путь улаженія затрудненій не отвѣчалъ истинному настроенію японской дипломатіи. Русскій посланникъ въ Токіо еще 9 февраля 1901 г. доносилъ, что, по словамъ японскаго министра иностранныхъ дѣлъ, причиной отказа Японіи отъ обсужденія судьбы Кореи была боязнь, какъ бы эти переговоры не были признаны за молчаливое признаніе русскихъ правъ на Манчжурію. Отказъ Китая подписать первый проектъ маньчжурскаго соглашенія не измѣнилъ занятаго японскими дипломатами положенія. Несмотря на прежнюю готовность русскаго правительства продолжать переговоры о Кореѣ — русскому посланнику въ Токіо еще въ январѣ 1901 г. было разрѣшено не ограничиваться вопросомъ о нейтрализаціи Кореи, а поставить корейскій вопросъ во всемъ его объемѣ,—въ теченіе весны, лѣта и осени 1901 г. японское правительство продолжало уклоняться отъ возобновленія переговоровъ. „Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Комура, доносилъ А. П. Извольскій графу Ламздорфу 28 сентября 1901 г., заявляетъ объ искреннемъ желаніи искать сближенія съ Россіей, но въ тоже время не поддается пока никакимъ попыткамъ при-

ступить къ обсужденію практическаго плана соглашенія".

Эта сдержанность дѣлается объяснимой, если мы обратимся къ запискамъ Хаяси. Онъ сообщаетъ, что въ апрѣлѣ зашла въ первый разъ рѣчь о союзѣ съ Англіей, что въ теченіе всего лѣта шли предварительныя объясненія и что 8 октября японскій посланникъ въ Лондонѣ получилъ предписаніе и полномочіе приступить къ выработкѣ проекта союзнаго договора. Отказъ отъ переговоровъ съ Россіей при такихъ условіяхъ понятенъ. Однако по мѣрѣ того, какъ дѣло заключенія договора съ Англіей подвигалось впередъ, эта естественная сдержанность уступила мѣсто нѣсколько иной и довольно неожиданной тактикѣ. Перемѣна совпала съ такъ называемой „миссіей Ито".

Хаяси сообщаетъ, что, передъ отъѣздомъ маркиза Ито—только что до того передавшаго должность перваго министра Кацурѣ—въ Европу, т. е. въ августѣ или сентябрѣ 1901 г., въ Токіо состоялся важный совѣтъ по дѣламъ внѣшней политики. Его разсказъ объ этомъ совѣтѣ таковъ: „При свиданіи съ княземъ Ито выяснилось, что послѣдній передъ отъѣздомъ своимъ имѣлъ совѣщаніе съ обоими генро, Иноуе и Ямагатой, и премьеромъ Кацурой о томъ, какъ избѣгнуть столкновенія съ Россіей по вопросамъ Маньчжуріи и Кореи, причемъ рѣшено было заключить съ Россіей особое политическое соглашеніе... Соглашеніе съ Россіей, по проекту, должно было признать свободу дѣйствій Японіи въ Кореѣ, а Россіи и Маньчжуріи; кромѣ того, обѣ стороны не должны были сооружать военнаго порта въ Мозампо. При этомъ, условіе о свободѣ дѣйствій Россіи въ Маньчжуріи рѣшено было признать лишь въ крайнемъ случаѣ, если бы Россія слишкомъ настаивала на томъ..."

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ рѣшеніемъ мар-

кизъ Ито долженъ былъ посѣтить Петроградъ и вступить въ переговоры, отъ которыхъ до того, въ теченіе всего года, Японія тщательно уклонялась. О важности возложенной на маркиза Ито задачи было освѣдомлено не только русское, но и французское правительство, и миссіи его придавалось рѣшающее значеніе для послѣдующей оріентировки японской политики. Черезъ Парижъ и Берлинъ маркизъ 12 ноября прибылъ въ Петроградъ и 17 того же мѣсяца состоялось его историческое свиданіе съ графомъ Ламздорфомъ. Сущность ихъ бесѣды сводилась къ слѣдующему. Маркизъ выразилъ живѣйшую благодарность за оказанный ему въ Россіи пріемъ, который, по его словамъ, обязываетъ его быть вполнѣ откровеннымъ. Онъ не имѣетъ оффиціальнаго порученія, не считаетъ возможнымъ обмѣнъ мыслей. Приступая къ изложенію своей точки зрѣнія на взаимныя отношенія Россіи и Японіи, маркизъ высказалъ, что единственнымъ предметомъ раздора между этими державами можетъ быть только Корея. Въ Японіи опасаются, что Россія хочетъ овладѣть этой страной. Если русское правительство согласится въ этомъ отношеніи успокоить Японію, то тѣсной дружбѣ и союзу между послѣдней и Японіей ничто не будетъ препятствовать. Не могу ли я, спросилъ онъ, предложить какое либо дополненіе къ существующимъ нынѣ соглашеніямъ въ этомъ смыслѣ? На вопросъ графа Ламздорфа, какъ могли бы быть дополнены соглашенія, маркизъ Ито заявилъ, что Россія должна была бы предоставить Японіи право давать совѣты корейскому правительству и помогать ему въ случаѣ надобности. Графъ Ламздорфъ указалъ на нѣкоторую неопредѣленность такихъ правъ. Мы не отвергаемъ, продолжалъ онъ, что вы имѣете крупные интересы въ Кореѣ, но вѣдь и Россія не можетъ отрѣшиться отъ своихъ интересовъ въ этой странѣ. Нынѣ мы имѣемъ право дер-

жать равное съ вами число войскъ въ Кореѣ; Вы желали бы обезпечить за Японіей исключительное право вооруженнаго вмѣшательства: такое преимущество измѣнитъ наше положеніе и подвергнетъ опасности наши сообщенія между Владивостокомъ и южными портами. Какую гарантію противъ этого вы могли бы предложить? Маркизъ сказалъ: мы можемъ дать вамъ священное обѣщаніе, что никогда порты южной Кореи не будутъ укрѣплены и что мы никогда не будемъ угрожать вашимъ сообщеніямъ. Но пусть Россія успокоитъ Японію, доказавъ, что не имѣетъ видовъ на Корею, и тогда она можетъ впредь дѣйствовать какъ ей угодно въ Китаѣ. Заканчивая разговоръ, графъ Ламздорфъ просилъ своего собесѣдника передать ему письменное изложеніе его программы.

Эти письменныя предложенія въ тотъ-же день были въ рукахъ русскаго министра. Они были изложены такъ:[1])

I. Взаимная гарантія независимости Кореи.

II. Взаимное обязательство не пользоваться какой либо частью корейской территоріи въ стратегическихъ цѣляхъ, направленныхъ противъ другой стороны.

III. Взаимное обязательство не дѣлать на корейскихъ берегахъ военныхъ приготовленій, могущихъ подвергнуть опасности свободный проходъ черезъ Корейскій Проливъ.

---

[1]) „1. Mutual guarantee of the independence of Corea. 2. Mutual guarantee not to use any portion of corean territory for strategic purposes against each other. 3. Mutual guarantee not to make any military preparation on corean coast endangering the free passage of Corean channel. 4. Recognition by Russia of the free hand of Japan in Corea in political, industrial and commercial aspects, and of the exclusive right of Japan to help Corea by advice and assistance in her fulfilment of the duties of a good government, including the military assistance in so far as is necessary to quell rebelions and other similar disturbances likely to threaten the peaceful relations of Corea and Japan. 5. This understanding to supplant all previous arrangements".

IV. Признаніе Россіей свободы дѣйствій Японіи въ Кореѣ въ политическомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ и исключительнаго права Японіи помогать Кореѣ совѣтомъ и дѣломъ въ исполненіи обязанностей, падающихъ на всякое благоустроенное правительство, включая и военную помощь, поскольку она необходима для усмиренія возстаній и другихъ подобныхъ безпорядковъ, способныхъ подвергнуть опасности мирныя отношенія Кореи и Японіи.

V. Настоящее соглашеніе замѣняетъ собою всѣ прежнія соглашенія.

Маркизъ Ито во время бесѣды съ графомъ Ламздорфомъ предупредилъ его, что черезъ нѣсколько дней уѣзжаетъ изъ Петрограда, и дѣйствительно выѣхалъ оттуда 21 ноября. Было условлено, что отвѣтъ на письменный проектъ маркиза будетъ высланъ ему въ Берлинъ. Отправленный туда спеціальный курьеръ доставилъ маркизу отвѣтное письмо графа Ламздорфа и контръ-проектъ соглашенія; оба документа датированы 1 декабря. Въ своемъ письмѣ графъ Ламздорфъ излагаетъ внесенныя въ японскія предложенія поправки и добавляетъ въ концѣ:

„Я надѣюсь, что Ваше Превосходительство по достоинству оцѣните свидѣтельство искренней сговорчивости русскаго правительства въ отношеніи Японіи, заключающееся въ полной готовности установить на вышеуказанныхъ основаніяхъ соглашеніе, предназначенное устранить всякую причину недоразумѣній между обѣими имперіями и прочно установить искреннія дружескія отношенія, отвѣчающія ихъ несомнѣннымъ интересамъ. Я буду ожидать отвѣта Вашего Превосходительства, чтобы снабдить необходимыми инструкціями г. Извольскаго, который могъ бы безъ замедленія приступить на установленномъ основаніи къ предположеннымъ въ Токіо переговорамъ“.

Приложенный къ письму русскій контръ - проектъ заключался въ слѣдующемъ: [1])

I. Взаимная гарантія независимости Кореи.

II. Взаимное обязательство (или Японія обязывается) не пользоваться никакой частью корейской территоріи для стратегическихъ цѣлей.

III. Взаимное обязательство (или Японія обязывается) не дѣлать на корейскихъ берегахъ какихъ-либо военныхъ приготовленій, могущихъ препятствовать свободному плаванію черезъ Корейскій Проливъ.

IV. Признаніе Россіей свободы дѣйствій Японіи въ Кореѣ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, а также преимущественныхъ правъ Японіи на помощь, по соглашенію съ Россіей, единоличными совѣтами Кореѣ, которые будутъ способствовать исполненію ею

---

[1]) „1. Garantie mutuelle de l'indépendance de la Corée. 2. Engagement mutuel (ou bien le Japon s'engage) de n'user d'aucune partie du territoire coréen dans des buts stratégiques. 3. Engagement mutuel (ou bien le Japon s'engage) de ne procéder sur la côte coréenne à aucune disposition militaire de nature à entraver le passage entièrement libre de chenal Coréen. 4. Reconnaissance par la Russie de la liberté d'action du Japon en Corée sous le rapport industriel et commercial ainsi que des droits prépondérants du Japon à venir, après s'être concerté avec la Russie, isolément en aide à la Corée par des conseils tendant à assister celle-ci dans l'accomplissement des devoirs qui incombent à tout bon gouvernement, y compris une assistance militaire en tant que celle-ci se trouverait être indispensable pour réprimer des insurrections on toute sorte de désordre pouvant troubler les relations pacifiques entre le Japon et la Corée. 5. Dans le cas prévu à l'article précédent la Japon s'engage à n'expédier en Coree que le nombre de troupes strictement nécessaires et à rappeler celles-ci aussitôt que leur mission—aura été accomplie. Il est convenu en même temps, que les troupes japonaises ne dépasseront jamais les limites d'une région nettement définie d'avance le long et à proximité de la frontière russe. 6. De son côté le Japon reconnaît les droits prépondérant de la Russie dans les domaines de l'empire chinois qui confinent à la frontière russe et s'engage à ne contrecarrer en rien la liberté d'action de la Russie dans cette région. 7. Le présent arrangement remplace ceux qui l'ont précédé".

обязанностей, падающихъ на всякое благоустроенное правительство, включая сюда и военную помощь, насколько таковая окажется необходимой для подавленія возстаній или разнаго рода безпорядковъ, способныхъ подвергнуть опасности мирныя отношенія Кореи и Японіи.

V. Въ случаѣ, предусмотрѣнномъ въ предшедшей статьѣ, Японія обязывается посылать въ Корею количество войскъ лишь безусловно необходимое и отзывать войска, какъ только они исполнятъ свое назначеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ условлено, что японскія войска никогда не перейдутъ границы области впередъ точно опредѣленной и расположенной вдоль и по близости русской границы.

VI. Съ своей стороны Японія признаетъ преимущественныя права Россіи въ областяхъ китайской территоріи, соприкасающихся съ русской границей и обязывается ничѣмъ не стѣснять свободы дѣйствій Россіи въ этихъ областяхъ.

VII. Настоящее соглашеніе замѣняетъ собою прежнія соглашенія.

Какъ ни велико было расхожденіе японскаго и русскаго проектовъ, внимательное изученіе предложеній графа Ламздорфа въ связи съ перепиской по поводу нихъ не оставляетъ сомнѣнія, что они не только не имѣли цѣлью сдѣлать невозможнымъ всякое соглашеніе съ Японіей по корейскимъ дѣламъ, но и по существу дѣла несомнѣнно могли служить основой для дальнѣйшихъ переговоровъ. Какъ сказано, графъ Ламздорфъ въ письмѣ маркизу Ито сообщалъ, что поручитъ переговоры А. П. Извольскому, и, что еще показательнѣе, на слѣдующій день послѣ отправки контръ-проекта въ Берлинъ русскій посланникъ въ Токіо былъ телеграммой предупрежденъ о предстоявшихъ ему переговорахъ. Съ другой стороны, тѣ задачи, которыя,

по словамъ маркиза Ито, ставила себѣ Японія въ Кореѣ русскимъ проектомъ отнюдь не отвергались и съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ его могли быть успѣшно достигнуты. Тѣмъ не менѣе переговорамъ не суждено было открыться, и къ мысли объ уговорѣ съ Россіей по корейскимъ дѣламъ Японія вернулась уже гораздо позднѣе, въ совершенно новой обстановкѣ и съ новой программой, наканунѣ русско-японской войны. Маркизъ Ито отвѣтилъ на письмо графа Ламздорфа изъ Брюсселя 10/23 Декабря. „Я надѣюсь, писалъ онъ, что Ваше Превосходительство позволите мнѣ замѣтить, что первое впечатлѣніе, какъ оно выше описано, и еще нѣкоторые менѣе важные пункты, о которыхъ теперь упоминать нѣтъ надобности, даютъ мнѣ основаніе серьезно сомнѣваться относительно цѣлесообразности рекомендовать проектъ Вашего Превосходительства Японскому Правительству въ качествѣ основанія будущихъ переговоровъ для достиженія соглашенія". Маркизъ добавлялъ, что, вернувшись въ Токіо, онъ сообщитъ свой окончательный отвѣтъ.

Записки Хаяси позволяютъ заполнить пробѣлъ, который дѣлалъ мало объяснимымъ противорѣчіе выраженной маркизомъ Ито въ Петроградѣ готовности сговориться по корейскимъ дѣламъ и его рѣшительнаго отказа вступить на путь соглашенія въ брюссельскомъ письмѣ. До сихъ поръ склонны были искать разгадку въ томъ, что къ предложеніямъ маркиза Ито отнеслись въ Петроградѣ не такъ, какъ они заслуживали. Теперь это объясненіе можно сдать въ архивъ. Записки Хаяси устанавливаютъ, что между отъѣздомъ маркиза Ито изъ Японіи и его пріѣздомъ въ Петроградъ японское правительство приняло рѣшеніе заключить союзъ съ Англіей. Программа осенняго совѣщанія Иноуе, Ямагаты, Ито и Кацуры была оставлена. 16 Октября японскій посланникъ началъ окончательные пе-

реговоры съ маркизомъ Лансдоуномъ, и уже 6 Ноября послѣдній передалъ ему полную редакцію союзнаго акта. Остается невыясненнымъ и послѣ обнародованія записокъ Хаяси только одно—почему въ Токіо позволили маркизу Ито продолжать переговоры съ Россіей, когда было окончательно рѣшено идти въ противоположную сторону. Авторъ записокъ воздерживается отъ прямой постановки такого вопроса: изъ его разсказа выходитъ, какъ будто дѣло сводилось къ канцелярской недоговоренности и путаницѣ. Едва-ли мы можемъ принять такое объясненіе, мало вяжущееся съ огромною важностью разрѣшавшихся тогда японской дипломатіей задачъ.

Примѣчанія.

I. Стр. 1.—Напечатано въ Русской Мысли, 1914, кн. X и отдѣльно Москва-Петроградъ, 1915 подъ заглавіемъ: Начало войны. Пересмотрѣно въ связи съ появившимися, послѣ написанія, бельгійской, сербской, французской и австро-венгерской оффиціальными книгами о началѣ войны и нѣкоторыми другими данными.

II. Стр. 65.—Напечатано въ Русской Мысли, 1911, кн. IV. Внесены несущественныя поправки.

III. Стр. 99.—Напечатано въ Русской Мысли, 1914, кн. V. При написаніи статьи авторъ имѣлъ въ виду только три первыхъ тома переписки Франческо Криспи. Съ тѣхъ поръ появилось еще два. Одинъ изъ нихъ (Francesco Crispi: Questioni Internacionali, Diario e documenti ordinati da T. Palamengi—Crispi, 1913) даетъ много интересныхъ данныхъ о тройственномъ союзѣ, но относящихся главнымъ образомъ къ болѣе позднему періоду, чѣмъ тотъ, который составляетъ предметъ настоящаго этюда.

IV. Стр. 137.—Рецензія, напечатанная въ Извѣстіяхъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1912, кн. V.

V. Стр. 151.—Напечатано въ появляющемся одновременно съ этой книгой сборникѣ „Вопросы міровой войны“, Петроградъ, 1915.

VI. Стр. 193.—Рецензія, напечатанная въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1910, Май, крит. и библ., 168.—Внесены несущественныя поправки.

VII. Стр. 207.—Рецензія, напечатанная въ Извѣстіяхъ Петроградскаго Политехническаго Института, т. VIII (1907).

VIII. Стр. 215.—Напечатано въ Вѣстникѣ Европы, 1909, т. V, сентябрь, подъ заглавіемъ: Корона въ Англіи.

IX. Стр. 241.—Напечатано въ Извѣстіяхъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1913, кн. V, подъ заглавіемъ: Записки графа Хаяси объ англо-японскомъ союзѣ. Нѣсколько вступительныхъ замѣчаній.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Аали Паша 70.
Абердинъ, Лордъ 225, 226.
Александръ I, Императоръ 147, 197, 198, 200, 201, 203.
Александръ II, Императоръ 163—166, 167, 170—174, 176—191.
Аллизе 13.
Альбертъ, Принцъ 217, 223, 226, 230.
Альвенслебенъ, Густавъ ф. 176. 177—180, 183, 184.
Ангулемъ, Герцогъ 198.
Андраши, Графъ Юлій 4, 70, 102, 124.
Асакава 243.
Аталэнъ 202.

Балабинъ 189.
Беджготъ, В. 228.
Бейстъ, Фридрихъ Фердинандъ Графъ ф. 98.
Бенкендорфъ, Графъ А. К. 59.
Бернсторфъ, Графъ Альбрехтъ ф. 161, 172, 177, 181.
Берти, Ф. 248.
Бертхольдъ, Графъ Леопольдъ ф. 4, 10, 11, 13—15, 33, 34, 37, 47, 55, 57, 102.
Ветманъ-Гольвегъ, Теобальдъ ф 14, 18, 32, 46, 50—52, 62, 102.
Биконсфильдъ, Лордъ 70, 224, 225, 227.
Бисмаркъ, Князь Отто: 18, 70, 102, 118, 120—123, 125, 127—129, 131—134, 154, 155, 160, 164—173, 175, 176—182.
Боллати 17.
Броневскій, А. Н. 35.
Брунновъ, Баронъ Ф. И. 67, 81—86, 91, 93—96, 205.
Будбергъ, Баронъ А Ѳ. 167, 168, 170—173, 178.
Бунзенъ, Серъ М. ди. 10, 13, 16, 60.
Буоль-Шауенштейнъ, Карлъ Фридрихъ Графъ ф. 89, 91.
Буржуа, Эмиль 209, 210, 213.
Бьенвеню-Мартенъ 11, 20.
Бьюкананъ, Серъ Джорджъ 59.

Валевскій, Александръ Графъ Колонна 235.
Ванъ-де-Вейеръ, Сильвенъ 227.
Веберъ, К. И. 246.
Веллингтонъ. Герцогъ 236.
Вердеръ, Графъ 183.
Вертеръ, Карлъ ф. 189.
Вивіани, Рене 20.
Викторія, Германская Императрица 230.
Викторія, Англійская Королева 176, 215—239.
Викторъ-Эммануилъ II, Итальянскій Король 106, 107, 114, 122, 212.
Вильгельмъ I, Прусскій Король 165, 167, 176, 179, 181, 182, 184—191.
Вильгельмъ II, Германскій Императоръ 6, 13, 25, 36, 47, 49, 50, 54, 57—59, 61, 180.
Вильгельмъ IV, Англійскій Король 217.
Вильель, Графъ Жозефъ 198.
Вѣлепольскій, Маркизъ Александръ 154, 155, 161, 162, 170—177.

Габриловичъ 7.
Гарибальди, Джузеппе 102, 104, 105, 107—112, 114.

Генрихъ, Принцъ Прусскій 23, 45.
Георгъ IV, Англійскій Король 219, 222.
Георгъ V, Англійскій Король 45, 61
Гербертъ, Сидней 226.
Геффкенъ, Генрихъ 181.
Гизль ф. Гизлингенъ, Баронъ Владиміръ 27.
Гиппіусъ, А. И. 248.
Гладстонъ, Вильямъ 224—226.
Глинскій, Б. Б. 245.
Горчаковъ, Князь А. М. 88, 89, 91—95, 163, 165—173, 177—182.
Горчаковъ, Князь М. Д. 155, 161, 165, 167, 170.
Горяиновъ, С. М. 67, 69, 70, 74, 75, 78, 82, 94, 95, 97, 98
Гошенъ, Серъ Э. 17, 22, 23, 32, 44, 46, 47, 61.
Гранвилль, Лордъ 236.
Грей, Лордъ 236.
Грей, Серъ Эдуардъ 5, 8, 9, 11, 21, 22, 26, 29, 30 — 36, 38, 40, 45—47, 51, 52, 54, 56, 57, 59, 62.
Грехемъ, Серъ Джемсъ 226.
Губастовъ, К. А. 139.

Депретисъ, Агостино 102, 116, 119—125, 131.
Дерби, Лордъ 225, 227.
Джолитти, Джованни 102.
Друэнъ-де-Луи, Эдуаръ 90, 175.

Жомини, Баронъ А. Г. 91, 205.

Заіончковскій, А. М. 205.
Зибель, Генрихъ 118, 181.

Игнатьевъ, Графъ Н. П. 96.
Извольскій, А. П. 20, 247, 248, 250, 254, 256.
Иноуе 251, 257.
Ито, Князь 244 — 246, 251 — 254, 256—258.

Кавуръ. Графъ Камилло Бензо 70, 104—112, 114—116, 134.
Кайроли, Бенедетто 119, 124, 125, 129, 131.
Кальноки, Г. С. Графъ ф 134.
Камбонъ, Жюль 14, 32.
Каннингъ, Лордъ 198, 199, 236.
Каподистріа, Графъ І. 197.
Каратеодори Паша 70.
Карлъ X, Французскій Король 198, 201.
Кассинисъ 127.
Кастльри, Лордъ 236.
Кацура, Вконтъ 244, 251, 257.
Келлеръ 158.
Кларендонъ, Лордъ 234.
Клермонъ, Э. 209, 210.
Кобеко, Д. Ѳ. 139.
Комеровскій, Р. 181.
Комура, Баронъ 246, 247.
Константинъ Николаевичъ, Великій Князь 184.
Константинъ Павловичъ, Цесаревичъ 137—142.
Костюшко, Ѳ. 163.
Криспи, Франческо 101—136.
Кудашевъ, Князь Н. А 14, 37.

Ла-Мармора, Альфонсо 118.
Ламартинъ 204
Ламбертъ, Графъ К. К. 170.
Ламздорфъ, Графъ В. Н. 246, 247, 249, 250, 252 — 254, 256, 257.
Ландоунъ, Маркизъ 248, 249, 258.
Ла-Фарина 106, 108.
Ленцъ, Максъ 181.
Ленъ 186.
Леопольдъ І, Король 219, 221, 227, 229, 230.
Лисицкій, Генрихъ 181.
Лихновскій, Князь 20, 22, 24, 26, 29—32, 38, 51, 62.
Лобановъ-Ростовскій, Князь А. Б. 246.
Луи-Филиппъ, Король Французовъ 201—204, 230.
Любецкій, Ксаверій Князь Друцкій 146.

Манчини, П. С. 102, 119, 125, 131.
Марія, Королева Португальская 232.
Мартенсъ, Ф. Ф. 195—205.
Мадцини, Джузеппе 108, 109, 116, 211.
Мегемедъ Али, Хедивъ 80.

Медемъ, Графъ 202.
Мейендорфъ, Баронъ 172.
Мейендорфъ, Баронесса 172.
Мельбурнъ, Лордъ 219—223.
Менздорфъ, Графъ 5, 20—22, 24, 26, 27.
Меттернихъ, Князь 70, 85, 141.
Монтебелло, Герцогъ 180.
Моренгеймъ, Баронъ А. П. 135.
Морской 245.
Мусурусъ 93.
Мэтландъ, Ф. У. 228.

Наполеонъ III 70, 104, 108—113, 117, 119, 121, 169, 170, 174, 179, 181, 205, 207, 211—213, 235, 237.
Нелидовъ, А И. 97.
Нессельроде, Графъ К. К. 76, 77, 80, 81, 85, 147, 172, 200—202.
Николай I, Императоръ 76, 80, 86, 87, 137—142, 200, 205, 230,
Николай II, Императоръ 6, 25, 36, 47—49, 54, 57, 59, 61.
Николай Николаевичъ, Великій Князь 97.
Нисси, Баронъ 246.
Ноа, Г. У. 181.
Новиковъ, Е. П. 96.

Олливье, Эмиль 181, 213.
Орловъ, Графъ А. Ѳ. 75, 76, 79, 80, 86, 90, 205.

Паламенги-Кримпи, Т. 102, 103, 118.
Паленъ, Графъ 202.
Паллавичино, Маркизъ 110.
Пальмерстонъ, Лордъ 70, 85, 91, 98, 203. 225, 226, 232—237.
Паскевичъ, Князь И. Ф. 167.
Пашичъ, Никола 7.
Перье 202.
Пиль, Серъ Робертъ 220—225, 229.
Пій IX, Папа 211.
Понятовскій, Князь Іосифъ 163.
Поццо ди-Борго, Графъ 197, 199—202.
Принципъ 7.
Пурталесъ, Графъ 10, 23, 28, 35, 40—43, 49, 54, 59, 60.

Радзивиллъ, Князь Антоній 157.
Радзивиллъ, Князь 184.
Раковскій, Казиміръ 181.
Раттацци 112.
Рессель, Лордъ Джонъ 175, 176, 181, 225-227, 232-237.
Рехбергъ, Графъ 175, 189.
Решидъ Паша 70.
Ришелье, Герцогъ 197.
Робилантъ, Карло Графъ ди 131.
Роддъ, Серъ Реннель 35.
Розенъ, Баронъ Р. Р. 246.
Розбери, Лордъ 225.
Рузвельтъ, Т. 245.

Сазоновъ, С. Д. 10, 11, 16, 25, 26, 28, 29, 33, 35, 37, 39, 41, 42, 44. 49, 54, 55, 56, 60.
Санъ-Джуліано, Маркизъ ди 18, 35, 36.
Сапари, Графъ: 33—35, 37, 55, 56.
Севастопуло, М. М. 27.
Скоттъ, Серъ Чарльзъ 249.
Солсберп, Маркизъ 135, 136, 225.
Сорель, Альберъ 210.
Соутернъ 232.
Спасовичъ, В. Д. 162, 181.
Стаблевскій, Эразмъ 159, 160, 162.
Сухозанетъ, Н. О. 170, 172, 176.
Сухомлиновъ, В. А. 44.

Татищевъ, С. С. 69, 80.
Токвиль, Графъ Алексисъ 204.
Трубецкой, Князь Ю. И. 6.
Тувенель, Л. 205.
Турнъ, Графъ 29.
Тьеръ, Адольфъ 203.

Убри, П. П. 177, 179, 180.
Уольполь, Спенсеръ 181.

Флоттвелль, Эдуардъ Генрихъ ф. 157.
Флурансъ, Эмиль 134.
Фоксъ 236.
Францъ-Іосифъ, Императоръ 188.
Францъ-Фердинандъ, Эрцгерцогъ 4, 6.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, Король Прусскій 156.
Фридрихъ-Вильгельмъ IV, Король Прусскій 157.

Фридрихъ III, Императоръ Германскій 230
Фридъюнгъ, Генрихъ 181.

Хаяси, Графъ 243, 245, 249, 251, 257, 258.
Хлопицкій, Іосифъ 144.
Хозревъ Паша 70.

Цигановичъ 7.
Циммерманъ 44.

Чиршкій, ф. 33, 47, 57.

Шарлотта, Принцесса 219.
Шарль-Ру, Франсуа 181
Шатобріанъ, Графъ 197, 198.
Шебеко, Н. Н. 16, 34, 55, 56.
Шенъ, Баронъ ф. 12, 14, 19, 20, 24, 38.
Шлейницъ, ф. 165—169, 181, 182.

Эдуардъ VII, Англійскій Король 217, 238.
Эренталь, Графъ А. ф. 4, 11, 29.

Яговъ, ф. 13, 14, 17, 32, 34, 45, 56, 61, 63.
Ямагата 251, 257
Янишевскій 159.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ